

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(108)**

МОСКВА 2016

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2016. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
член-корр. НАУ А.А. Гриценко; д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н. К.А. Зимарин; д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, саім: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2016

Содержание

Юбилейный мотив (<i>Главный редактор</i>).....	7
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российское системное перестроение как неизбежная актуальность	9
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Возмездие и милосердие Книги	33
<i>С.А. Строев</i>	
Иррациональность потребностей и субъективная психологичность экономики.....	42
<i>О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов</i>	
Экономический кризис: императив без адресата.....	55
<i>М.Р. Фомина</i>	
История философии хозяйства: постановка проблемы «дзэн-буддизм и капитализм»	63
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Конституирующие основы фундаментальной экономической науки: философско-хозяйственный взгляд.....	75
Раздел II. Экономическая теория	
<i>И.В. Пиеницын</i>	
Понятие цикла экономики	95
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Политэкономия евразийской цивилизации: уникальный дискурс и пространство сотрудничества	106
<i>А.А. Олейников</i>	
Национальный доход как фундаментальное условие и основа воспроизводства многоукладного хозяйства России	117
<i>Н.И. Усик</i>	
О расширении границ рыночной экономики	130
<i>С.В. Кайманаков</i>	
Многоуровневый подход к исследованию эффективности производства и экономической безопасности.....	142
<i>Е.В. Купчишина</i>	
Некоторые аспекты формирования институциональной инфраструктуры цифровой экономики.....	151
<i>А.В. Ямушкин</i>	
Экономическая теория и перспективы анализа сложных систем	161

<i>А.А. Алуханян, А.В. Андреева</i> Финансовые и маркетинговые инструменты государственной поддержки программы неоиндустриализации экономики	169
<i>Ю.К. Волков, М.А. Зубанов</i> Историческое и логическое в определении специфики деятельности потребления	178
<i>Р.И. Хабибуллин</i> Концептуальные основы самоуправляемой фирмы: в поисках сбалансированной модели хозяйствования	189
Раздел III. Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырёв</i> Прогресс транстехнологий как отрицание человека: критические точки взаимодействия	209
<i>Ф.И. Гиренок</i> Сладкое и соленое: философия социального	222
<i>К.В. Молчанов</i> Недостатки диалектического метода К. Маркса. Достоинства подхода К. Маркса	228
Раздел IV. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i> Размышления у непарадного подъезда отечественного обществоведения (по поводу необычной книги С.Г. Кара-Мурзы).....	239
<i>С.Г. Кара-Мурза</i> Краткий экскурс в политэкономия.....	241
<i>И.Г. Шевченко</i> Скрижали экономической мысли	252
<i>Н.Н. Ростова</i> Философия быта	255
Научная жизнь	
<i>С.С. Нина, Т.С. Сухина</i> Философия хозяйства как иное знание	261
<i>Е.С. Зотова</i> Об экономических компромиссах сегодня	271
Наши авторы	285

Contents

The Anniversary Motive (<i>Chief Editor</i>).....	7
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Systematic Reconstruction in Russia as Unescapable Actual Reality.....	9
Part I. Philosophy of Economy	
<i>N.B. Shulevski</i>	
Punishment and Charity of the Book.....	33
<i>S.A. Stroev</i>	
Irrationality of Needs and Subjective Psychology of Economics	42
<i>O.R. Chepyuk, A.N. Fortunatov</i>	
Economical Crisis: Imperative with no Receiver.....	55
<i>M.R. Fomina</i>	
History of Philosophy of Economy: on a problem «Zen Buddhism and Capitalism».....	63
<i>T.N. Judina</i>	
The Constitutional Basis of Fundamental Economic Science: Philosophy of Economy Look	75
Part II. Economic Theory	
<i>I.V. Pshenitsin</i>	
The Statement of Economic Cycle	95
<i>A.A. Akinin, A.A. Shevelev</i>	
Political Economy of the Eurasian Civilization: Unique Discussion and Partnership Spread	106
<i>A.A. Oleynikov</i>	
National Income as the Fundamental Statement and the Basis of Industry and Multistructure Economy of Russia	117
<i>N.I. Usik</i>	
On the Expansion of Boundaries in Market Economics	130
<i>S.V. Kaimanakov</i>	
A Layered Approach to the Study of the Efficiency of Production and Economic Security	142
<i>E.V. Kuptchishina</i>	
On Some Aspects of Digital Economy Institutional Infrastructure Development	151
<i>A.V. Yamushkin</i>	
Economic Theory and Perspectives of Analysis of Complex Systems	161

<i>A.A. Alukhanyan, A.V. Andreeva</i>	
Finance and Marketing Instruments of New Industrialization Government Support	169
<i>Yu.K. Volkov, M.A. Zubanov</i>	
The Historical and the Logical in Defining Specifics of Consumption Activities	178
<i>R.I. Khabibullin</i>	
Conceptual Bases of Labor Managed Firms: Searching of a Balanced Economic Model	189
Part III. Actual Philosophy	
<i>V.A. Kutryyov</i>	
Progress Trans-Technology as a Denial of the Human: the Critical Points of Interaction	209
<i>F.I. Girenok</i>	
Sweet and Salty: Philosophy of the Social.....	222
<i>K.V. Molchanov</i>	
The disadvantages of the K. Marx's dialectic method. The advantages of the K. Marx's approach	228
Part IV. Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Thinking at the Back Entrance of the Native Social Science (on the Unusual Book by S.G. Kara-Murza)	239
<i>S.G. Kara-Murza</i>	
A Brief Excursion to Political Economics	241
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Economy Thinking Tablets.....	252
<i>N.N. Rostova</i>	
Everyday Life Philosophy	255
Scientific Life	
<i>S.S. Nipa, T.S. Sukhina</i>	
Philosophy of Economy as the Different Notion	261
<i>E.S. Zotova</i>	
On Compromises in Economics Today	271
Our Authors	288

Юбилейный мотив

Год 2016-й — год 75-летия экономического факультета МГУ, образованного 25 декабря 1941 г., когда враг еще был под Москвой, хотя уже и отступал под натиском Красной Армии. Факультет пронес боевой созидательный дух через три четверти века и является ныне большим и оригинальным учебно-научным звеном Московского университета.

Уместно отметить здесь и немалый вклад в научно-образовательную историю факультета журнала «Философия хозяйства», который завершает восемнадцатый год своего существования и переходит в год девятнадцатый. Излишне говорить об актуальном и разнообразном содержании ВАКовского журнала, его незаурядной роли в современном мыслиезъявлении, а главное — в утверждении философии хозяйства и соответствующего ей миропонимания.

Авторитет журнала растет, импакт-фактор уверенно поднимается. Журнал отвечает потребностям экономистов, философов, обществоведов, вообще любых гуманитариев. Он классичен, но при этом и современен; фундаментален, но при этом и актуально сведущ; концептуален, но при этом и полон прикладных полезностей. В общем — не журнал, а ... прелесть, разумеется, не та прелесть, а эта — *нашенская!*

Позволю себе заявить, что журнал — верное достояние экономического факультета, его незыблемое обретение, что позволяет журналу с легким сердцем отозваться восторженно о 75-летнем юбилее факультета, во славу которого он как раз и самоотверженно трудится.

Главный редактор

*К Международной научной конференции,
посвященной 75-летию экономического факультета МГУ,
«Российское системное перестроение как стратегическая
неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация,
неодирижизм»*

Ю.М. ОСИПОВ

**Российское системное перестроение
как неизбежная актуальность**

Аннотация. Рассматривается фундаментальная проблема системного социоэкономического перестроения России в условиях неоэкономической среды, на началах неоиндустриализма и посредством неодирижизма. Уделяется внимание имперской природе России, однако не метропольно-колониальной, а внутренне устроительной. Обновляются имперский характер произошедшей в современной России социально-экономической реформы и имперский же характер стабилизации и перестроения России.

Ключевые слова: Россия, государство, империя, реформа, экономика, социум, политика, перестроение, постреформизм, неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм.

Abstract. The article is devoted to the fundamental problem of system socioeconomic evolution of Russia in the conditions of the neoeconomic environment on the basis of neoindustrialism and by means of neodirigism. The author pays attention to the imperial nature of Russia, however, not metropolitan and colonial but internally managerial. The article proves imperial nature of the social and economic reform which happened in modern Russia and the imperial nature of stabilization and evolution of Russia.

Key words: Russia, state, empire, reform, economy, society, policy, evolution, postreformism, neoeconomy, neoindustrialization, neodirigism.

В 2009 г. Центр общественных наук при МГУ провел под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международную научную конференцию — Малый университетский форум на тему: «Российское перестроение: общество, политика, экономика», материалы которого, включая и итоговую резолюцию,

были переданы от имени Совета Федерации высшему руководству страны (материалы конференции и статьи по ее итогам см.: [1 — 3; 7; 10 — 16]).

Нет, мы не можем сейчас сказать, что «воз, мол, и ныне там», что в стране ничего перестроенческого не происходит, как и в то же время не можем уверенно утверждать, что в стране развернулся активный перестроенческий процесс.

Дело в том, что форум выступил за решительный переход от *пореформенной* модели национального хозяйства к *постреформенной*, преодолевающей пороки первой из названных моделей и устремленной к суверенному и целостному (системному) развитию национального хозяйства.

Российское правительство предпочло «неторопливую полумерность», видимо, во-первых, не имея возможности эффективно оторваться от «опеки» глобализма и радикально переориентировать запущенную российской реформой модель (собственно, тоже имманентно глобалическую); во-вторых, предпочтя мягкий, как бы и эволюционный, переход от энерго-сырьевой экспортно-импортной к модели всестороннего развития; в-третьих, надеясь на некоторое самоизлечение пореформенной модели через перетекание капитала в новые или ранимые производительные сферы с некой «помощью» глобального капитала (внешние займы банков и корпораций, приход иностранного производительного капитала и т. п. «вещи»).

Что же вышло (или выходит) в итоге?

А случился, по-видимому, некий средний вариант: модель пореформенная не повержена, но зато весьма дополнена государственной (государственно-корпоративной) инициативой, нацеленной на решение ряда неотложных задач хозяйственного бытия по самому близкому, понятному и неременному для большого государства критерию — *геостратегическому*, включающему и такие аспекты, как государственная (национальная, страновая) безопасность и национальный суверенитет.

Усилия правящих верхов были направлены прежде всего на возрождение и развитие оборонно-промышленного комплекса вкупе с возрождением, перестроением и переоснащением российской армии, а также на подъем некоторых значимых для государственной безопасности и национального суверенитета сегментов, вроде авиастроения, судостроения, автостроения, транспорта, связи, инфраструктуры, портового хозяйства, атомной энергетики, космической отрасли, аграрной сферы, а также модернизации и развития экспортных энерго-сырьевых отраслей.

Что касается банковско-финансовой сферы, то, не прибегая к большим радикальным переменам, правительство держит курс на оптимизацию банковско-финансовой системы, избавляясь от «жуликоватых» ее компонентов и втягивая, пусть и не широким фронтом, банковско-финансовых агентов в сферу производительного бизнеса.

Есть и действуют в стране государственные корпорации, возник сонм государственных проектов с их прямым и косвенным финансированием, имеют место строительство новых и модернизация старых предприятий с оснащением их современным (хайтековским) оборудованием, на экспорт идут не одни углеводороды, алмазы или та же древесина, но и продукция с высокой добавленной стоимостью, вовсе не только военная.

Да, хотелось бы большего, а именно, вполне бурного процветания всего национального хозяйства по примеру Китая, Южной Кореи или Сингапура, но приходится констатировать пока то, что есть — небурное и «непроцветное» развитие национального хозяйства, но все-таки... *развитие!*

Чтобы адекватно рассуждать о текущей российской хозяйственной реальности, надо бы принять во внимание несколько сопутствующих смысло-фактологических моментов.

Во-первых, революция (она же и антисоциалистическая контрреволюция) 1990-х совершалась не ради развития страны, а ради крушения СССР, сдачи России Западу (пусть по дивному варианту «интеграции» России в Запад) и ради частного, вполне и безудержного (отложенного, «изголодавшегося») присвоения накопленного и просто ресурсного странового богатства; так что если сегодня развитие, то развитие все-таки *анти*-революционное... хоть и в условиях пореформенной, пусть уже и не такой, как ранее, откровенно грабительской, модели хозяйственного бытия.

Во-вторых, в суждениях о реальности как таковой нельзя полагаться лишь на открытые публике данные, ибо, помимо всем известной их фальсификации, многое, очень многое из реально существующего попросту в этих данных не отражается; любая «реальная» реальность всегда значительно «шире» той, которая обычно бывает публично демонстрируемой; так что реальное российское хозяйство вкупе с его экономикой вовсе не то же самое, что легально всю экспонируется; судить о такой реальности через призму показательных данных примерно то же самое, что судить о научной ценности ученых работ и самих ученых по выдуманному кем-то затейливому и весьма ложным рейтингам.

В-третьих, важнейшие проекты, программы и решения вовсе не обязательно публично афишируются, что означает достаточно конспиративный характер национального государственно-корпоративного хозяйствования, — и это совершенно нормально; есть теневой сегмент, есть просто не учитываемый сегмент, а есть сегмент, сознательно «замалчиваемый»; отсюда о деятельности правящих кругов и ее результатах судить по справочным картинкам более чем опрометчиво; сегодняшний «Госплан» вовсе не на Моховой улице г. Москвы, как было когда-то в СССР, а на Знаменке да Фрунзенской набережной, если не на Лубянке.

В-четвертых, надо учитывать, что современная экономика полна разных фиктивно-финансовых чудес, непроизводительных перераспределительных манипуляций, необыкновенных «муляжей», «миражей», «воздушных шариков»; так что судить о состоянии и достижениях экономики и хозяйства в целом по тем же официальным объемам ВВП, темпам его роста, даже и по размерам занятости вряд ли вполне реалистично; главное здесь — качество и состав реального производства, как и качество и уровень самой жизни в той или иной стране, включая и Россию; всего лишь такие факты, как тотальная суперавтомобилизация или та же тотальная компьютеризация, «мобильнизация» и интернетизация страны, говорят о многом.

В-пятых, полезно принять во внимание и тот факт, что развитие предполагает не только вложения в него капиталов, техники и труда, но и наличие рынков сбыта для возникающего нового производства (предложения), причем в условиях общей открытости экономики и хозяйства внешнему миру; отсюда острейшая проблема конкурентоспособности отечественной продукции, завоевания для нее своего же собственного рынка, как и выхода продукции за пределы страны; с наследием общей конкурентоспособности советского хозяйства и провала 1990-х весьма непросто выйти на необходимые конкурентные и спросовые параметры; отсюда и не слишком бурное и масштабное развитие, демонстрируемое нынешней Россией.

Итак: 1) не все так уж плохо в родных окамах — развитие в стране имеет место; 2) многое из совершаемого не бросается в глаза, происходит не слишком заметно, как бы и за пределами официальной экономографии; 3) правящие круги, ведомые геостратегическими мотивами, взялись за ту часть хозяйственного бытия, которая оказалась объективно важнее и реально исполнимее (значительно и закрытую — оберегаемую «от сглаза»); 4) собственно экономическая подсистема (финансовая, капитальная) остается пока в тугой сцепке с глобальным контекстом, а потому и не слишком вольной и национально ориенти-

рованной; 5) в России идет становление *новой России* как некой *малой России* в *большой России*, что явно неизбежно, вполне допустимо и стратегически совершенно оправданно.

Системное перестроение в постреформенном ключе остается на сегодня главной, вполне и фундаментальной, национальной задачей, тем более, что речь может сейчас идти не просто о развитии хозяйства в интересах нации, а о его *нео*-развитии, мало что современном, а и ухватывающем в качественном аспекте и выражении само будущее.

«*Нео*» — не просто новое, что понятно, не только на данный момент совершенное, что тоже понятно, а, что как раз и пока не слишком воспринимаемое самое важное — *другое*, весьма уже отличное по образу своему от всего предшествовавшего.

Заметим, что человечество так или иначе вступило (пусть Россия, к примеру, вступает) в новую историческую (возможно, что уже и внеисторическую) фазу (эпоху) бытия, когда стало непреложным фактом доминирование созданного человеком неприродного (искусственного) мира, и этот мир не только ежечасно о себе заявляет, превращая бытие человека в *иное* бытие, но и покушается уже на самого человека, требуя от него качественного себе соответствия, то бишь требует какого-то *иного* человека, если не *иного* лишь человекообразного существа.

Нео-мир — нео-бытие — нео-человек!

О «нео» и его разносторонних проявлениях можно говорить и говорить, но мы сосредоточим здесь внимание на проблеме развития национального хозяйства России и необходимом в связи с этим его перестроении (качественной мутации, если угодно).

Вглядимся попристальнее в три кита социохозяйственной современности: *неоэкономику* (*неохозяйство*), *неоиндустриализацию* (*неопроизводство*) и *неодирижизм* (*неоуправление*).

России не избежать плаванья на сих трех китах, ежели она хочет быть не только современной, но и будущей страной, как и не избежать ей необходимого их — этих китов — под себя укрощения.

1. Неоэкономика*

Согласно философско-хозяйственному подходу, экономика есть особого рода хозяйство, ведущееся с участием, на основе и под эгидой

* В апреле 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2016 состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Неоэкономика как высшая форма экономики (осмысление в русле научной школы философии хозяйства)» (см.: [6; 9]).

стоимости, а на поверхности — *денег*, что позволяет говорить об экономике как об *оденеженном хозяйстве*. Отсюда экономика — хозяйство денег, с одной стороны, и опосредованное уже этим оденеженным хозяйством остальное хозяйство — с другой.

Неоэкономика прежде всего — хозяйство *нео-денег*, оторванных от ценностного носителя — золота — и предоставленных самим себе. Нео-деньги — сами-себе-деньги, совершенно идеальные, субъективированные, виртуализированные, произвольные (нынешний доллар — наилучший этому пример).

В неоэкономике деньги не просто посредник в хозяйственном процессе, а в первую очередь его попечитель и господин. Финансы, а это есть не что иное, как работающие деньги, не просто обслуживают хозяйство, а всецело доминируют в нем: не финансы для хозяйства, а хозяйство для финансов, олицетворяемых прежде всего финансовым капиталом. Отсюда выходит, что неоэкономика в основе своей — *финансомика*.

Экономика вообще — социальное счетно-решающее мегаустройство; что касается неоэкономики, то это, будучи тоже социальным счетно-решающим мегаустройством, оказывается тотально и решительно технизированным (компьютеризованным) и техноинформатизованным устройством, сравнимым с гигантским «мозгом». Неоэкономика — безусловно *когнитивная* (мозгоподобная) экономика. Молниеносная обработка тотальной информации и взгляд на экономику через информационное поле, сидящее в компьютерах, из них выскакивающее и вскакивающее в людские головы, полностью погруженное в это поле и его ни на миг не покидающее. Не информация в экономике, как было и бывает обычно, а экономика *под* информацией и в ее безраздельной власти — разница!

Как счетно-решающий «мозг», экономика, бытующая в реальных сознаниях (и мозгах) людей (ей просто негде больше быть со своей чисто идеальной стоимостью), — вне времени-пространства (как и сознание тоже). Но в реальности экономика, будучи распределенной по хозяйству и социуму, вынуждена сочетаться со временем-пространством, а потому и считаться с этим в своей текущей работе. Не то неоэкономика, которая, будучи оснащенной быстродействующими (мгновеннодействующими) техническими, информационными и коммуникационными средствами, работает практически уже независимо (или почти независимо) от времени-пространства, оказываясь невероятно мобильной, скорой, маневренной. Это важнейшая прерогатива неоэкономики — не просто «мозг» (как образ), а самый настоящий, гигантский и безграничный... э-э... *социотехнический мозг*, ра-

зумеется, в своей решающей сердцевине вполне *нематериальный*. Это, скорее, некое идеальное облако, энерго-информационное поле, чисто ноосферная компонента бытия.

Из вышевысказанного выходит, что неοэкономика будучи неограниченной и высокоподвижной целостностью, теряет, в отличие от обычной экономики, такие свои характеристики, как механизм, организм, система, хотя в сфере неοэкономики, в ее составе, можно обнаружить и механизмы, и организмы, и системы, но всего лишь как локальные компоненты неοэкономики, а не как охватывающие ее в целом. Как целостность неοэкономику уместнее сравнить, наряду с «мозгом», еще и с «морем», «атмосферой», тем же гигантским «облаком».

Физио-техно-натуралистический подход совсем не годится для характеристики неοэкономики, которую в целом уже не загнать в механическое, органическое или системное представление, как и соответствующим образом не смоделировать.

Неοэкономика слишком уже *сама по себе*, слишком она эластична и вольна, слишком вообще неопределенна, чтобы подчиняться традиционным о ней научно-аналитическим представлениям: это уже *другой мир*, требующий и совершенно *иного* трактования, как и, разумеется, *иного* с ним делового обращения.

Освобожденная от давления и контроля со стороны золота, тотально виртуализированная, высокоподвижная, безграничная, прямотаки «летучая», неοэкономика тяготеет не к порядку, еще и законообусловленному, а... нет, не к беспорядку как таковому, хотя это тоже есть, а... к созидательному (творящему) хаосу, находящему воспронзодственное воплощение не в порядке как таковом, а в *хаосмосе*, представляющем собою произвольно возникающий «порядок-беспорядок», не доходящий до космической законченности, а остающийся как бы посередине между хаосом и космосом.

Тут уже царство не закона и порядка, а беззакония и хаоса, еще и своеобразной «преисподней» неοэкономики — *субэкономического зазеркалья*.

Неοэкономика — сама-себе-экономика, *causa sui* (сама себе причина), которая существует и реализуется сначала для себя, потом для хозяйства и социума, а затем снова для себя — итогово (с доходом). И получается, что не экономика для хозяйства и в хозяйстве, хотя это и есть, а... хозяйство для экономики, под ней и под нее. Виртуальные, своевольные и вполне произвольные деньги, которые уже и не-совсем-деньги (некие квазиденьги), хоть и обслуживают они вроде бы живое жите, но лишь выворачивая его в свою сторону и в свою же

пользу. Кто владеет деньгами (стоимостью), тот владеет экономикой, а соответственно и всем уже полуживым житием.

Неоэкономика — последнее слово экономики, ее высшее проявление, ее последний шанс, но при этом какая же она — неоэкономика — утонченная, изошренная, ловкая, хитроумная, путаная и паутиная, одним словом — экстра- и ультра-экономика, для которой нет в современном дискурсе даже достойного словесно-понятийного определения.

Неоэкономика — не рыночная вовсе экономика, а вполне себе... *сетевая* — *нето*-экономика, в которой не рынки решают, а сетевые «пауки» для сетевых же «мушек»; не на и не в рынок выходят и входят агенты, а в сети, — и попробуй там — в сети — отважно поконкурировать, повольничать, повыпендриваться... вне сети, вопреки «паукам» и «паучкам», без ведома «смотрящих», — будет тебе и «рынок», и «конкуренция», и «свобода», как и — разумеется... неминуемое банкротство. Радуйся, что ты — агент в сети, довольствуйся этой удачей, не нарушай сетевого «устава» (прямо как в армии, монастыре, учреждении, только гораздо круче!), тогда и останешься, и будешь — до поры, может, и успех какой-нибудь тебя вокруг настигнет.

Неоэкономика иерархична, многоуровнева, пирамидальна, централизована и полицентрирована: в ней есть кому осознанно решать — сверху, кому осознанно служить — в середине, а кому и осознанно просто подчиняться — в низах.

Да, неоэкономика — поле разнообразной, высокоранговой, изошренной битвы, хотя и не рыночно-конкурентной в обычном понимании — меж самостоятельными агентами, составляющими-де «рынок», а как бы битвы вообще, неизвестно кем и как ведущейся, как бы атмосферной, мореподобной, плазменной. Битва тут как состояние, пребывание, бытие. Битва всех против всех, что не значит, что нет договоров, контрактов, согласий, консолидаций, объединений, альянсов, тех же «стрелок», «сходок», каких-то там «соборов». Все тут есть, кроме действительно что-то решающих «рынков». Рыночная экономика — вполне уже обесмысленный анахронизм. Неоэкономика — экономика тоже с рынками, конечно, но как лишь просто товарными рынками либо корректировочными (настроечными) деяниями-процессами; это вовсе уж не рыночная экономика — как вполне подотчетная рынкам экономика.

В неоэкономике любой экономический параметр может быть любым по величине, но при этом и не каким угодно (битва допускает многое, но, разумеется, не все — на то она и битва). Произвол на произвол дает меру, как и мера на меру тоже дает меру, и произвол никуда

при этом не исчезает, а потому-то он как раз сам себе и мера... до встречи с другим произволом или же с непреодолимой им другой мерой. Мера — из хаоса, но она же и обратно в хаос, что как раз и говорит о том, что неэкономика — *сама себе мера*.

Неэкономика — не просто новая экономика, ее очередная историческая форма, это уже экономика, отрицающая и... саму себя — как раз через свою внешнюю для себя технологизацию, в свою очередь, отрицающую социальность экономики, ее зависимость от социума и вообще от социального фундаментального начала.

Глобализация, характерная для неэкономики — не просто мировая масштабность с высокой внутримировой взаимозависимостью элементов, частей и процессов, а и отрыв виртуализированной экономики как от реальности вообще, так и от реальности собственно социальной. В этом-то отрыве и выражается самоотрицание экономики как собственно экономики, сопровождаемое ее превращением в *постэкономику* (в ту же *техномику*).

Неэкономика — мир не просто цифр и чисел, а весьма отвлеченных от социо-натуро-хозяйственной реальности цифр и чисел, весьма уже предоставленных самим себе; неэкономическая реальность — реальность сначала собственно цифр и чисел, а потом уже собственно реальности, а потому неэкономика — *сама себе реальность*, как и *сама себе ирреальность* совершенно уже оцифренная, состоящая из цифр, навязывающая себя собственно реальности, ее заметно и замещающая.

Производительный процесс, как и любой другой реальный хозяйственный процесс, не прекращается при неэкономике, но значительно зависит от стоимостного счетно-ценностного потока и его цифровых показателей (от потока стоимостных цифр, их, этих показателей, взаиморасположения и динамики). Теперь не производство само по себе определяет стоимость и ее динамику, а стоимость, ее динамика определяют производство. Миллионы, миллиарды, триллионы... однако, чего? Да попросту голых цифр и весьма произвольных чисел, пусть и кем-то вроде бы довольно рассчитанных. Оцифрованное облако — не оцифрованная реальность, тут уж разные миры: мир цифр от цифр и мир цифр от реальности. Разумеется, есть соответствие между облачным и реальным мирами, но вполне подвижное соответствие, упорно восходящее к несоответствию.

Отсюда и *перманентная кризисность* неэкономики: облако и реальность не только не одно и то же, а великая разность и розность, бытующие хоть и во взаимодействии, но не вместе и не во взаимности.

Перманентная кризисность — необходимое ныне условие непрерывного поиска совместности и взаимности между облаком и реальностью, их воспроизводственного соответствия. Главное спасительное средство для неэкономии от собственного же краха — высочайшая производительность глобализованного производства, его невероятная избыточность, как и немислимая фиктивность (фальшивость), что позволяет цифрам и числам вольно гоняться по свету друг за другом в своем безудержном финансово-оценочно-инвестиционном раже, не страшась какое-то время своего тотального банкротства.

Избыточное производство — всю избыточное и облако, а раз все тут избыточно, то и неэкономическая игра тоже вполне избыточна, правда, не игнорирующая, а постоянно подтверждающая финансово-кабальный принцип эксплуатации ирреальным облаком реального производства: никакого тебе производства без «резюлюции» облака, никакого реального хозяйства вне облакового вмешательства, никакого хозяйства без облаковой кабалы. Тут ведь хозяйство не человека как такового, не производства как такового, даже не хозяйства как такового, а именно... *облака*, правде, вполне вроде бы осознанного, и институционализованного, но все-таки облака — как накачанного донельзя духообразной стоимостной субстанцией гигантского пузыря, правда, вроде бы не мыльного, но... почему же и не мыльного?

2. Неиндустриализм*

Неиндустриализм — вовсе не так новый индустриализм, как качественно особый индустриализм, причем настолько особый, что как бы уже и не индустриализм, а именно *пост*-индустриализм.

Само понятие «индустриализм» ныне следует трактовать не как наличие в хозяйстве тяжело и громко выраженной техники, ее широкого производства и ее же неременного участия в любом из культивируемых производств, а как присутствие в хозяйстве созданного человеком *искусственного производства с искусственной же производительной силой*. Теперь уже нельзя ограничиваться в понимании индустриализма машиной, фабрикой и железной дорогой, как и тем же электричеством, ибо ко всему этому прибавилось многое другое, чего к железу не сведешь и чьего ужасного скрежета не услышишь — ра-

* В апреле 2013 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2013 состоялась секция, организованная лабораторией философии хозяйства, на тему «Неиндустриализация как проективно регулируемый инновационный процесс» (см.: [5]).

дио, химия, электроника, микропроцессоры, биотехнологии, нанотехнологии, атомная энергетика, интернет и т. д. Тут вроде бы уже и не пахнет индустрией — белые халаты, стерильная чистота, умные приборы, однако и здесь тоже индустрия, но уже другая — не железная, не тяжкая, не грохочущая. Тут господствует, наряду с обычной индустрией и как бы над ней, *нео*-индустрия, отличающаяся как раз чистотой, тишиной, даже и вкрадчивостью (см.: [8]).

Невозможно представить себе современное производство и само по себе нынешнее жизнеотправление без всякой чудо-техники и разнообразной чудо-технологии: умных машин; скрытых в недрах материалов и в «пустотах» мироздания процессов; мгновенной связи; скорых перемещений во времени и в пространстве; телевидения, интернета, невидимой навигации и многого другого, что превратило сказку в быль, изменило бытие, жизнь, хозяйство, экономику, сознание, вообще человека.

Неоиндустриализм породил новый мир — *нео*-мир, он же и высший *арт*-мир. Да и человек становится уже и новым человеком — более искусственным, технизированным, электронизированным. Чип — уже не проект, а реальность: дело в очереди теперь за *чипо*-веком, замещающим собою собственно человека.

Куда теперь человеку без умного и чудодейственного неоиндустриализма, как и той же *нео*-науки — не так уж исследовательской, как демиургической; куда без работающих технических систем, когнитивных технологий, технизированных социума, хозяйства, экономики, культуры. Что теперь человек без компьютера, информатики, программистики, интернета, «мобильника», умного автомобиля, искусственного спутника Земли, навигатора, а главное — что вообще человек без неоиндустриального искусственного мира и без необходимой этому миру *нео*-органики?

Неоиндустриализм не только служит человеку, ему споспешествует, но и меняет человека, превращая в *нео*-человека, мало того — он, безусловно, уже владеет, пусть еще и не полностью, человеком, его сознанием, подвигая человека к превращению уже в *пост*-человека.

Неоиндустриализм — чудо о двух концах: с одной стороны, облегченное, комфортное, сытое, долголетнее для особи бытие, а с другой — технизация, чипизация, кибернизация человека, его сознания, превращение человека в *иное* человекообразное (даже и в чистого *человекообраза*).

Неоиндустриализации не избежать, но, увлекшись ею, можно и упустить самого по себе человека — *все-еще-человека*, хотя, возмож-

но, и удастся перейти к какому-то сверх-человечеству, вполне уже, что совсем не исключено, и апокалиптическому).

Входит ли сие превращение (супермутация) в проект под кодовым названием «Человек» или нет — вопрос, который как раз и разрешит XXI в. от Р. Х., столь стремительно *переменный* (не переменчивый, что понятно, а именно *переменный* — супермутационный).

3. Неодирижизм*

Дирижизм как понятие родился, судя по всему, во Франции (от фр. *diriger* — управлять) — как некая альтернатива одновременно кейсианству, фашистскому управлению капиталистической экономикой и сталинскому директивному планизму. Однако суть дела тут не в особенностях способов управления, а в самом *феномене управления* в сфере хозяйства и экономики: управление как управление присуще не только армии или тому же государственному аппарату, а и хозяйству с экономикой тоже. Иное дело, что, согласно определенной политэкономической догматике в национальном хозяйстве и в так называемой «прогнозной экономике», управления со стороны государства либо не должно быть вовсе, либо оно должно быть минимальным. Тут не «*dirigisme*» более потребен, а «*laissez faire*» («позвольте действовать»), что вроде бы и более соответствует основам свободного капиталистического хозяйствования (свободе частного бизнеса).

С крахом (отменой) советского социализма с роспуском СССР сталинский «планизм» был упразднен, и в реформируемой на «рыночно-экономических» началах Российской Федерации была запущена «рыночно-экономическая (капиталистическая) свобода». Занимаясь реформой и социохозяйственной перестройкой, государство как бы отмежевалось от непосредственного хозяйственного процесса, оставив под своим управлением лишь часть денежно-финансовой сферы и часть социального сегмента. Все остальное ушло под свободную частную инициативу. Если некий дирижизм и сохранился в РФ, то в очень урезанном виде. Его — дирижизма — как бы и не стало.

Но вот пришли 2000-е гг., была осуществлена полу- или квазидирижистская социо-хозяйственная стабилизация, а потому, уже к ру-

* В феврале 2011 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Неодирижизм как императив текущего момента». В апреле 2012 г. в рамках Ломоносовских чтений — 2012 состоялась секция лаборатории философии хозяйства «Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неоодирижизмом» (см.: [4]).

бежу 2000-х и 2010-х гг., когда возникла потребность активизации социально-экономического развития, а по сути — *перестройки* российских хозяйства и общества в сторону развития и суверенитета, во всю силу встал вопрос о необходимости и возможности запуска государственного (либо государственно-корпоративного) дирижизма, мотивированного, помимо достижения целей развития и суверенитета, переходом от пореформенной модели экономики к постреформенной, хотя это разделялось не столько властями и бизнесом, сколько частью научно-экспертного сообщества.

Само понятие «дирижизм» настолько пугает отечественный либеральный экономизм, что о нем российское руководство предпочитает не говорить, хотя и делает все возможное и даже невозможное, чтобы удерживать российское национальное хозяйство в русле с таким-де трудом и издержками добытой пореформенной (якобы «либеральной») модели. На практике экономический дирижизм в России есть, но, во-первых, как бы сугубо-де либеральный, а во-вторых, вполне на время и вынужденный, ибо дирижизм хозяйству с экономикой необходим, и от него российскому государственно-корпоративному комплексу никуда все равно не уйти.

Не видеть непрерывного, хотя и с разным знаком, дирижизма в российской и зарубежных (тех же западных) экономиках — ничего не понимать вообще в современной экономике, которая насколько свободна, настолько и управляемая, правда, не так всегда и везде государствами, как корпоративными агентами — не без участия все того же государства (один практический институционализм чего стоит!).

Дирижизм был, есть и будет; проблема сегодня не в его факте, а в реализации сего факта; разгосударствление хозяйства и экономики, предпринятое в России в 1990-х и далее годах, тоже ведь дирижизм, хотя нам более интересен дирижизм, работающий на подъем и развитие национального хозяйства, страновой экономики.

Интересен нам и новый образ дирижизма — *нео*-дирижизм, характерный уже для текущего момента. Что здесь означает сие пресловутое «нео»? Наверное, тоже какую-то качественную особенность феномена, делающую его отличительным от дирижизма вообще.

Но сначала о самом по себе управлении экономикой и в экономике, восходящем как раз и к дирижизму.

В самом феномене управления экономикой и в экономике нет ничего необычного: было, есть и будет! Весь вопрос в том, какое это управление, кем и как осуществляется, с какими результатами, а также какова мера того или иного управления — как количественная, так и качественная. Проблема тут не в самом по себе факте управления или

в его отсутствии, а именно в мере управления, ибо само по себе управление не только возможно, но и необходимо.

Сама идея свободы экономики от управления так или иначе от лукавого, ибо это не соответствует ни сути экономики, нуждающейся в управлении, ни реальной практике, наполненной всякими системами и методами управлениями.

Важно уяснить, что мера управления зависит, помимо его практической эффективности, от одного более глубокого обстоятельства, раскрываемого как противоположность управления; экономика ведь действительно должна быть в меру свободной и самоуправляющейся, а потому глубинной мерой управления является... *неуправление*, реализующееся либо через самоуправление возможного объекта управления, либо через общественную стихию.

Любое управление экономикой и в экономике реализуется в рамках соотношения между волевой организацией и как бы стихийной самоорганизацией, — там-то и обнаруживается потребная мера управления.

Можно управлять открыто, назойливо, директивно — почти как в армии, а можно управлять незаметно, негромко, поощрительно, даже и попустительно, но в том и другом случае именно управлять, добываясь чего-то намеченного.

Неуправление — управление неэкономикой и в неэкономике, на базе и в условиях неоиндустриализма. То же самое можно сказать и о неодирижизме. Но что же тогда конкретно стоит за этим «нео» применительно к дирижизму?

На ум прежде всего приходят такие словечки как гибкость, дискретность, мобильность, интенционность, побудительность, а также словосочетания типа создания среды, влияния на процессы, регулирования динамики параметров, ориентации поведения, — как раз те самые словечки и словосочетания, характерные для управленческих действий в условиях глобализированной, мобильной, суперсложной, значительно самоопределяющейся, заметно более хаосмосной, еще и перманентно кризисной, своевольной, неулавливаемой экономики — современной посмодерновой экономики.

Неодирижизм — управление... как бы *без управления*, наугад, во взаимодействии с общеэкономической стихией — вплоть до операций с хаосом и в хаосе, со вполне вероятностным результатом. Разумеется, это не значит, что такой дирижизм не допускает «крутых мер» и директивных действий, но в целом же неодирижизм, будучи как бы внешним вмешательством в экономику, должен быть максимально... *экономическим*, то бишь ей — экономике — максимально споспешее-

ствующим, а не максимально противодействующим. А уж о замене экономической организации какой-то иной организацией типа «планового хозяйства» речи вообще быть не может.

Экономика на то и экономика, чтобы иметь *свою* организацию, в которой есть *свое* управление и которая допускает внешнюю организацию, однако вполне адекватную экономической, а сейчас уже и неэкономической, среде.

Предельная адекватность неэкономике и неоиндустриализму — главная характерная особенность неодирижизма.

* * *

Вернемся к проблеме российского системного перестроения, которое на практике уже идет, но, быть может, не слишком уверенно, споро и эффективно. Главное тут препятствие — маниакальная приверженность высшего правления пореформенной экономической модели. Отсюда и главное условие выхода на более эффективное перестроение — восприятие уже постреформенной модели, как раз и предполагающей наличие осознанного, трезвого и деятельного государственно-корпоративного дирижизма в его современной неодирижистской реализации.

Неодирижизм в матричном отображении

А. Остов

1. Концептуальность.

Куда без концепции практикуемого дирижизма, разве лишь в бездну, а потому потребна вполне практическая концепция российского дирижизма. К сказанному выше о неодирижизме необходимо добавить, пожалуй, следующее: российский дирижизм — дирижизм, знаете ли, *имперский*, что ни хорошо, ни плохо, а попросту что есть, отчего не надо отрицать ни имперского центра управления, ни консолидации национального хозяйственного пространства вокруг центра, ни центростремительной ориентации всей экономики страны, а на данный момент движения от пореформенной модели к постреформенной — феномена *мягкой мобилизации* страны, ее ресурсов и сил, на перестроение и развитие, не ослабляя внимания к оборонно-производительному комплексу — *основному ядру перестроения и развития*.

2. Стратегирование.

Любой общенациональный, международный или даже глобальный дирижизм предполагает наличие стратегии — как относительно объекта управления, так и относительно субъекта управления. Стратегия — набор намеченных целей, предположенных намерений, решаемых

мых задач, равным образом, и выбор средств и методов достижения всего заранее предусмотренного. Для неолиберализма приемлемее именно *стратегирование*, а не, скажем, стратегическое планирование. Изменчивая неопределенность современности требует не погашения ее через тот же тотальный «планизм», а адекватного к ней деятельского приспособления, позволяющего, варьируя всем и вся во времени и в пространстве, достигать не столько намертво поставленных, сколько пластично намеченных целей, однако вполне обоснованных и достаточно реализуемых. Стратегирование не только не исключает окружающих перемен и собственного маневрирования, но оно их априорно предполагает.

3. Структурные перемены.

В соответствии с избранными стратегическими целями — достижения целостного (гармоничного) национального хозяйства в условиях неэкономии и путем его неоиндустриализации. Понятно, что потребен сход с энерго-сырьевой дороги с одновременным развитием высокотехнологического и наукоемкого производства. Отсюда особое внимание науке и образованию, вообще интеллектуализму. Немедленная подготовка и сознательное культивирование национальной творческой элиты и на нее опора.

4. Текущее регулирование.

Системная, комплексная, матричная «игра» с экономическими параметрами для обеспечения общехозяйственного воспроизводственного контура вкупе с переменами, обновлением и развитием.

5. Социальное обеспечение.

Преодоление чудовищного разрыва в доходах между разными слоями населения, ликвидация гигантских социальных неравенств; доступность для всего населения здравоохранения и образования, культуры и спорта; неизменная поддержка пенсионеров и бескорыстная помощь инвалидам.

6. Национальная безопасность.

Борьба с угрозами извне, предотвращение и преодоление любых разрушительных рисков. Поддержка и модернизация армии, ОПК, стратегических отраслей и производств, модернизация и развитие инфраструктуры, связи, транспорта. Борьба с коррупцией и бюрократизмом. Преодоление финансово-административного деспотизма, подавление его очагов.

7. Оптимизация природопользования.

По всему спектру острейших природоохранных, природопользовательских и экологических проблем.

8. Международная экономическая интеграция.

Развитие интеграции и повышение ее эффективности.

9. Оздоровление и оптимизация управления.

Преодоление административного произвола и реформаторского (менеджерального по преимуществу) безумия — *антименеджеральная контрреволюция!*

Б. Стрелы

1. Управление денежно-финансовой системой, или стоимостной, сферой.

Ничего нового по целям, однако в условиях открытой по преимуществу экономики. Экономическая конспирация (своеобразное зазеркалье) вместо откровенного протекционизма. Укрепление финансово-экономического центра.

2. Управление деловым климатом, или средой экономического обитания.

Благоприятствование деловой активности с селективным моментом.

3. Управление сознанием и поведением экономических агентов.

Национализация (патриотизация) сознания и «энтузиазмизация» хозяйственного поведения в угоду национальной эффективности и производительности. Поощрение труда, творчества, предпринимательства.

4. Управление текущими экономическими процессами.

Модернизация, инвестирование, инновационные инициативы.

5. Кризисное управление.

Управление в кризисе и кризисом как необходимая ординарность и потребная необычность.

* * *

Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии «от реформизма к постреформизму» — *животрепещущая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но всюю уже исполняющаяся. Мягкая мобилизация, под которой надо понимать сосредоточение сил и ресурсов пореформенной страны ради ее неуклонного развития, — исторический факт, которым уже нельзя пренебречь.

Формируется новая Россия с многообразной социохозяйственной явью, в сердцевине которой не стоимость с капиталом, а гибкая, не тоталитарная, демократизированная, национальная по духу и соборная по исполнению *имперская власть* — центрированная, верховная, объемлющая страновое целое и локализованная на местах, в частях и элементах.

Либо Россия — империя, либо никакой России нет!

Не надо следовать не слишком дорогому пропагандизму и поносить империю как заведомое зло. Ни в коем случае! Империя для России, причем империя как внутреннее устройство страны, а не империя-завоевательница (метрополия с колониями) — не просто необходимость, а и ее — России — спасение! Но не только: *это единственная возможность суверенного бытия и целостного развития.*

Важно иметь ввиду, что Россия, базирующаяся на русском многоэтническом мире, не может быть ни Западом, ни Востоком, ни Югом — генетический социокультурный код, он же и архетип, восходящий к вековым глубинам, еще и дохристианским, не позволяет России стать неРоссией. Россия не просто самобытна и самостна, она еще и альтернативна — что Западу, что Востоку, что Югу.

Россия — сама-себе-Россия!

Особенность текущего исторического момента — движение России к самой себе, хотя и во взаимодействии с Западом, Востоком и Югом, не исключаящем и немалого противодействия, острых конфронтаций и даже войн.

Что примечательно: стоило России объявить о своем суверенном и собственно российском бытии, как началось беспрецедентное давление на Россию со стороны передового и вроде бы пока лидирующего на планете Запада, как и его внутрироссийских адептов, как при защите всего лишь своих национальных интересов и русского мира против России тут же была начата так называемая гибридная (и санкционная тоже) война, хорошо подтвердившая необходимость как раз имперской самоидентификации России.

Российская власть осуществила в стране революционную реформу 1990-х, она же обеспечила стабилизацию страны в алгоритме пореформенной социально-экономической модели, она же теперь реализует, пусть пока и не очень решительно, системное перестроение согласно постреформенной социохозяйственной модели, — и все это происходит, знаете ли, совершенно *по-имперски!*

* * *

Малый университетский форум, посвященный российскому перестроению, прошел в 2009 г. Содержательные результаты его работы были доведены от имени Совета Федерации до высших правительственных кругов, включая администрацию президента страны. Судя по некоторым практическим действиям центральной власти, а еще более по многим ее отрывочным декларациям, позиция Форума была услышана, хотя и не совпала пока еще в полной мере со стратегическим курсом государства. И вот теперь научно-экспертная общественность, объединяемая Центром общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, вновь ставит вопрос о российском перестроении, акцентируя на его ультрасовременных аспектах, объединяемых почти уже сакральным «НЕО». Инициаторами повторного обращения к актуальной проблематике движет не стремление к получению гранта, в котором, кстати, им уже было отказано по линии РГНФ, а желание, во-первых, адекватно рассмотреть и показать реальность: во-вторых, нацелить действующую власть на реализацию неотложной необходимости; в-третьих, видеть Россию суверенной, развивающейся и процветающей страной, бесцеремонно и надежно овладевшей будущим.

А тут, понимаешь, правительственная «оптимизация» науки, доводящая ее до самоубийства, — не хватит ли?

Литература

1. *Гринберг Р.С.* Российская модернизация: среди шансов и рисков // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
2. *Марков С.А.* Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
3. *Нагорный А.А.* Модернизация: США, Китай, Россия // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
4. *Осипов Ю.М.* Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России // *Философия хозяйства*. 2012. № 2. С. 9–14.
5. *Осипов Ю.М.* Неиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // *Философия хозяйства*. 2013. № 3(87). С. 283 — 288.
6. *Осипов Ю.М.* Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 293 — 298.
7. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неременная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 6.

8. *Осипов Ю.М.* Россия: призрак неомодернизации (тезисы) // *Философия хозяйства*. 2010. № 5. С. 293 — 299.
9. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 9— 26.
10. *Перестроение России* / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: в 2 т. М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 358 с., 413 с.
11. *Починок А.П.* Россия: время прорывного развития // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
12. *Российское перестроение: социум, политика, экономика*. По итогам международной научной конференции — V Малого университетского форума, 2—4 декабря 2009 г., г. Москва. М. 2010. 168 с.
13. *Сорокин Д.Е.* Сценарии посткризисного развития: возможности инновационного перестроения // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
14. *Фурсов А.И.* Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
15. *Хасбулатов Р.И.* Почему России не «грозит» модернизация? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
16. *Шулевский Н.Б.* Знание и судьба России // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.

References

1. *Grinberg R.S.* Rossijskaya modernizatsiya: sredi shansov i riskov // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
2. *Markov S.A.* Konservativnaya modernizatsiya: popytka novoj modeli razvitiya Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
3. *Nagornyj A.A.* Modernizatsiya: SSHA, Kitaj, Rossiya // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
4. *Osipov Yu.M.* Neodirizhizm pLYus neoliberalizm ravnyaetsya ehkonomika sovremennoj Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2012. № 2. S. 9 — 14.
5. *Osipov Yu.M.* Neoindustrializatsiya: sushhnost', znachenie i mehanizm realizatsii // *Filosofiya khozyajstva*. 2013. № 3(87). S. 283–288.
6. *Osipov Yu.M.* Neoekonomika kak vysshaya na segodnya istoricheskaya forma ehkonomiki // *Filosofiya khozyajstva*. 2016. № 2. S. 293 — 298.
7. *Osipov Yu.M.* Rossijskoe perestroenie kak nepremennaya aktual'nost' // *Filosofiya khozyajstva*. 2009. № 6.

8. *Osipov Yu.M.* Rossiya: prizrak neomodernizatsii (tezisy) // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 5. S. 293 — 299.
9. *Osipov Yu.M.* EHkonomicheskij gnozis: ot zabludshogo otvlechenogo teoretizirovaniya k adekvatnomu vozzreniyu na real'nost' // *Filosofiya khozyajstva*. 2016. № 2. S. 9— 26
10. *Perestroenie Rossii / Pod red. Yu.M. Osipova, M.M. Guzeva, E.S. Zotovoj: v 2 t. M.; Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'-stvo*, 2010. 358 s., 413 s.
11. *Pochinok A.P.* Rossiya: vremya proryvnogo razvitiya // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
12. *Rossijskoe perestroenie: sotsium, politika, ehkonomika. Po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii — V Malogo universitetskogo foruma, 2—4 dekabrya 2009 g., g. Moskva. M. 2010. 168 s.*
13. *Sorokin D.E.* Stsenarii postkrizisnogo razvitiya: vozmozhnosti innovatsionnogo perestroeniya // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
14. *Fursov A.I.* Rossiya na vykhode iz tupika, ili T'ma v kontse tunelya? // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
15. *Khasbulatov R.I.* Pochemu Rossii ne «grozit» modernizatsiya? // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.
16. *Shulevskij N.B.* Znanie i sud'ba Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2010. № 1.

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Возмездие и милосердие Книги

Аннотация. В статье исследуется малозаметное событие современного мира — ноосферная контрреволюция, призванная упразднить сакральный феномен «Книга», осуществить проект «Конец Книги». Проект успешно продвигается самими читателями, которые в массовом порядке отказываются от статуса «человека читающего и читаемого», соблазняясь статусом «человека скачивающего и скачиваемого». Вслед за апокалиптикой книги следует апокалиптика сознания, мысли, языка и понимания, что завершается парадоксом: экспоненциальный рост книг и текстов в мире порождает экспоненциальный рост непонимания между народами, странами, этносами, религиями, непонимание человеком самого себя, которое завершается бесконечными кровавыми эксцессами. Но конец книги читаемой приводит к возникновению уникального феномена — Книги, которая пишется для самой себя и становится книгой-читателем, читая и почитая саму себя. Сие возможно в силу того, что основным субъектом книги читаемой и книги-читателя становится действующее по велению Премудрости Софии сознание, которое читает, трактует книгу, используя человека как слепую материю. Перспективу книгобытия автор видит в создании книг, которые органично сочетают в себе книжную мудрость Священных Писаний, императивы Ничто и Незнания, научную ученость, литературное мастерство и... послания, заказы мира Иного. А за насильственную ликвидацию книгосферы книга вершит свое возмездие, насылая на «скачивателей» умиротворяющий дебилизм. Но в то же время Книга с помощью сознания и при содействии Софии протягивает руку помощи скачивателям из мира Иного, в котором она нашла свое спасение, делясь им с человеком. Исследуется творчество выдающегося современного русского мыслителя Ю.М. Осипова, софиасофские книги которого в наибольшей мере соответствуют книге мира Иного, иной книге, инокнижию вообще.

Ключевые слова: книга, ноосферная революция, конец книги, возрождение иной книги.

Abstract. The article investigates a hardly noticeable event of the modern world concerning the noosphere counterrevolution designed to abol-

ish a sacral phenomenon «Book», to carry out «the end of a Book» project. It is successfully moved ahead by readers who refuse their status "a reading and readable person" being tempted with the status of «a downloading and downloaded person». After book apokalyptics follows consciousness, thoughts, language and understanding apokalyptics, that ends with a paradox: exponential growth of books and texts in the world generates the exponential growth of misunderstanding between the people, the countries, the ethnoses, the religions, misunderstanding by the person of itself that ends with infinite bloody excesses. But the end of the readable book leads to emergence a Book as a unique phenomenon which is written for itself and becomes a reader reading and esteeming itself. This is possible because of the consciousness operating on command of Sophia the Wisdom which becomes a main subject of the readable book and the reader-book. The author sees a book-being's prospect as the creation of books which organically combine book wisdom of the Sacred Writings and scientific learning, literary skill and messages, orders of Another world. And the Book manages the punishment for the violent elimination of book-being sending the pacifying idiocy on «a downloading and downloaded person». But at the same time the Book by means of consciousness and with assistance of Sophia the Wisdom helps «a downloading and downloaded person» from Another world in which it founds the rescue sharing it with a person. The author as well investigates the outstanding modern Russian thinker Yu. M. Osipov's works that conforms to standards of the Another world Book, another book, in the greatest measure.

Key words: book, noosphere revolution, end of the book, revival of another book, book of Another world.

В турбулентных потоках современных событий почти незаметной осталась величайшая ноосферная контрреволюция, катастрофа, культурный апокалипсис, создавший эпоху, безобразное своеобразие которой составляет... умирание, смерть, «конец книги». Исчезают книголюбы, читатели, место которых занимают «скачиватели» и «виртуальные проектанты». Книга, вообще, тексты и письмо ныне уже никого и ничему не учат, а общение с ними скорее лишает читателей даже тех смыслов, коими они обладали. Из источника знаний книга становится плодовитым источником непонимания и затемнения человеческого духа.

И книга сначала возмутилась человеком, но затем, увидев, что это уже не человек, а его симулякр, отвернулась от него, покинула его, закрыла для него вход в свою смысловую ноосферу. Причем ноосферный бунт книги затрагивает не только современные книги, но и клас-

сические художественные, научные и религиозные, в единый миг ставшие непонятными для людей, которые в своих попытках все же читать и почитать книги в итоге обретают не знания, а злобное непонимание, агрессию, переходящую в конфликты и кровавые эксцессы. Имея современных «продвинутых» читателей и почитателей, книга не нуждается во врагах, ибо они угрожают ей лучше, быстрее и необратимей, чем сжигатели книг, которые хотя бы таким способом признавали их ценность. И теперь читай — не читай, все бесполезно, ибо надежные коды и замки охраняют скрижали, смыслы и концепты Книги от людей, покинувших ее ноосферу. Наглядным доказательством сказанного является тот очевидный факт, что экспоненциальный рост книг, текстов, различных документов продуцирует столь же экспоненциальный рост непонимания между странами, народами, этносами, профессиональными сообществами, между отдельными людьми, доходя до полного непонимания и забвения человеком самого себя. И беспредельные кровавые эксцессы нашего времени в основном обусловлены тем, что уже любые книги, тексты, сам язык, разум и сознание закрывают все контексты понимания, место которого занимает инферургия, «скачивающая» самого человека на жесткие диски преисподней. Непонимание — это повивальная мудрость кровавого насилия.

А вместе с книгой человека начали покидать сознание, Логос, язык и разум, отправляя пустую человекооболочку в места более ужасные, чем бессознание и безумие, чем алогичность и бездна, чем гибель и смерть, ибо эти состояния все же как-то осознаниваются, признаются сознанием, бытуют в нем, а новый, свежий кошмар из неизвестности, замещающий сознание и Логос, обрекает человека на бесследное исчезновение, обозначаемое четырехзначием «*n-o-c-m*». Сами слова, имена закрывают от людей свою семантику, а потому без содействия Софии становятся непонятными уже любые документы, речи, речевое общение людей. Даже имя и фамилия человека без содействия Софии скоро объявят забастовку.

И теперь полноценным читателем — и почитателем книги — становится сознание, которому Премудрость Софии вменила проект «Спасение книги». Именно софийное сознание сохраняет книгу, и без его содействия она бы уже исчезла. Без содействия Софии становятся непонятными Священные Писания, и даже не такие уж сложные сочинения, как, например, «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона или «Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых» Л. Карно. Да и в простой речи без Софии становятся непонятными буквы, числа и знаки; хотя они и с Софией были не очень-то понятными, но все же кое-что они проясняли. Сказанное не

гипотеза, а логосный факт, подтверждающий крах «логосной монополии» в делах книгоургии.

Сознание теперь читает книгу посредством человека, который уже не участвует в книгомистерии. Человек пока еще владеет «домофоном» своего внутреннего мира, но без софийных ключей он уже не может войти в дом своего разума и сознания, хотя он и находится в самом человеке. Выявляется, что книга нужна не столько человеку, сколько сознанию, миру Иному. Сознание читает книги, ибо оно их создает в первую очередь для себя. И сохранить себя в нынешнем мире книга и человек смогут лишь в том случае, если они будут служить сознанию, его ноосфере, хранящей в себе мир Иной, в котором книга сможет раскрыть свои сакральные тайны.

Сама же книга в ответ на этот читательский геноцид ответила раздвоением на книгу для читателя и на книгу-читателя. Сама книга стала читателем самой себя, но пользу из этого самопрочтения извлекают не только книга и ее ноосфера с ее выходами в мир Иной, но и реальность, человек нечитающий, который вместе с реальностью превращается неведомыми ему матрицами в нечеловека, в античеловека.

И спасение человека-читателя лишь в Премудрости Софии, ибо только она может дать человеку хотя бы на время читательские ключи от книги, ибо только она может вновь зажечь вселенский огонь мудрости, от которой вновь вспыхнут в человеке факелы сознания и Логоса. Хотя такой вариант книгосудьбы весьма и весьма проблематичен.

Какими-то неведомыми путями книга сама по себе с помощью своей ноосферы стала воздействовать на жизнь людей и реальность, используя их как средства, орудия утверждения своих смысловых и апокалиптических матриц.

Поэтому для выживающих традиционных читателей возникло труднопреодолимое препятствие. Нужно не просто читать книгу, а соучаствовать в ее внутреннем дискурсе с самой собой, вмешиваться извне в ее уже замкнутую жизнь. Но и этого мало. Нужно стать жертвенным материалом книжной демиургии, Книго-Голгофы, чтобы проникнуть в некоторые ее смыслы. Поэтому «должность читателя» сегодня опасна, ибо без помощи Софии легко стать жертвенным, ничего не понимающим клоуном великой Книго-Голгофы. Но выбор остается за человеком — быть читателем-голгофианцем или же античитательской нэжитью.

Сказанное в полной мере касается и классической литературы во всех сферах культуры, классических научных текстов, классического искусства. Все их смысловые богатства сегодня уже не постичь в качестве простого и добросовестного ученого читателя. Напрасен

труд! Ибо Книга закрылась для человека-читателя на неопределенное время, если только мир Иной радикально не вмешается в эту ситуацию. Спасение только в глубоком жизненном признании Софии, но для этого нужно избавиться от всех псевдознаний, чтобы пройти сквозь верблюжье ушко софийной мудрости мира Иного и обрести иное знание, инознание, которое своей живой смысловой водой воскресит к жизни классические тексты и писания истории.

Но превращение Книги в автаркическую реальность, эта ее метаморфоза, предъявляет к традиционному читателю требования, которые для него неисполнимы. Дело в том, что Книга, открывая собственную софиургию, работает уже с феноменом постзнания, постпонимания и постведения. Были времена предзнания, когда книга искала саму себя, были времена знания, в которых книга выразила все софийные возможности знания, и теперь пришли времена, когда книга работает с незнанием, со сверхзнанием, с инфернознанием, с идеальными реалиями, превосходящими знание и питающими его своими смыслами. Идущее из седой древности мистическое переживание знания как тождества субъекта и Абсолюта стало сегодня метафизической и онтологической реальностью книжной ноосферы в новом уродливом хаосмосе, создаваемом инфернавтами по проектам преисподней. Незнание во всей своей сакральной, земной, инферальной и виртуальной полноте стало ключом к знанию, мудрости и пониманию на исходе мира сего, уже потерявшего знание самого себя и сотворивших его ценностей! Незнание в качестве признания мира Иного стало высшим благом знания, перед которым Книга снова открывает свои смысловые богатства. А книга в качестве незнания работает сегодня посредством его мудрости.

Софиасофия спасает нас от троянских даров инфернавтики, виртуанавтики, которые пытаются занять трон сакрального незнания, раскрывая, что подлинным и творящим Незнанием обладает лишь Премудрость Софии, которую нужно не просто познавать, а признавать в качестве незнания, из которого исходят смысловые потоки нового, разумющего, размыслительного и понимающего знания.

Без софийных ключей все реалии современного мира становятся непознаваемыми, а в самом познании человек обретает не новые знания, а теряет свои жизнеохранительные смыслы в недоступном ему незнании и ничто, которые могут быть как миротворными, так и смертотворными. И не столь уж важно, насколько человек понимает и признает Софию; важно признание ее в качестве миротворной мудрости. Даже отрицатели Софии пользуются ее откровениями, ибо всякое отрицающее начало содержит в себе отрицаемое и паразитирует на его

бытии. Важно лишь то, чтобы в сознании была эта — даже отрицаемая — софийная константа, а дальше Софию через смысловые изменения сознания и мысли сама подскажет человеку нужные знания и разрешения. Важно признать тайный смысл «икса», не зная даже его сути, а дальше само математическое мышление поможет человеку найти нужные алгоритмы и решения задач, без «икса» не решаемых.

Это невозможно для массового читателя, ибо равноценно тому, чтобы ходить на голове, а мыслить пятками, но современная книжная ноосфера именно такова. Поэтому искусство чтения доступно сегодня лишь сингулярным людям. Человек без самолета не может летать, а вот в условиях невесомости Космоса он должен освоить законы ангельской и бесовской авиации. Так обстоят дела и в современной книжной ноосфере.

Всю сакральную значимость Софии чувствуют и ее враги. Софийных философов России не случайно выслали в 1922 г. из страны, хотя русских убивали за то, что они русские. Видимо, владыки мира понимали, что в их учениях содержатся софийные идеи, которые не сможет породить в мире уже никто, но без которых вскоре не обойтись никакой цивилизации. София руками своих врагов вершит свое благое софийное дело.

Возьмем другой пример. Допустим, что строится дом. Работают три строителя. Но допустим, что «как будто бы» неведомо для всех строителей вместе с ними трудится еще один незримый работник. И, о, чудо! Если наше допущение искреннее, истинное и праведное, если оно заряжено неразрешимой когнитивной и экзистенциальной задачей, преисполнено трагическим переживанием оттого, что сама София не имеет собственного дома, а лишь создает его в качестве мира Иного, то дом превзойдет все усилия строителей, и обретет качества, которые не предусмотрены его проектом, профессионализмом и усердием строителей! Это фиктивное «как будто бы» неведомым способом, аналогично иксу в математике, станет невозможной и запредельной для ума и дел людей реалией. Бывает иногда и такое и в тутошнем мире, но в мире Ином это станет нормой его бытования!

Но Книга не забывает о своей сакральной миссии в мире людей, а потому она совсем не покидает их, незримо и косвенно содействуя своими смыслами сохранению их бытия, поддержанию их хозяйственной демиургии.

Современные книги Ю.М. Осипова и Юр. Михайлова, пуская в смысловый оборот иное знание, становятся незримыми соавторами, помощниками субъекта в обретении нужных сегодня знаний и разрешений. А иное знание, инознание преодолевает выдуманный Логосом

разрыв единого знания на истинное и ложное, ибо в составе инознания истина и ложь служат софийными сотрудниками инознания, заботясь о благе целого, которое выше истины и заблуждений. Но София содействует человеку только в меру его открытости Софии, только в случае жертвенного служения великим тайнам ее незнания. София жертв не принимает, она не нуждается в них, но готовность отдать жизнь за ее незнание она вознаграждает умениями, откровениями, которые позволяют человеку снова стать полноценным читателем, вернуть свои утраченные права на общение с Книгой.

Я бы не стал эти сведения о Книге как источнике незнания, порождающего знания, даже оглашать, ибо они представляют собой государственную тайну. Ибо кто быстрее и лучше научится использовать книгу-незнание в качестве смыслового сырья своего ума, тот будет претендовать на безграничную власть и над глобализмом, который, судя по некоторым его признакам, и есть реализация инфернального проекта «Незнание» людьми, которые стали его живыми движущими орудиями, не понимающими его задач и целей, ибо Незнание многолико, коварно и без софийной поддержки контакты с ним могут обратиться незнакомцев в интернацев.

Подобное предчувствие судьбы книги, реакция на нее была почувствована многими авторами эпохальных книг давно. Вообще, в античном мире книгой именовались любые тексты с относительно законченным текстом. Так, «Метафизику», другие сочинения Аристотеля первые издатели разбивали на части, которые назывались книгами. Видимо, издатели помнили идею пракники, первокниги, которая читала и постигала саму себя, не нуждалась в читателях, выражая свои смысловые послания, императивы через сакральную ноосферу сознания и божественной мудрости. Невнятные следы этой памяти о пракнике последующие культуры сохранили, включая в свои тексты сюжеты, нарративы романов, поэм, писаний, писем, чуждых рукописей, собственных сочинений героев. Ф.М. Достоевский и особенно М.А. Булгаков наиболее полно осознали грядущую судьбу книги, возвращающейся к своим первоистокам, создавая свои книготворения как смысловые целостности, внутри которых ведется диалог двух и более романов, развертываются дискурсы разных нарративов.

Мирская книга «надорвалась», не выдюжив груза сакральных императивов, предъявляемых к книге. Культура пыталась посредством светской, мирской книги создать альтернативу Священным Писаниям. Эта попытка потерпела крах, хотя и не полный. Да, без опоры на смысловые основания Священного Писания любая мирская книга в лучшем случае выглядит как легкомысленное сочинительство; но без

мирских книг, несущих посредством наук, искусств идею книги как Божьей правды, Священные Писания не могут обойтись, ибо человек живет в земном, а не в священном мире, и знать ему нужно не только Божью волю в вещах, но и собственные волеизъявления этих физических, химических, биологических, математических, архитектурных, технических и других вещей.

Книга, послужив познанию, Логосу, человечности, завершает свое служебное бытие самопознанием, добровольно уходит на софийную пенсию, хотя и продолжая работать в особом режиме на мир Иной и человечность.

Поэтому кризис и конец книги в то же время потребовал в бытие новый тип книги, сочетающей, выражающей в себе смыслы Священных Писаний языком земной науки, хозяйства, культуры. И эту объективную потребность книгосферы сегодня удовлетворяют книги по философии хозяйства и софиасофии. Ведь книга — софийный венец мудрости мира сего, а посему вместе с ее концом грядет новое и невозможное книгобытие смыслов мира Иного.

Блестяще эту книжную демиургию Юр. Михайлов раскрыл в своей софиасофской книге «Requiem» [1], где убедительно и наглядно было показано, что «творение века» М.А. Булгакова является новым типом «книгургии», в котором книга читает, трактует саму себя, реализуя себя как «роман с романом», но при этом вырабатывает и матрицы апокалиптического возмездия для всей современной истории вплоть до нынешних дней, определяя инфраструктуру ее катастрофических событий. А в книге «Requiem» Юр. Михайлова ведут дискуссии три романа — роман о Понтии Пилате, роман о Мастере и Маргарите и метафизический роман самого автора. В итоге получается цельная смысловая картина бытия мира, человека: и в этой картине высказываются все миротворные субъекты, выявляются все бранные алгоритмы иномирья и князя инфернавтики.

А своеобразие не имеющей аналогов книги Ю.М. Осипова «Белые скрижали» [2] в этом плане состоит в том, что в ней ведется активный дискурс трех книгосубъектов: сознания, философии хозяйства и софиасофии. Сознание посредством философии хозяйства читает самоё себя, вершит свою софиургию, а хозяйство посредством сознания читает книгу своего бытия, вершит свою демиургию, а в итоге возникает иное знание, инознание. А смысловыми единицами, константами иного знания служат уже не аксиомы, не законы, не принципы, не правила, не системы, а скрижали — софийные обобщения, софиомы, охватывающие реалии мира сего и мира Иного. И нужно учиться читать такие книги, ибо в них используются уникальные, ме-

тоды, представленные образным концептом скрижалей, сочетающих в себе сакральные императивы вечности, мира Иного и преходящих времен.

Антиноосферная, антикнижная контрреволюция остро поставила вопрос о сути, происхождении книги, о ее авторстве. Кто же подлинный автор книги? Вопрос не столь простой и очевидный.

Кажется, что автором книги является *человек*. Да, это так, но усилий человека и только человека недостаточно без содействия вне-человеческих инфернальных, сакральных, иных сил. Известная метафора гласит, что сам человек есть книга, в которой скрываются книги неизвестные. Поэтому книги пишут много людей, но все же не все. Священные Писания вполне законно утверждают, что *Книга есть боговдохновенная и сакральная реалья*, которую человек должен только хранить и следовать ее мудрости. В русском фольклоре сказывается о Голубиной книге, которую небо послало людям вместе с дождем. Да, это так, но есть и книги мирские, и книги антибожественные, например, та же Черная Библия и др. Премудрость Софии оформляет особую ноосферу книги, но она избегает книжных воплощений. Допущение о том, что автором, изобретателем книги как особой смысловой ноосферы, был *дьявол*, верно лишь чуть-чуть, ибо дьявольский эликсир присутствует даже в сакральных писаниях, уделяющих свои бесценные страницы этому инфернауту, но в целом книга опасна для него, ибо может нести в себе мир Иной, в котором инфернауты служат санитарами космических кораблей. Есть идея, согласно которой книгу создала — или подсказала человеку — сама *природа* по своему скрытому смысловому сценарию. Галилей полагал, природа есть книга, написанная языком математики; поэты видят в природе книгу, написанную языком искусства; Монтескье видел в природе книгу, написанную языком естественных законов. Есть допущения, что демиургом книги стал сам *язык*, который в ходе своего оформления неизбежно становится книгой. Да, это так, но книга может бытовать и без языкового оформления. Все свои книги Сократ держал в своем уме, оглашая их в своих беседах и загадочном молчании, ибо лишь молчание понятно говорит о бесконечном и необъятном. Можно допустить, что подлинным автором книги является *судьба, неизвестность*. Да, во много так и есть, но не во всем, ибо книга отчасти выявляет их секреты, сама при этом становясь судьбой и неизвестной силой мироздания.

Но подлинным автором, творцом книги является сама же *книга*, которая посредством присущей ей особой смыслоургии создает, пишет свое смысловое бытие. Книга учитывает, использует миротворный

опыт Бога, Премудрости Софии, дьявола, природы, человека, судьбы, но в целях реализации своего автономного проекта — «мир Иной».

И сегодня в условиях антропологического и книгогенного кризиса и ноосферной контрреволюции эта правда мира Иного, скрытая в книге, заявила о своей книгоургии, нашла своих творцов, и стала иной Книгой, книгой иного и для иного мира, делая человека своим соавтором в созидании этого мира, в установлении его ценностей, целей и путей.

Литература

1. *Михайлов Юр.* Requiem. Роман о романе, или Роман с романом. Метафизическая проза. 2-е изд. М.: Теис, 2014.
2. *Осипов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: Теис, 2016.

References

1. *Mihajlov Yur.* Requiem Roman o romane, ili Roman s romanom. Metafizicheskaaya proza. 2-e izd. M.: Teis, 2014.
2. *Osipov Yu.M.* Belye skrizhali. Summa inogo znaniya. Antiuchebnik. M.: Teis, 2016.

С.А. СТРОЕВ

Иррациональность потребностей и субъективная психологичность экономики

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о смысле и цели хозяйственной деятельности сверх уровня обеспечения простого жизневоспроизводства. На ряде примеров показано, что потребление сверх уровня обеспечения простого жизневоспроизводства определяется иррациональными целями и мотивами, имеющими по существу характер общественного ритуала и поддерживаемыми за счет социального инстинкта подражания, а не в результате индивидуального осознанного целеполагания. Иррациональность и произвольность целей потребления означают, следовательно, и иррациональность целей и смыслов производства. Делается вывод о возможности построения хозяйственной системы, в основу которой положены иные конечные цели и смыслы.

Ключевые слова: экономическое поведение, иррациональность потребностей, цели хозяйственной деятельности, субъективность целей, относительность ценности, потребительское поведение, «лишние деньги», экономика как психология.

Abstract. The subject of the article is meaning and purpose of economic activity which exceed the simple life reproduction level. Several examples show that consumption which exceeds the life reproduction level is determined by irrational goals and motives. These motives have essentially the nature of public ritual. They are supported by the social imitation instinct rather than by conscious individual goal setting. The irrationality and arbitrariness of consumption purposes therefore means also the irrationality of the goals and meaning of the production. The conclusion is that an economic system which is based on another alternative ultimate goals and meanings can be constructed.

Key words: economic behavior, irrationality of needs, goals of economic activity, subjectivity of goals, relativity of values, consumer behavior, «excess money», the economy as psychology.

В течение длительного времени над экономической, а, отчасти, и социально-политической мыслью довлел соблазн представить экономическую деятельность человека как рациональную в своей основе и описать ее научно, в духе естествознания, т. е. как объективное явление, не зависящее от субъективных волей и смыслов. Подобный экономический детерминизм царил в рамках господствовавшего в СССР «научного марксизма», диалектического и исторического материализма, в котором вся сфера общественных идей, картины мира в целом, эстетических и этических норм и идеалов, религии, семейных отношений, права и т. д. считалась «надстройкой», производной от «базиса» — уровня развития производительных сил и характера производственных отношений. Примечательно, что догматиков от «марксизма» при этом не смущал собственно феномен СССР, который своим существованием наглядно доказывал возможность альтернативных капитализму производственных отношений (и всей «надстройки», т. е. совокупности общественных, политических и правовых институтов) на том же самом (а поначалу — даже на более низком) уровне развития производительных сил. Иными словами, доказывал ошибочность представлений о жестком экономическом детерминизме, поскольку социализм оказался не следующей за капитализмом ступенью экономического и социального развития, а параллельной капитализму беговой дорожкой, при этом исторический выбор между капитализмом и

социализмом определялся скорее не стадийным уровнем социально-экономического, политического или технологического развития, а национальным менталитетом, культурной, исторической и религиозной традицией каждого конкретного народа.

Однако, пусть и в иной вариации и интерпретации, то же самое представление об экономике как о некоей «объективной», «не зависящей от субъективных волей, сознания и оценок» данности казалось самоочевидной, непререкаемой истиной и для мейнстрима западной либеральной мысли. Представлялось очевидным, что экономика определяет политику, и что попытка сделать наоборот, т. е. подчинить экономику неким директивно задаваемым субъективным смыслам (представлениям «о должном»), противоречит самой природе вещей и, будучи проявлением неумного волюнтаризма, заведомо обречена на поражение, крах и неминуемую катастрофу. Именно отсюда пресловутые представления о «невидимой руке рынка» — безличной силе, которая сама собой все правильно отрегулирует и приведет к естественному, нормальному для данной системы состоянию. Собственно, крах СССР в целом и советской плановой экономической и социально-политической системы в частности так и рассматривался: как указание на противоестественность любых «волюнтаристских» попыток «запрячь телегу политики впереди лошади экономики». Отсюда представление о том, что всякое разумное состояние общества состоит вообщем в отказе от «идеологии» (представлений о субъективных целях, смыслах и ценностях) и простом следовании «естественному порядку вещей», который сам собой складывается под действием объективных безличных сил, процессов и законов экономической жизни.

Однако чем дальше, тем более очевидно становится, что на самом деле ситуация обстоит противоположным образом, и кажущаяся «объективной» экономика со всеми ее «законами» и «объективными процессами» является полностью производной от господствующих в культуре сугубо субъективных смыслов, целей, ценностей и представлений, которые просто кажутся настолько «самоочевидными» и «само собой разумеющимися», что не подвергаются ни критическому осмыслению и рефлексии, ни рациональному научному изучению, ни даже хотя бы феноменологической констатации. Они просто вообще не замечаются в самом факте своего существования, как воздух, который, не имея ни вкуса, ни цвета, ни запаха, по умолчанию присутствует всегда, везде и во всем, в том числе — и даже в особенности! — именно там, «где ничего нет». Оказывается, что в основе всей рациональности экономических законов, процессов и механизмов лежат сущностно иррациональные, субъективные, произвольные стремления,

цели, желания, волевые импульсы, эстетические и этические идеалы — подобно тому, как разум может лишь определить способы, средства и пути достижения желаемого, но сами цели определяются не им, а неразумным, произвольным актом хотения, волевым импульсом, который по природе своей иррационален, и на любую, пусть и достаточно длинную, цепочку вопросов «а зачем?» в конце концов может дать только один конечный ответ: «я так хочу!».

Возьмем, к примеру, миф о «рациональном экономическом человеке», *Homo economicus*, который, будучи субъектом рынка, якобы в каждом совершаемом экономическом акте всегда стремится к максимизации своей выгоды и минимизации издержек и затрат (любых: финансовых, энергетических, интеллектуальных, временных и т. д.), иными словами, как производитель стремится к максимальной прибыли, а как потребитель — к максимальной утилитарной пользе при минимальных затратах. Действительно, возникает иллюзия, будто поведение такого «экономического человека» полностью рационально, разумно, предсказуемо, безлично и может быть положено в основу объективирующей человеческое поведение научной модели. Однако зададимся вопросом: а что этот «экономический человек» делает с заработанными деньгами?

С одной стороны, он может их бесконечно накапливать, инвестировать (не важно, в непосредственно производственной или в опосредованно финансовой форме) в дальнейший капиталистический рост и всячески преумножать. С точки зрения способа, метода достижения цели (преумножения своего капитала) его поведение при этом будет, возможно, полностью рациональным. А с точки зрения цели? Зачем ему этот постоянно растущий капитал, который он все равно за всю свою жизнь не потратит, а, рано или поздно умерев, все равно его лишится? Следуя Максиму Веберу, такое поведение можно объяснить «протестантской этикой», сделавшей «преуспеяние в мирских делах» (в том числе, количественно измеряемое в деньгах) мерилom «божественной благодати». Как видим, основание у вроде как, на первый взгляд, рационального и предельно приземленного и прагматического поведения уходят в область религиозной веры. Но ситуация еще сложнее, потому что протестантской этикой можно объяснить лишь возникновение данного поведенческого паттерна в европейской культуре, но никак не поведение современного капиталиста. Вряд ли современный капиталист всерьез может верить, что мера преумножаемого им капитала действительно отражает и выражает «божественную благодать» и открывает ему какие бы то ни было перспективы относительно загробной жизни. Гораздо больше это уже похоже на психопатию или

коллективный психоз с формированием «сверхценностной идеи». Вряд ли будет преувеличением сказать, что преумножение капитала в этом случае становится суррогатом смысла жизни, своего рода идиолом (материальной сверхценностью), служением которому человек придает собственной жизни осмысленность и целесообразность как средству достижения чего-то большего и более значимого, чем он сам.

С другой стороны, упомянутый «экономический человек» может заработанные или иным способом добытые деньги не накапливать и не вкладывать в бесконечный рост, а тратить, но тратить опять-таки разумно и рационально, стремясь получить максимальную пользу на минимальные затраты. Это выглядит рационально, но только до тех пор, пока уровень доходов сопоставим с уровнем физического жизневоспроизводства, т. е. обеспечения себя и своего потомства достаточным количеством здоровой пищи, добротной функциональной одежды, жильем, утилитарно полезной бытовой техникой. Добавим к этому медицинское обслуживание, образование для детей, гарантирующее им пристойно оплачиваемую работу, и, в общем — все. Как только норма дохода становится существенно выше прожиточного минимума, рациональность модели «экономического человека» оказывается более чем проблематичной. Человек оказывается перед лицом проблемы: как потратить «лишние», избыточные с точки зрения простого рационального жизневоспроизводства деньги? Может показаться, что это проблема исключительно «зажравшихся миллионеров» и «простого обывателя», «едва сводящего концы с концами» она точно не касается. Но это не так. На самом деле, «простой обыватель» постоянно тратит деньги именно на избыточные с точки зрения простого жизневоспроизводства вещи, и, если ему при этом их не хватает на реально необходимое, это означает лишь приговор его рациональности и интеллекту. Итак, задумаемся, как и на что тратятся «лишние» с точки зрения необходимого жизневоспроизводства средства.

1. Самый простой, распространенный и массовый вариант: они тратятся на бездумное следование шаблонам, навязанным воспитанием, рекламой и по умолчанию сформированным капиталистическим (или, точнее, теперь уже виртуально-посткапиталистическим) производством «всеобщим образом жизни». Например, деньги тратятся на следование моде (необходимость отказываться от употребления еще добротных, функциональных, не вышедших из строя вещей только потому, что они «вышли из моды» и покупать вместо них новые; или покупать новое техническое устройство потому, что старое «морально устарело», хотя физически оно работает совершенно нормально и справляется со всеми необходимыми функциями, ради которых было

приобретено). Деньги тратятся на навязанные элементы «образа жизни», например, на чай, который стоит в кафе в десять и более раз дороже, чем его можно было бы попить дома (при том, что и сама потребность пить чай является ничем иным, как чисто культурным шаблоном: в самом по себе чае нет совершенно никакой реальной необходимости), и это не говоря уже об алкоголе и табачных изделиях. Деньги могут тратиться на поддержание постоянной коммуникации (мобильная связь, интернет-трафик), причем коммуникации не только не являющейся полезной, но и не доставляющей никакого удовольствия и даже, наоборот, утомляющей, раздражающей, вызывающей ощущение подавленности и внешнего контроля. Или возьмем, скажем, такой пример: человек сначала покупает машину, регулярно платит за бензин, страховку, текущее техническое обслуживание, парковку и т. д. а потом опять же платит за посещение фитнес-центра или тренажерного зала, чтобы сбросить лишний жир, в то время как, если бы он не заводил машину, а ходил бы пешком или ездил на велосипеде, ему не пришлось бы покупать абонемент в фитнес-центр. Такого рода примеров существует множество. Чаще всего они связаны сначала с «экономией времени и сил» (за деньги), а потом — с последующей их тратой (причем, иногда тоже за деньги!), потому что не только время, но и «сэкономленную» физическую энергию надо куда-то девать. Либо с потерей здоровья ради зарабатывания денег и последующей тратой этих заработанных денег в попытках, далеко не всегда успешных, восстановить подорванное здоровье — как физическое, так и психическое.

2. С первым вариантом траты денег тесно связан второй: они тратятся на так называемое «статусное потребление». При этом статусное потребление может быть как бессознательным (тогда это разновидность первого пути: слепого автоматического следования готовым, навязанным производителями социальным стандартам, паттернам и шаблонам поведения), так и сознательным (осознанное стремление поддержать существующий или даже повысить свой социальный статус, свой социальный круг и место в социальной иерархии, подчеркнуть свое превосходство над окружающими и унижить их как «лужеров», либо, наоборот, произвести благоприятное, «солидное» впечатление при важной встрече или переговорах, или, наконец, повысить свою сексуальную привлекательность). Весь этот спектр поведенческих паттернов так или иначе связан с установленной привязкой социального статуса человека не просто к его имущественному статусу и финансовому положению, но и к уровню его текущего потребления, т. е. даже не к тому, сколько он имеет, а к тому, с какой скоростью и

интенсивностью тратит. Конкретные же формы это статусное потребление может принимать совершенно разные: от покупки костюма или часов с переплатой в тысячи и десятки тысяч раз относительно вещи ровно тех же потребительских качеств исключительно «за бренд», до дорогостоящего «статусного отдыха» (зачастую на самом деле не приносящего никакого удовольствия и собственно отдыха) в «статусных местах», от приглашения «звезд эстрады» на корпоратив или покупки в качестве лота на аукционе похода с оной же звездой в ресторан до добровольно-принудительного участия во всевозможных «благотворительных проектах». При всем многообразии форм в случае статусного потребления мы наблюдаем поведение, диаметрально противоположное поведению «рационального экономического человека»: стремление демонстративно потратить как можно больше денег либо просто впустую, либо за вещь, которую можно бы заменить дешевым аналогом, практически не уступающим по потребительским качествам. В своем роде это почти полный аналог индейского потлача, который когда-то во времена пуританской морали накопления и преумножения капитала так шокировал цивилизованных европейцев: чисто ритуальная раздача или даже целенаправленное уничтожение материальных богатств, сопряженная с повышением социального статуса и престижа.

3. Третий вариант — это вложение денег в некие хранимые (не убывающие при «потреблении») «ценности», например, в предметы искусства, драгоценности, либо в те или иные активы, ценные бумаги и т. п. На первый взгляд, это самый разумный и рациональный способ распорядиться «лишними деньгами» — не потратить их, а, напротив, сохранить путем инвестиции в нечто объективно ценное. Однако и по поводу этой рациональности возникает два закономерных вопроса и, соответственно, две проблемы. Во-первых, никаких объективных ценностей на самом деле не существует. Любая ценность является ценностью либо вообще чисто субъективной, индивидуальной и личной, либо общественно признаваемой, но только в силу того, что в данный конкретный момент существует консенсус или тренд считать ее таковой. Не существует ни одного объективного критерия, позволяющего отделить ценность от не-ценности. Картина, которая сегодня стоит миллионы долларов, завтра может быть признана мазней, не стоящей даже холста, на котором она была написана. Антиквариат, который сегодня высоко ценится, завтра может восприниматься как старая рухлядь, хлам и свидетельство дурного вкуса. Даже цены на золото могут колебаться в разы в обе стороны, даже те же бриллианты могут мгновенно обесцениться в случае резкого технологического прогресса или даже просто смены общественного сознания. Что уж говорить о, ска-

жем, ценных бумагах или иных активах. Одним словом, любое «инвестирование денег» — это не более чем попытка удержать пустоту пустотой. Отличие ценности от мусора заключено не в самой материальной вещи и ее качествах, а в общественном сознании, которое не только изменчиво по природе, но и просто призрачно в эпоху постмодернистской аномии и торжества тотального релятивизма и конструктивизма. Наивное представление о том, что современные деньги — это некие объективные единицы ценности, а те или иные физические вещи (будь то предметы искусства, или золотые слитки, или объекты недвижимости, или сделанный в квартире евроремонт) могут заключать в самой по себе своей физической реальности некое объективное количество этих единиц, является не более чем иллюзией, которая рушится, словно в сказке про Золотую антилопу, которая могла наковать сколько угодно золота из ничего, а могла одним ударом копыта превратить его в глиняные черепки. Современные деньги — это исключительно виртуальная единица успешности в социальной игре — не больше и не меньше. Материальные или любые иные ценности (будь это хоть физическое золото, хоть участок земли, хоть сокровища искусства, хоть промышленное предприятие) — это не более чем текущее, сугубо сиюминутное и изменчивое консенсусное мнение относительно их ценности. Что же такое «вложение денег в объективные материальные ценности», как не попытка одни нематериальные общественные отношения «материализовать» через другие столь же нематериальные общественные отношения, да еще и в условиях их максимальной текучести, скоротечности, непредсказуемой динамичности, волатильности и предельной релятивизации! Но и это еще не все, потому что есть еще и «во-вторых». Пусть даже благодаря некоей невероятной удаче, слепому везению или гениальной интуиции на грани ясновидения нам удалось в течение всей жизни каждый раз вовремя выходить из обесценивающихся активов и входить в растущие не просто не теряя, но и каждый раз увеличивая их «капитализацию». Мы все равно не имеем финального ответа на главный вопрос: а *зачем* все это? Что мы в итоге выиграли, даже если после многократного обмена бумажек на слитки, слитков на антикварные вещицы, этих вещиц — опять на бумажки, бумажек на недвижимость, недвижимости еще на какие-нибудь фантики, мы добились того, что на конкретный момент нашей смерти именно эти фантики считаются «общественным мнением» «ценностью», а все другие, из которых мы вовремя успели «выйти», уже не считаются? Что мы, собственно, этим выиграли, кроме того, что потратили массу сил, времени и энергии на охрану и защиту своего призрачного «имущества» (призрачного потому, что речь идет

не об имуществе как таковом, а о его «ценности», т. е. не более чем об общественном настроении), а жизнь в целом — на нервозную гонку за призраком возникающей и исчезающей то тут, то там «ценности»?

4. Четвертый вариант — трата денег на удовольствия, наслаждения и развлечения. Можно, конечно, и так. Правда, возникает вопрос, насколько все эти «удовольствия» действительно приносят нам удовольствие, а не являются ли они все тем же принудительным шаблоном, когда существующая система социальных отношений диктует нам, что «удовольствие», а что нет, убеждая, например, что лежать на пляже в Египте — это гораздо большее удовольствие, чем лежать на пляже где-нибудь в Московской области, или что от хождения за экскурсоводом по Парижу я просто обязан получить на порядок больше удовольствия, чем если я в это время совершенно бесплатно посижу у костра на берегу ближайшего озера. Очень часто необходимость потратить деньги «на удовольствия» (ну, чтоб они не пропали зря) приносит не столько удовольствие, сколько превращается в обременительную, крайне утомительную, неприятную и нудную повинность, в то время как то же самое время можно было бы провести гораздо приятнее, при этом не «вложив» ни копейки. Да и кто вообще сказал, что наслаждения и развлечения полезны, что они делают жизнь полнее, осмысленнее или хотя бы счастливее, а не ведут к суете, опустошенности и пресыщению? Не есть ли попытка «копить впечатления», «получая от жизни все» полным аналогом «сверхценностного» накопления и преумножения капитала? В конце концов, унести свои «накопленные за жизнь» впечатления, полученные «удовольствия» и «не упущенные моменты» с собой в могилу шансов не больше, чем унести в нее накопленные сокровища.

5. Пятый вариант решения — инвестиции в личностный рост и развитие. Опять-таки внешне это выглядит рационально, осмысленно и даже «духовно», если только мы не зададимся вопросом об объективном критерии того, что считать личностным ростом и развитием, а что — совсем наоборот. Казалось бы, ответ прост: личностный рост и развитие — это получение новых знаний, умений, навыков и компетенций. Допустим. Но вот ведь в чем штука: объем знаний, который нам доступен, сегодня ограничен только объемами наших собственных способностей к их восприятию, усвоению, запоминанию и переработке. Мы окружены библиотеками, содержащими объем знаний из любой области от математики и естествознания до художественной литературы, от лингвистики до навыков выживания в лесу, от археологии до психологии, который заведомо превышает способности человеческой памяти их усвоить. И это не говоря уже об интернете, который, в

числе прочего, открывает практически свободный доступ к этим самым библиотекам от оцифрованных древнейших египетских папирусов до еще даже не напечатанных в «бумажном виде» самых последних научных статей. И все это либо абсолютно, либо почти бесплатно. Имеет ли смысл стремиться под завязку набить свой мозг накопленными человечеством знаниями — другой вопрос, но, так или иначе, эти знания свободно доступны, и овладение ими требует лишь мотивации, усилия и свободного времени, а вовсе не инвестирования денег. Но нет, «инвестируя в личностный рост» мы, скорее всего, имеем в виду даже не получение второго платного высшего образования, а посещение каких-нибудь платных семинаров «по личностному росту», на которых нам будут за наши же деньги промывать мозг и навязывать готовые шаблоны якобы «эффективного», «успешного» социального поведения, «правильного», «позитивного» образа мышления, того, как мы «должны» думать, чувствовать, общаться и т. п. И ради чего же? Ради того, чтобы опять в свою очередь заработать все те же призрачные деньги, которые сами по себе нам не нужны и которые мы опять будем искать способ потратить или «с пользой вложить»! Является ли эта формовка собственной личности под заданные стандарты и шаблоны «инвестицией в личностный рост» или же «инвестицией» в личностную деградацию — большой вопрос, тем более что проведенное таким образом время можно было бы потратить не только на чтение книг и усвоение готовых знаний, но и на самоанализ, самостоятельное размышление, на интеллектуальное или художественное творчество — и все это опять же не потребовало бы никаких денежных вложений.

Таким образом, мы видим, что поведение «рационального экономического человека» всякий раз, когда речь заходит о распоряжении средствами, превышающими уровень простого жизневоспроизводства, неизбежно становится иррациональным, поскольку сама категория смысла или цели действия является полностью субъективной и не имеет объективных оснований. Но поскольку «экономический человек» иррационален как потребитель, то он иррационален и как производитель. В самом деле, зачем стремиться к максимизации своего дохода, убивая на это невосполнимое время своей жизни, если львиная доля этого максимизированного дохода не нужна для жизневоспроизводства и оказывается «лишними деньгами», распоряжение которыми (их сохранение или трата) требует дальнейших усилий и затрат времени и энергии? Не разумнее ли было бы, например, не максимизировать доходы, а, напротив, минимизировать свой труд до уровня, реально необходимого для простого жизневоспроизводства? Или прекратить разобщать и отчуждать рабочее время от «досуга» и предпочесть рабо-

ту, пусть низкооплачиваемую, зато интересную, творческую и открывающую возможности реального личностного роста (без кавычек) и развития — вместо того, чтобы тупеть и наживать себе невроз и болезни, зарабатывая большие деньги, а потом спускать их на лихорадочную гонку «получения впечатлений и удовольствий», на дорогих врачей, психоаналитиков и уже упомянутые «семинары личностного роста»?

Вообще говоря, вопрос о том, что является трудом, а что потреблением и, соответственно, кто, кому и за что должен платить, совсем не столь однозначен, как кажется на первый взгляд. Скажем, человеку, всю жизнь занимающемуся физическим трудом, сложно представить себе, что кто-то, наоборот, платит деньги, порой немалые, за посещение тренажерного зала, т. е. за право и возможность поднимать тяжести и совершать прочие физические усилия. Человеку, привыкшему платить за комфорт и уверенному в том, что труд, сопряженный с перенесением физического дискомфорта, требует повышенной оплаты, трудно понять мотивы, скажем, туристов, отправляющихся в тяжелые походы под дождь и в мороз не просто даром, а за свои, опять же порой немалые средства. Людям, привыкшим рассматривать воспитание детей как тяжелый труд, перепоручение которого постороннему человеку требует оплаты, сложно представить, что усыновление детей в ряде стран из своего рода морально мотивированного самоотверженного подвига превратилось фактически в рынок, т. е. за возможность усыновления чужого ребенка приемные родители готовы платить государству или биологическим родителям как донорам — и это при том, что как раз в этих странах родительство (в том числе приемное) сопряжено с огромным количеством обязанностей и обременений при минимуме прав. Получение образования может рассматриваться как потребление услуги и, соответственно, быть платным (зачастую весьма дорогим), а может рассматриваться как труд и, соответственно, не просто быть бесплатным, но и подразумевать стипендию, т. е. оплату труда самого учащегося. Привычная схема состоит в том, что автор за свой труд получает гонорар в качестве оплаты и вознаграждения, а читатель (зритель, слушатель и т. д.) за возможность прочесть (увидеть, услышать) произведение платит как потребитель услуги. Однако в современном мире дело идет к тому, что зачастую как раз автор не только не получает никакого гонорара, но и вынужден еще и сам из своих средств платить за издание своей книги или альбома, причем заведомо подразумевается, что эти расходы не окупятся. Таким образом, именно автор платит как за право быть услышанным, так и за удовлетворение своего желания зафиксировать результат своего твор-

чества в официально изданной форме, в то время как читатель или слушатель в условиях переизбытка поступающей информации считает оказание внимания автору уже любезностью со своей стороны и готов уделить его, только если произведение предлагается бесплатно. И, вполне возможно, недалек тот день, когда именно читательское и слушательское внимание окажется настолько дефицитным ресурсом, что уже само потребует оплаты со стороны автора и/или издателя. Или рассмотрим другой пример. Пособие по безработице по инерции рассматривается как помощь нуждающимся и некий акт внеэкономического (не прагматического) гуманизма со стороны общества, хотя при этом и возникает резонный вопрос: почему государство насильем принуждает к этому «акту гуманизма» работающих налогоплательщиков и почему, коли это акт гуманизма, он не отдан в полное ведение добровольным филантропическим общественным организациям? В действительности же мы имеем дело просто с новой экономической реальностью, в которой пособие по безработице — это более не подачка, а законная оплата человеку за то, что он не занимает дефицитное рабочее место и при этом продолжает «работать» потребителем товаров и услуг, поддерживая, тем самым, спрос и, следовательно, воспроизводство всей общественно-экономической системы. Теперь уже не трудно представить себе в порядке вполне реалистичной футурологии экономическую систему возможного будущего, в которой все граждане развитых стран по мере дальнейшей автоматизации труда и, соответственно, сокращения числа рабочих мест, будут получать независимо от своей занятости «безусловный основной доход»... а вот право на труд (рабочее место) при желании смогут купить за деньги из этого безусловного основного дохода. т. е. работа не только не будет оплачиваться работнику, но, наоборот, за право на предоставляемый обществом осмысленный труд тем, кто не сможет реализоваться в творчестве и занять себя самостоятельно, придется платить из своего кармана как за предоставляемую им услугу, привилегию или удовольствие (как сейчас люди, испытывающие недостаток физической нагрузки, платят за посещение тренажерного зала, а рыболовы и охотники тратят на свое хобби несоизмеримо больше, чем стоит их добыча), чтобы не страдать от незанятости, праздности, безделья и мучительного ощущения пустоты и бессмысленности своего бытия. В таком варианте развития будущего нет ничего невероятного, оно ровно столь же возможно, сколь возможна отрицательная средняя норма прибыли на капитал и, соответственно, отрицательная доходность по банковскому вкладу, причем выраженная не только в реальной покупательной способности, но и в номинальном исчислении.

В итоге мы получаем представление о том, что смысл и цели хозяйственной деятельности человека, по крайней мере, за рамками простого непосредственного жизневоспроизводства (хотя даже и с ним все не так просто и однозначно), являются субъективными и иррациональными по своей природе, а не рациональными и объективными, как это долгое время постулировалось в экономической «науке». Псевдорациональная парадигма классического капитализма, подразумевающая в качестве самоцели каждого экономического субъекта бесконечное приращение своего частного капитала (а зачем?) на самом деле рациональна не более, чем та же самая, например, уже упомянутая экономика потлача (к чему в итоге по завершении капитализма практически и вернулось, хотя и в десакрализованной, профанированной и демонстративно вульгарной форме, современное общество потребления) или экономика цивилизаций Древнего Востока, в которых прибавочный продукт шел на строительство грандиозных пирамид и храмовых комплексов как некоего «сухого остатка» и конечного итога, фиксирующего результаты хозяйственной деятельности отдельного человека и целого поколения в его земной жизни. *Подчеркнем это еще раз: сама по себе любая хозяйственная (экономическая) деятельность не заключает в себе никакого объективного смысла. С объективной точки зрения она бессмысленна.* Бессмысленна она только с точки зрения глубоко субъективных смыслов и ценностей, которые человеку, в них не воспитанному и их не разделяющему (чужестранцу, «наивному инопланетянину»), показались бы сущим безумием и коллективным помешательством, «дикарством» и бессмысленным нелепым суеверием. Забавно при этом, что сам этот «непредвзятый чужеземец» тоже имеет своих столь же иррациональных идолов, но они для него привычны и кажутся нормой, в то время как служение сверхценным идеям чужой культуры, поклонение чужим идолам и «священным коровам» (которых разводят, кормят и содержат не ради молока и мяса, а ради их самоценного священного статуса) всегда воспринимается либо как суеверная дикость, либо как психическое отклонение (массовый психоз, аутическое расстройство и т. п.).

В практическом смысле это значит, что возможно построение экономической (хозяйственной) системы, в основе которой лежат совершенно иные базовые иррациональные цели и смыслы, причем эти смыслы могут быть практически любыми, даже самыми неожиданными и непривычными с точки зрения людей, выросших и воспитанных в рамках современной хозяйственной системы. В частности, вполне реалистичным представляется проект формирования хозяйственной системы, смыслом которой является не бесконечное приращение и

накопление капитала и не максимизация потребления, а повышение личной безопасности, построение, расширение и усиление надежности пространства и сферы своего личного или корпоративного контроля и/или сохранение материального и информационного следа своего существования как результата и итога (своего рода, «сухого остатка») своей жизни в условной (по мере технической возможности) вечности. Образ такой автономной хозяйственной системы представлен нами в ранее опубликованной статье «Краткая концепция проекта “Ковчег”» [1], а обоснование ее философско-психологической и социально-политической актуальности — в статьях, соответственно, «Человек, его смертность и бессмертие» [2] и «Понять происходящее и обрести способность к действию» [3].

Литература

1. *Строев С.А.* Краткая концепция проекта «Ковчег» // Репутациология. 2015. Т. 8. № 3 — 4. С. 5 — 34.
2. *Строев С.А.* Человек, его смертность и бессмертие // Репутациология. 2015. Т. 8. № 3 — 4. С. 81 — 93.
3. *Строев С.А.* Понять происходящее и обрести способность к действию // Репутациология. 2015. Т. 8. № 3 — 4.

References

1. *Stroev S.A.* Kratkaya kontseptsiya proekta «Kovcheg» // Reputatsiologiya. 2015. T. 8. № 3 — 4. S. 5—34.
2. *Stroev S.A.* Chelovek, ego smertnost' i bessmertie // Reputatsiologiya. 2015. T. 8, № 3 — 4. S. 81 — 93.
3. *Stroev S.A.* Ponyat' proiskhodyashhee i obresti sposobnost' k dejstviyu // Reputatsiologiya. 2015. T. 8, № 3 — 4.

О.Р. ЧЕПЬЮК, А.Н. ФОРТУНАТОВ

Экономический кризис: императив без адресата

Аннотация. Авторы формулируют гипотезу о том, что причиной экономических кризисов является формирование бессубъектной экономики. Пространство свободной коммуникации в экономике, как самовоспроизводящейся системе, в котором императив не находит адресата, делает легитимным квазионтологические экономические

процессы. Как следствие, кризисы порождают новые экономические реалии, оправдывая становление экономики знаний, глобальную секьюритизацию и развитие рынка деривативов и даже мифологизируя экономическую историю. Благодаря этим коммуникативным конструктам в экономике актуализируются ее перформативные свойства, что приводит к стремительному изменению ее сущностных понятий.

Ключевые слова: экономический кризис, постмодернизм, глобальный долг, коммуникация, перформативность.

Abstract. The authors propose the hypothesis that the cause of the economic crisis is the formation subjectless economy. Free communication space in the economy, as a self-perpetuating system, in which the imperative is not a destination, makes legitimate quasi ontological economic processes. As a result, crises give rise to new economic realities, justifying the emergence of the knowledge economy, the global securitization and derivatives market development and even mythologizing economic history. These communicative constructs in economics updated its performative properties, which leads to a rapid change in its essential concepts.

Key words: economic crises, postmodern, global debt, communication, performativity.

Экономические и финансовые кризисы стали неотъемлемой частью современной эпохи. За последние два века они случались более двадцати раз; многие из них — Великая депрессия (1929 — 1933), Азиатский кризис (1997), Глобальный финансовый кризис (2008) — стали частью мировой истории, так как имели общемировые последствия. Борьба с экономическим кризисом вошла в состав экономических программ и стратегий развития практически всех стран мира, а также международных финансовых организаций. Их неизбежность, циклическая периодичность обоснованы в экономической теории, затвердели как аксиома («длинные волны» Кондратьева, циклы К. Жюглара и Дж. Китчина), исходная точка отсчета (оправдание) для каждого нового витка развития. Природа кризисов активно изучается в контексте экономических, гуманитарных, общественных наук.

Социально-философские причины кризиса, как правило, находят в противостоянии духовного и материального мира: гедонистический образ жизни, навязываемый современным капитализмом, создал парадоксальные условия для «все возрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей» [3, 38]. Об этом с начала 1980-х гг. неоднократно предупреждали Д. Белл, Э. Тоффлер, В.Л. Иноземцев, В.С. Степин, В.А. Кутырёв и др. К этому добавляется несоразмерное давление современных технологий на гуманитарную сферу, болезнен-

ный переход к постиндустриальному обществу с его «деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному вектору» [2, 45]. В нашем мире, который «никогда не будет таким, как прежде», экономика — лишь одна из областей человеческой жизни, где мы смогли наблюдать последствия перемен. Однако только в экономической сфере кризис парадоксальным образом создал предпосылки для утверждения квазионтологии, безусловного господства экономической реальности.

Онтологически значимые события (войны, неурожай, банкротства) стали осознаваться через призму их экономических последствий. Общество постепенно приучилось следить за падением котировок на базовые ресурсы, замечать скачкообразное изменение цен на деривативы, наблюдать за ценами на углеводородное сырье: регулярность и подробность, с которой эти вопросы освещаются в медиапространстве, выводят их на первый план, оставляя «за кадром» события, их вызвавшие. Причина тому кроется в коммуникативной природе экономики: на глазах буквально двух поколений возникла и утвердилась «вторая реальность», символическая, виртуальная, заменяющая саму действительность и выдающая себя за нее. В результате экономические кризисы, внешне кажущиеся непреодолимыми «вершинами», или «безднами», в жизни миллионов людей, «всего-навсего» оказываются определенными стадиями существования, проявлением цикличности экономического развития, утверждающими внешнюю прочность экономической квазионтологии.

В рамках экономического дискурса обсуждение кризиса тесно сплетается с количественными описаниями — экономисты говорят о росте инфляции, безработицы, анализируют диспропорции в развитии мировой торговли. В лавинообразном потоке экономической (количественной и аналитической) информации трудно разглядеть обратную сторону кризиса — общие болезненные тенденции, поразившие человечество вследствие отмены «императивного статуса общечеловеческих ценностей» [4, 48]. По аналогии — круги на воде порождаются однажды брошенным камнем: каждый последующий кризис связан с предыдущим, нерешенные вопросы одного поколения перекладываются на плечи другого. Такова, например, проблема растущего глобального долга, который сначала был «скрыт» под лозунгом «рейганомиики» [6, 88], а затем — превратился в кризис, вызванный деривативами, и мировой финансовый кризис 2008 г. Однако предложения препятствовать дальнейшему разрастанию виртуальной финансовой системы путем введения ограничений (например, налог Тобина [1]) пока не находят поддержки. И этот факт, скорее, говорит не об экономиче-

ском, а идеологическом кризисе мирового сообщества, нежелании разбирать однажды возведенную вавилонскую башню (финансовую пирамиду долгов).

На примере ипотечного кризиса можно увидеть, что роль экономических моделей в упрочнении виртуальной экономической реальности весьма высока. Феномен рационализации экономических состояний общества является актуальным коммуникативным дискурсом: «на слуху» якобы успешные модели игры на биржах, фигуры невзрачных экономистов-предсказателей, в одночасье превратившихся в провидцев и «гуру», благодаря своим эпатажным прогнозам. Не последнюю роль играет пропаганда экономического преуспевания. Существуют вполне очевидные стандарты рационализации экономических состояний. Их топос так или иначе базируется в соседстве с миром технологий, и это содружество отнюдь не случайно: в соответствии со справедливым замечанием Ю. Хабермаса, оно способствует, с одной стороны, «институализации господства», а с другой — формированию его «непознаваемости», политической отнесенности за границы человеческого любопытства [5, 52].

Экономическое господство задает определенные стандарты «механической коммуникации», в которой технологии не только и не столько играют роль эффективных инструментов достижения результатов, сколько способствуют легитимации алгоритмов целерациональности. Этот процесс сравним с установлением истины, для признания которой в условиях релятивизма пришлось устанавливать новые критерии. Для экономики в XX в. в качестве такого критерия утвердилось калькулятивность (М. Вебер, М. Каллон). В современных условиях умение рассчитывать наиболее подходящие выходы из сложившихся ситуаций является не только разумным, но и единственно возможным способом существования. Человек становится калькулятивным вследствие калькулятивности всей среды (как комбинации оборудования, технологий и людей, производящих расчеты на постоянной основе).

Калькулятивность наглядно отражает потребность в определении места человека, вообще принципов субъектности в этой системе отношений. Но экономический кризис усиливает перформативность экономики, порождая многоликие отражения «экономического человека», развивая и углубляя проблему «методологического индивидуализма». При этом сам по себе экономический кризис обезличен: трудно предъявить претензию всему обществу, создавшему финансовую пирамиду из ипотечных ценных бумаг в США, повлекшую за собой ощутимые социальные последствия. При осуществлении рискованных сделок с денежными средствами, которые были доверены инвестици-

онным фондам и фондам страхования, рядовой специалист-аналитик вряд ли способен постоянно держать в голове тот факт, что он распоряжается будущей пенсией или резервными накоплениями реально существующих домашних хозяйств. Сложно представить, что судьба отдельной семьи может быть осознаваема даже самым ответственным работником финансового сектора. Другой пример — всякая успешная спекулятивная сделка для другого участника рынка может оказаться поражением. Таким образом, коммуникация означает не обмен смыслами, а технологически обеспеченную размытость ответственности, как следствие этическую невинность экономических субъектов, в любую секунду готовых скрыться за типовыми рекламными фразами и штампами. Очевидный фрейдистский мотив таких изменений усиливает общую направленность на безусловное господство в сознании и реальности экономических принципов существования человека. Все это ведет к политико-психологической подчиненности человека экономическим процессам.

Деонтологизация бытия, о которой довольно много говорилось в различных исследованиях по социальной философии [4], как паллиатив не могла не обернуться новой формой искусственности — квазионтологией, которая с помощью коммуникативных техник вовлекает в свое пространство и время человека. Так, начало кризисов (в частности, в современной России) «традиционно» знаменуется чередой самоубийств и драматических банкротств предпринимателей, переходя в дальнейшем в стадию «рутинного» социально-экономического процесса. Этот процесс, как правило, сопровождается привычными апокалиптическими ожиданиями, готовыми в любую минуту, при благоприятной возможности, смениться радужными надеждами и восторгами по поводу полноты жизни. В результате трагические личные события совершаются в момент перехода от реальной жизни к виртуальной, или перетока энергии от драматизма бытия к невыносимости переживаний. Так, утрата человека в реальности переходит в символическую стадию. Примечательно, что начало эпохи Постмодерна, который вытеснил на периферию человеческого бытия самую объективную реальность, стартовала вместе с экономическим кризисом 1973 г.

Мистификация и мифологизация кризисных явлений постепенно обретают очертания коммуникативных конструктов. «Великая депрессия» в США стала «исходной точкой» для современной «экономической мощи» страны. Кризис 1973 г., кроме постмодернистского импульса, дал толчок развитию «экономики знаний». Все эти не только и не столько конструкты влияют на понимание исторических процессов, сколько формируют будущие представления о развитии эко-

номических отношений, определяют (оправдывают) сами эти отношения. Следует констатировать императивный характер экономических состояний (моделей), формирующих ткань экономической квазионтологии.

Не последнюю роль в развитии кризиса сыграло становление инновационной экономики (экономики знаний). Благодаря усиленной научно-технической деятельности, информатизации, секьюритизации и глобализации, происходит «зачищение» социально-экономического пространства, устраняются любые барьеры (исторические, мировоззренческие, политические, национальные), которые препятствуют диффузии инноваций. «Экономика» и «инновации» взаимно подкрепляют, оправдывают существование друг друга. Для развития инноваций необходимы еще большая концентрация и секьюритизация капитала (венчурные фонды), устранение протекционистских барьеров на пути денежных потоков, почти оправданное создание финансовых пузырей (кризис доткомов 2000 г. [10]). Не секрет, что многие современные IT-компании, в большей степени созданы благодаря усилиям маркетологов и финансистов, обеспечивших выход компаний на IPO (первичное публичное предложение акций на фондовом рынке), а не прорывным технологиям. С другой стороны, благодаря инновациям, экономике якобы обеспечивается «экономический рост», что подтверждено еще одной порцией экономических моделей (Р. Соллоу, Дж. Хикс, Р. Харрод).

Сама экономика в этом смысле напоминает колесо, для которого движение является единственным способом оставаться устойчивым. Однако скорость этого «колеса» давно превышает возможности людей жить в том же темпе. Это формирует иное понимание «отчуждения» [7]. Пространство и время трансформируются под влиянием IT-технологий и требований глобализации, ставя человека в зависимость от начала работ бирж в Нью-Йорке или Сингапуре. По результатам исследования Всемирного банка [9], возможности, предоставляемые интернет-экономикой, колоссальны, и человечество пока не в состоянии ими воспользоваться вследствие отсутствия как материальных (необходимы капитальные вложения), так и личных усилий. Сама коммуникация превращается в виртуальное взаимодействие, где обязательные посредники — гаджеты — начинают диктовать собственную этику отношений. Окружающая человека действительность становится «умной» («умный дом», «умный бытовой прибор», зубная щетка с выходом в интернет), пряча под этим эпитетом свой целенаправленный технологизм и идеологию господства (обезличивания, обольванивания).

Оборотная сторона этих процессов состоит в размытости не только межсубъектного пространства, но и пространства каждого конкретного субъекта, стремительно теряющего какую бы то ни было возможность «второго рождения», внутреннего озарения и трансцендирования за пределы установленных (квази)рамок бытия, поскольку на каждое вопрошание уже заранее заготовлен технологически обеспеченный ответ. Именно здесь кроются истоки современной энтропийности экономики, которая, лишив человека возможности на ошибку, на сомнение или на эскапизм, утратила собственную, заложенную в ней императивность в отношении адресата, объекта или активного контрсубъекта этой коммуникации. Отсюда угасание экономических процессов становится «естественным» продолжением кризисной экономической «квазионтологии».

Неизбежная виртуализация, оторванность человека от реального мира, наконец, различные проявления трансгуманизма, ведущие якобы к «улучшению» его природных качеств, а на деле лишаящие его возможности сопротивляться императивам, в конце концов приводят к тому, что квазибытие оказывается по-настоящему «пустым местом», отсутствующей структурой, не имеющей ни оснований, ни возможностей для своего продолжения. В таких условиях трудно ожидать, что экономика способна выйти из ловушки кризисов путем «самолечения» (самоорганизации). Скорее, современное общество, поколение за поколением, обречено на переживание одних и тех же, повторяющихся ошибок, причина которых скрывается за матрицей «виртуальной» экономической реальности. Эта реальность ежедневно воссоздается участниками всевозможных свободных рынков, играющих заранее расписанные роли (финансистов, инвесторов, аналитиков и т. д.). Благодаря этому мы наблюдаем стремительное ускорение и без того быстро меняющегося вещественного мира и одновременно — «отчуждение» (отставание) тех, кто не может назвать себя «успешным», чье временное измерение не соответствует времени экономическому. В этих условиях кризис, скорее, связан с дефицитом мысли, чем с дефицитом (ограниченностью) денежных ресурсов. От развития гуманитарной мысли (мысли о человеке) в любом контексте (экономика, право, культура) будет зависеть способность человечества «прервать» затянувшийся в мировой истории период господства экономических кризисов.

Литература

1. *Моисеев С.Р.* Реформа глобальной финансовой архитектуры // Финансы и кредит. 2001. № 8.
2. *Степин В.С.* Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации // Социология. 2000. № 3.
3. *Тулчинский Г.Л.* Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. № 10.
4. *Фортулатов А.Н.* Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 1 — 2. С. 464 — 467.
5. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Пер с нем. М.: Издательство «Весь мир», 2003. 416 с.
6. *Хазин М.Л.* О масштабе и последствиях мирового кризиса // Философия хозяйства. 2015. № 3(99) С. 86—90.
7. *Чельюк О.Р.* Социокультурные феномены в условиях экономической самоорганизации // Философия и культура. 2016. № 5. С. 683 — 688.
8. *Яскевич Я.С.* Экономический кризис и ценностное переосмысление современного мироустройства: философская рефлексия // Век глобализации. 2009. № 1. С. 45 — 54.
9. World Bank Group, 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23347> License: CC BY 3.0 IGO.
10. Пузырь Nasdaq // Коммерсант. Business Guide (Информационные технологии). Приложение № 32 от 28.02.2008 // <http://www.kommersant.ru/doc/855711>.

References

1. *Moiseev S.R.* Reform of the global financial architecture [Reforma global'noj finansovoj arhitektury] // Finance and credit [financy I kredit], 2001. № 8. P. 17 — 24.
2. *Stepin V.S.* Valuable historical fundamentals and prospects of industrial civilization [Cennostnye osnovy i istoricheskie perspektivy tehnogennoj civilizacii] // Sociology [Sociologija]. 2000. № 3. P. 45
3. *Tulchinskij G.L.* Popular culture as the epitome of Enlightenment humanism, or why Russian society the most massive [Massovaja kul'tura kak voploshhenie gumanizma Prosveshhenija, ili pochemu rossijskoe ob-

shhestvo samoe massovoe] // Philosophical sciences [Filosofskie nauki]. 2008. № 10. P. 38 — 45.

4. *Fortunatov A.N.* Communication and loneliness: the experience of dialectical analysis [Kommunikacija i odinochestvo: opyt dialekticheskogo analiza] // Vestnik of Nizhny Novgorod State University named after NI Herald Lobachevsky. 2014. № 1 — 2. P. 464 — 467.

5. *Habermas Y.* Philosophical discourse of modernity [Philosophical discourse of modernity]. Trans.from German. M.: «Ves' Mir», 2003. 416 p.

6. *Hazin M.L.* The scale and consequences of the global crisis [O masshtabe i posledstvijah mirovogo krizisa] // Philosophy of Economics [Filosofija hozjajstva], 2015. № 3. P. 86 — 90.

7. *Chepyuk O.R.* Social and cultural phenomena in terms of economic self-organization [Sociokul'turnye fenomeny v uslovijah jekonomicheskoi samoorganizacii] // Philosophy and culture [Filosofija i kul'tura]. 2016. № 5. P. 683 — 688.

8. *Yaskevich Ya.S.* The economic crisis and a holistic rethinking of the modern world: philosophical reflection [Jekonomicheskij krizis i cenostnoe pereosmyslenie sovremennogo miroustrojstva: filosofskaja refleksija] // Age of Globalization [Vek globalizacii]. 2009. № 1. P. 45 — 54.

9. World Bank Group, 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23347> License: CC BY 3.0 IGO.

10. NASDAQ Bubble [Puzyr' NASDAQ] // The Kommersant. Business Guide (Information technology). Application № 32. 28.02.2008. P. 32 // <http://www.kommersant.ru/doc/855711>.

М.Р. ФОМИНА

История философии хозяйства: постановка проблемы «дзэн-буддизм и капитализм»

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является дальневосточная философия хозяйства. Цель исследования — показать, что дзэн-буддизм выступил духовной предпосылкой для зарождения японского капитализма. Теоретическими основами статьи являются «социально-философский онтологизм» и метод историко-религиозной компаративистики. Проведена аналогия между дальневосточной и европейской реформацией. Проведена «идея параллелизма»

буддизма и христианства в истории Востока и Запада. Показан дзэн-буддизм как «дальневосточный протестантизм». Результаты исследования могут быть применены в области философии экономики.

Ключевые слова: хинаяна, махаяна, просветление, спасение, дзэн, протестантизм, конфуцианство, самураи.

Abstract. Abstract. An object of research of this article is the Far East philosophy of economy. A research objective is to show that the Zen Buddhism has acted as the spiritual prerequisite for origin of the Japanese capitalism. Theoretical bases of article is «the social and philosophical ontologism» and a method of a historical and religious comparativistics. An analogy between Far East and European reformation is drawn. «The idea of overlapping» of the Buddhism and Christianity in the history of the East and the West is carried out. The Zen Buddhism as «Far East Protestantism» is shown. Results of research can be applied in the field of economy philosophy.

Key words: hinayana, Mahajana, antireflection, rescue, zen, Protestantism, Confucianism, Samurais.

Генеральная идея М. Вебера, прозвучавшая в «Протестантской этике и духе капитализма», состояла в том, что капитализм является достижением исключительно западноевропейской цивилизации. Причину подобного рода исключительности Вебер связывал с влиянием протестантизма на зарождение и формирование капиталистического уклада в Западной Европе. Другие народы, по его мнению, не знали такой религии, как протестантизм, поэтому у них и не возник капитализм западноевропейского образца. К таким народам, по его мнению, принадлежат китайский и индийский народ, религии которых, конфуцианство и индуизм, воспрепятствовали появлению в Китае и Индии капитализма индустриального типа.

Н. Якобс, работающий уже в новых исторических условиях, когда в Азии набирал свои обороты японский капитализм, в своей книге «Возникновение современного капитализма и Восточная Азия» поставил веберовский вопрос: «Почему современный индустриальный капитализм появился в одном восточном азиатском обществе (Японии), а не в другом (Китае)?» [9, IX]. Ответил он на этот вопрос от противного: в Японии не было такой мощной религиозной антикапиталистической доктрины, какой в Китае было конфуцианство, поэтому там и возник индустриальный капитализм. «Чтобы получить удовлетворительное религиозное объяснение происхождения современного капитализма в Японии и его отсутствия в Китае, мы не должны искать по-

ложительную догму, направляющую религиозные интересы в капиталистическое русло, а должны оценивать функцию существующей религиозной догмы в социальных системах Китая и Японии. В Китае была догма с положительной функцией предотвращения развития капитализма, а в Японии такой догмы не было» [9, 191].

Но, поставив веберовский вопрос (и в этом его безусловная заслуга!), Якобс тем не менее не дал на него веберовский ответ, ибо, отказавшись от поиска положительной доктрины, он не назвал ту религию, которая и повлияла на становление японского капитализма. Поэтому его ответ от противного не может оставаться долгое время удовлетворительным, так как ответ, в веберовском духе, требует поиска той религии, которая и привела Японию к капитализму западноевропейского образца. Возвращаясь к рассуждению Вебера по поводу того, что другие народы не знали капитализма западноевропейского типа только потому, что они не знали религии, подобной протестантизму, мы можем сказать, что Япония знала такую религию, поэтому там, так же как в Западной Европе, возник современный индустриальный капитализм. Такой религией, на наш взгляд, является японский дзэн. И вслед за веберовской постановкой проблемы «протестантизм и капитализм» мы ставим проблему «дзэн-буддизм и капитализм» и разрешаем ее в положительном смысле.

Нас долгое время интересовал вопрос, почему идея Вебера о влиянии протестантизма на становление западноевропейского капитализма была принята в Японии с не меньшим воодушевлением, чем в США. Что касается США, то здесь все ясно. США — протестантская страна, где концепция дела получила свое полное практическое воплощение в американском капитализме. Тогда как в Японии и к идеям христианства, и к идеям капитализма в то время относились враждебно, видя в них орудие западного влияния. «Отметьте, рост капиталистического влияния в Японии произошел в интеллектуально-безразличной или даже враждебной к такому развитию атмосфере. Никакая философская школа или отдельный мыслитель, казалось, не поддерживали капитализм; а многие экономисты, в том числе Кумадзава Бандзан, резко выступили против такой тенденции развития, защищая японское общество по китайской модели. Общее для Китая и Японии: не было экономистов-капиталистов ни в Японии, ни в Китае» [9, 74].

Ответом на этот вопрос может быть только одно — Япония была внутренне готова к восприятию веберовских идей. Поэтому «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера, вышедшая в 1906 г., выступила таким мощным катализатором мысли для японских буддоло-

гов, в работах которых этого периода очень четко прослеживается мысль об аналогии дзэн-буддизма и протестантизма. С 1912 г. на Западе выходят статьи Д. Судзуки (позже вошедшие в его труд «Основы дзэн-буддизма»), где первое знакомство западного читателя с идеями дзэн подается через призму протестантских идей. Из европейцев первым, кто поддержал этот подход, был К. Юнг, написавший предисловие к «Основам дзэн-буддизма», в котором он, чтобы пролить свет на идеи дзэн, цитирует работы новых метафизиков эпохи Реформации. В 1913 г. на Западе выходит первая книга по дзэн-буддизму К. Нукария «Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии», в которой он представляет дзэн не как «мертвый капитал», а как живое учение, способное осветить многие вопросы современной ему Японии. «Несмотря на историческую древность этой школы, ее идеи настолько актуальны, что... понимание этих идей может объяснить современные реформаторские направления...» [4, 10]. Таким образом, именно японские буддологи, воодушевленные идеями Вебера, первыми обратили внимание на схожесть дзэн-буддизма с протестантизмом в плане религиозных идей и подчеркнули актуальность дзэнских идей в условиях зарождающегося японского капитализма.

Но дзэн-буддизм, как известно, возник не в Японии, а в Китае, а своими корнями он уходит в Индию, где еще в III в. до н. э. произошло разделение исторического буддизма на две ветви — хинаяна-буддизм и махаяна-буддизм, или на Южную и Северную школы буддизма. В результате этого разделения хинаяна-буддизм предстал как «староцерковный», православный, буддизм, сохранивший первоначальное учение, пропитанное духом пессимизма и отрешенностью от мира, а махаяна-буддизм — как «великоцерковное» учение, оптимистический взгляд которого на мир и на жизнь в этом мире воспринимался как отклонение от правоверного учения, и даже как некое вырождение первоначального духа Будды. В действительности, в процессе разделения буддизма на хинаяну и махаяну обозначились два принципиальных момента: во-первых, обозначилась тенденция к переходу от представления о буддизме как учения, оторванного от повседневной жизни, каким оно сложилось в хинаяне, к учению, направленному на решение проблем практической жизни людей, каким оно было заявлено в махаяне. Во-вторых, произошло изменение в сотериологической доктрине, где был осуществлен переход от монашеской концепции спасения хинаяны к универсальной концепции спасения махаяны. Ведь хинаяна, хотя и утверждала спасение для всех, в действительности требовала спасения только для избранного круга верующих, для членов монаше-

ской общины (самги), и, в этом смысле, была «малым путем спасения» — спасением для немногих. Махаяна, в противоположность «малому пути», дарующему спасение только для немногих избранных, предложила «великий путь спасения» для всех, без разделения на монахов и мирян, своих и чужих народов. В конечном итоге, став на путь универсализма в деле спасения, заложенного еще в древнем учении Будды, но подавленного монашеской идеей избранности хинаяны, махаяна, по мнению В.А. Кожевникова, «была первая по древности попытка создать всемирную религию, предназначенную для разных слоев общества, для разных времен и народов» [3, т. 1, 33].

В любом случае, махаяна, провозгласившая «великий путь спасения», вывела буддизм за пределы Индии и охватила собой Дальний Восток, прежде всего, Китай и Японию. И в этом, как считает Судзуки, было спасение для самой махаяны, потому что, если бы махаяна осталась в Индии, то, скорее всего, ее новаторские идеи, нацеленные на преобразование буддизма в практический буддизм, выродились бы в общей атмосфере хинаянского мировоззрения. Только выйдя за пределы Индии и попав в другую историческую среду, махаяна воплотила свои идеи в жизнь, сообразовав их с изменяющимися условиями существования других культур и народов. И этой трансформации махаяна-буддизм, в первую очередь, обязан Китаю, где практицизм всегда составлял живую душу его народа. Дзэн-буддизм — это и есть китайская школа махаяны, или китайский буддизм, который спустил «дух буддизма» с метафизических высот на землю и преобразовал его в «практическую науку жизни» [6, 3]. Проще говоря, «китайцы сделали буддизм образом жизни, доступным для человеческих существ — людей с семьями, с каждодневным необходимым трудом, с нормальными инстинктами и страстями» [7, 25]. Эта прагматическая, а не отвлеченная, деятельная, а не созерцательная, тенденция и отличает дзэн от всех других буддийских школ махаяны. Да, по своим истокам дзэн, безусловно, является индийским буддизмом, но по результату — по тому, каким мы его знаем теперь, — это продукт китайского практического характера. И если бы практический склад ума китайцев не переделал махаяна-буддизм, то, скорее всего, дзэн вообще бы никогда не появился. В результате этой переработки, дзэн вылился в такую, отличную от индийского буддизма, форму, что многие справедливо считают, что он уже не является буддизмом в общепринятом смысле. Судзуки назвал его «дальневосточным буддизмом» [6, 2].

Итак, хотя дзэн-буддизм генетически связан с индийским буддизмом, но именно в Китае он стал практической реализацией идей махаяны — новым словом в буддизме, которому Китай дал право на

жизнь. И в этом смысле дзэн-буддизм является, по сути, китайской реформацией индийского буддизма, по своему значению сопоставимой с европейской реформацией, превратившей христианство в практическое учение, решающее проблемы повседневной жизни людей. Именно эту точку зрения проводят Судзуки и Нукария, считая дзэн-буддизм «реформацией буддизма-махаяны», а дзэнских патриархов — великими религиозными реформаторами индийского буддизма, первым из которых был Бодхидхарма. Хотя существует и противоположная точка зрения на историю дзэн, которой следуют Ф. Юлань и П. Пеллио, рассматривая дзэн не как революционный, а как эволюционный процесс махаяны и соответственно иной взгляд на значение Бодхидхарма в истории дзэн. Так, дзэнских патриархов они рассматривают не как религиозных реформаторов, а как последовательных продолжателей идей махаяны, а Бодхидхарму — всего лишь «двадцать восьмым в легендарном списке индийских патриархов» [7, 19]. Понятно, что Юлань и Пеллио не конструируют свою собственную генеалогию индийских патриархов, а лишь следуют одному из существующих списков «северной (махаянской. — М.Ф.) генеалогии», «который включает в себя 28 преемств от Будды до Бодгидхармы, положившего прочное основание буддизму в Китае» [3, 60].

Тогда как для Судзуки и Нукария¹, считают, что Бодхидхарма — это не один из «великих жрецов» буддизма, а Первый патриарх дзэн-буддизма, прибытие которого в Китай в 520 г. н. э. стало «эпохальным событием в истории китайского буддизма». «Бодхидхарма, в отличие от многих своих предшественников, принес с собой не мертвые тексты, но живую веру, не теоретическое учение, но практику просветления» [4, 19]. Нельзя сказать, что просветление не было известно хинаяне, ведь именно просветление сделало из Шакьямуни Будду — «просветленного», или махаяне, где о просветлении говорится как об интеллектуальной деятельности, которая превратила Будду, скорее, в учителя, чем в Спасителя, а буддизм — в книжную религию, недоступную для изучения простым смертным². Бодхисаттвы («иде-

¹На самом деле обе эти точки зрения берут свое начало в двух первых биографиях Бодхидхармы. Первая принадлежит Досэну, автору «Биографии великих жрецов», где Бадхидхарма рассматривается как один из «великих жрецов» и адептов индийского буддизма. Вторая — Догэну, автору «Истории передачи света истины», где Бодхидхарма признается как Первый патриарх дзэн-буддизма.

²Об этом красноречиво говорит объем буддийского канона — Трипитаки — Три корины, состоящего из 39 томов Палийского канона южного буддизма и 225 томов (в 1000 страниц каждый) северного буддизма, что делает буддий-

альные святые») и были теми единственными, кто, в результате изучения священных текстов, мог достичь просветления. Так, махаяна завершила процесс рационализации буддизма, превращения его в книжную религию, где только знание дает спасение. Много позже этот же процесс рационализации, только в рамках христианства, мы будем наблюдать на примере католической церкви, где уже Христос предстает в большей степени учителем, чем Спасителем, а ученые-богословы — единственными носителями и толкователями высших религиозных истин христианства. Европейская Реформация, собственно, и началась как протест против монополии церкви на духовно-спасительные вопросы, а М. Лютер был тем, кто освободил мирян от гнета церковной схоластики, провозгласив самостоятельный путь постижения Св. Писания, увидев религиозное возрождение «в вере и в оправдании через Христа, а не через Церковь» [8, 137].

Дальневосточная реформация началась с Бодхидхарма, который начал ее с реформы махаянской концепции просветления, заявив, что просветление достигается не чтением сутр, а собственным духовным опытом человека, без опоры на священные тексты и авторитет церкви. «Пока буддизм процветал только в Индии, эта центральная идея просветления не нашла своего дальнейшего развития, ограничиваясь тем, что излагалось в большинстве махаяна-сутр, и только после Бодхидхармы, который экспортировал ее в Китай, эта идея пустила корни и выросла, став тем, что теперь называют особой школой буддизма, или дзэном» [6, 9]. В Китае Бадхидхарма был назван «брахманом би-гуань», что дословно («би» — стена, «гуань» — созерцание) означает «брахман, созерцающий стену». «Но такая интерпретация фразы “би-гуань” — как считает Судзуки, — ...поверхностна, так как не могло простое созерцание стены («сидячая медитация». — М.Ф.) привести к революционному движению в буддийском мире, о котором говорит Досэн, описывая жизнь Бодхидхармы» [6, 10]. Действительно, медитацией занимались практически все буддийские школы, и она оставалась совершенно невинной практикой ровно до тех пор, пока Бодхидхарма не противопоставил ее интеллектуальной схоластике в деле просветления. И сделал это достаточно жестко, поставив вопрос: схоластика или медитация ведут к просветлению? Книжный буддизм ответил — схоластика. Практический буддизм — медитация. И когда вопрос встал «или — или», тогда ученые буддисты подвергли медитацию нападкам, видя в ней угрозу для существования книжного буд-

ское учение доступным только для специально обученных и имеющих на это возможность людей.

дизма. Так что, на самом деле, означает «би-гуань»? Би-гуань — есть учение о медитации как единственном способе просветления, отвергающем два традиционных пути просветления буддизма-махаяны — «пути разума» и «пути праведного поведения». Другими словами, не разум и не мораль, а только медитация дает просветление. Это и было новое послание Бодхидхарма, сделавшее его реформатором буддизма. «Если в доктрине “двух путей”... (“пути разума” и “пути праведного поведения” — *М.Ф.*) не было ничего, свойственного дзэну, то именно учение “би-гуань” (созерцание стены) явилось тем, что сделало Бодхидхарму Первым патриархом дзэн-буддизма в Китае» [6, 9].

Таким образом, дзэн, каким он вышел из рук Бодхидхармы, есть не книжная, а практическая доктрина просветления, причем доступная для всех. И в этом состоит демократизм дзэн, если под ним понимать то, что просветления может достичь каждый человек, независимо от его уровня образования и социального положения. В этом смысле дзэн есть «ультралевое крыло махаяны-буддизма» [6, 11]. В этом индивидуализм дзэн, согласно которому только сам человек может достичь просветления. Ведь книгу может прочитать и кто-нибудь другой, и даже передать ее смысл близко к содержанию, но медитацию практиковать каждый должен сам — это сугубо индивидуальное дело. И в этом, наконец, практицизм дзэн, согласно которому дзэн не есть книжная мудрость, философия или догма, а дзэн есть личный духовный опыт. Вот именно так понятая доктрина просветления и дала толчок «к революционному движению в буддийском мире». Таким образом, реформация буддизма-махаяны Бодхидхармы состояла в том, что не индийские книжники дают просветление, и непонимание сутр является путем к просветлению, а только личный духовный опыт, который человек должен приобрести самостоятельно посредством внутренних усилий.

Вот это провозглашение самостоятельного пути в деле достижения просветления и вызвало такую «неистовую оппозицию» [6, 10] со стороны буддийской церкви, которая увидела в этом покушение на свою монополию в духовно-спасительных вопросах — самых важных вопросах в жизни человека.

Несмотря на различие хинаяны и махаяны в деле спасения (монашеского и универсального), в главном они были едины, ибо, отойдя от провозглашенной Буддой идеи индивидуального спасения, стали религиями коллективного спасения, утверждающими, что вне церкви спасения нет. В отличие от них, дзэн-буддизм, очистив первоначальную идею индивидуального спасения Будды от церковно-коллективных мероприятий спасения, провозгласил идею спасения вне

церкви. И в этом смысле дзэн, как и протестантизм, является, во-первых, религией индивидуального спасения, где спасение достигается личными усилиями человека; во-вторых, мирской религией, где спасение достигается в обычной жизни. Ведь в буддизме спасение достигается вне этой жизни — в нирване, которая есть выход за пределы сансары (жизни), и, по сути, спасение — есть смерть. Смысл дзэнского отождествления нирваны и сансары как раз-таки и состоит в том, что спасения не нужно искать после смерти (нирваны), его можно достичь в этой жизни (не выходя за пределы сансары) посредством просветления. «Дзэн стремится достичь нирваны, но нирваны не в хинаянском, а в специфическом понимании этого слова... Дзэн... не верит, в существование запредельной феноменальному миру реальности... Дзэн надеется достичь блаженства именно в этой жизни, полной несовершенства, невзгод и страданий. ...Дзэнская нирвана позволяет наслаждаться блаженством... через просветление» [4, 225].

Таким образом, дзэнская концепция спасения, основанная на доктрине просветления, была поставлена в оппозицию по отношению к буддийской концепции спасения, основанной на нирване, как жизнеутверждающая доктрина по отношению к жизнеотрицающей доктрине. А отсюда следует, что «жизнь буддиста не есть праздное созерцание тщеты и скорби бытия, не монотонное повторение сутр в монастырском тюремном заключении, а участие во всех отраслях и видах жизненной деятельности» [10, 368]. Другими словами, дзэн, окончательно преодолев дуализм монашеской и мирской жизни, нирваны и сансары, сделался религией повседневной жизни. И в этом великое сходство дзэн с протестантизмом, который также поднял на невиданную ранее высоту повседневную жизнь, указав на ценность мирской жизни в деле спасения. Таким образом, в дзэне практика взяла верх над метафизикой, медитация над схоластикой, конкретное над абстрактным, живой опыт над догмой, индивидуализм над коллективизмом, демократизм над эмпиризмом. Это и есть главный результат «китайской революции» дзэн против индийского буддизма.

Но тогда возникает вопрос: почему дзэн в Китае не сыграл той роли, которую он сыграл в Японии, которая довела религиозную реформу, начатую в Китае, до ее практического завершения — до возникновения японского капитализма? Якобс на этот вопрос ответил бы так: конфуцианство, будучи государственной религией, не терпящей никакого инаковерия, просто задавило дзэн своей властью, что и привело его, в конечном итоге, к упадку. Близок к этой точке зрения и Нукария, который упадок дзэн в Китае считает результатом религиозной эрозии, растворившей дзэн сначала в амидамизме, а потом в кон-

фуцианстве. Но японский дзэн также пережил период застоя, ведь привнесенный в Японию в VII в., он получил свое развитие только к концу XVII в.; и период религиозной эрозии, особенно со стороны синто — национальной религии японцев. Но, в отличие от Китая, где он к XVII в. пришел в упадок, в Японии, наоборот, именно с XVII в. дзэн начал свое восхождение, поистине получив там полное и окончательное развитие. Произошло это потому, что «новое сословие самураев проявило живой интерес к незамысловатому, но практичному и утонченному учению дзэн» [1, 10]. И в XVII в. — в период перехода политической власти от «хризантемы к мечу», т. е. от аристократии к военному сословию, — дзэн фактически, как утверждает Дж. Китагава, стал государственной религией Японии. «В период Муромати риндзай — дзэн стал государственной религией, о чем свидетельствует учреждение режимом Асикага дзэнских храмов в каждой провинции» [2, 174].

Иначе говоря, дзэн в Китае не стал динамической силой истории, потому что в Китае не было той широкой социальной силы, которая бы выступила его носителем, ибо все (преимущественно) гражданское население Китая было поглощено конфуцианством. Поэтому китайский дзэн в основном процветал в монастырях, являющихся своеобразными религиозными университетами, куда на стажировку приезжали и японские ученики, позже ставшие основателями японского дзэн, тогда как в Японии дзэн был подхвачен широкой социальной силой — нарождающимся военным сословием, в руках которого дзэн из мирной формы, в которой он был экспортирован из Китая, превратился в военный дзэн — религию самураев. Под властью самурайского правительства Япония находилась семь веков, сформировав самурайскую по своему духу национальную культуру. «Что касается Японии, то дзэн впервые был привнесен туда, прежде всего, в форме веры самураев и военного сословия ... Впоследствии он постепенно нашел путь как во дворцы знати, так и в простые дома посредством своей литературы и искусства, пока, наконец, не пропитал собой всю жизнь страны. Современная Япония, особенно после русско-японской войны, признала дзэн наилучшим учением для подрастающего поколения» [4, 13]. Особенно это касается бусидо — морального кодекса самураев, выработанного на основе дзэн, который в новейшей истории Японии превратился в гражданский моральный кодекс. «Теперь он (дзэн. — *М.Ф.*) воспринимается как идеальная вера и для полного надежд и сил народа, и для отдельного человека, которому нужно пробиться через жизненные невзгоды. Соблюдать бусидо, или кодекс самурая, следует не только воину на поле битвы, но и каждому жителю Японии в борь-

бе за существование» [4, 67]. Гражданин Японии стал «самураем в миру», особенно в условиях нарождающегося японского капитализма, который по своим дзэнским предпосылкам не мог стать не чем иным, как «самурайским капитализмом».

В свое время еще М. Мюллер и Рис-Дэвидс одними из первых, выдвинули «идею параллелизма» буддизма и христианства в истории Востока и Запада, согласно которой буддизм на Востоке играл такую же роль, какую на Западе — христианство. В рамках этой идеи Р. Пешель провел аналогию между двумя ветвями буддийской церкви (хинаяной и махаяной) и двумя ветвями христианской церкви (католицизмом и протестантизмом). «В буддийской церкви противостоят одно другому два направления (хинаяна и махаяна. — *М.Ф.*), которые во многих отношениях можно приравнять к католицизму и протестантизму» [5, 3]. Но такая аналогия не учитывает того факта, что махаяна вносила доктринальные изменения, но она не реформировала церковную концепцию спасения. И по этому признаку ее нельзя ставить в один ряд с протестантизмом. В рамках идеи параллелизма христианства и буддизма, в большей степени, присутствует аналогия между православием и хинаяной, католицизмом и махаяной. Понятно, что в рамках этой гипотезы дзэн-буддизм выступает как «дальневосточный протестантизм». И в этом смысле дзэн является не столько «новым религиозным направлением», как его часто называют в научной литературе (на самом деле это определение мало что говорит по существу), сколько «особой ветвью буддизма» — духовным источником дальневосточной реформации. Да, имеющей свою специфику — растянутую во времени и пространстве, мы бы определили ее как «перманентную реформацию» — раньше, чем на Западе, начатую в Китае, но позже, чем на Западе, доведенную Японией до логического конца — становления японского капитализма. И в этом смысле Япония является уникальной страной — она сохранила дзэн-буддизм и превратила его в движущую силу Дальнего Востока, аналогичную той, которой стал протестантизм в истории Запада.

Литература

1. Дюмулен Г. История дзэн-буддизма / Пер. с англ. Ю.В. Бондарева. М.: Центрполиграф, 2003 // http://fictionbook.ru/author/gen-rih_dyumulen/istoriya_dzyen_buddizma/read_online.html.
2. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005.
3. Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Петроград: Тип. М. Меркушева. Т. 1, 2. 1916.

4. *Нукария К.* Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. М.: Наука, 2003. // <http://aralibrus.ru/religiya-samuraev-issledovanie-dzen-buddijskoj-filosofii-i-praktiki-v-kitae-i-yaponii-nukariya-kajten/>.
5. *Пишель Р.* Будда. Его жизнь и учение. М.: АМРИТА-Русь, 2004 // <http://mreadz.com/read95219/p3>.
6. *Судзуки Д.* Основы дзэн-буддизма. Бишкек: Одиссей, 1993 // http://modernlib.ru/books/sudzuki_daysecu_taytaro/osnovi_dzenbuddizma/read_1/.
7. *Уотс А.* Путь дзэн. София, 2015 // http://detectivebooks.ru/book/26090484/?page=19#n_38.
8. *Элоян М.Р.* Хозяйство и религия (М. Вебер, С. Булгаков, В. Зомбарт) // Философия хозяйства. 2003. № 1.
9. *Jacobs N.* The origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong-Kong: University Press Oxford, 1958.
10. *Suzuki.* Outlines of Malmvana Buddhisni. L., 1907.

References

1. *Dyumulen G.* Istoriya dzehn-buddizma /Translated from the English by Yu.V. Bondarev- М.: Tsentropoligraf, 2003 // http://fictionbook.ru/author/genrih_dyumulen/istoriya_dzyen_buddizma/read_online.html.
2. *Kitagava Dzh.M.* Religiya v istorii Yaponii. SPb.: Nauka, 2005.
3. *Kozhevnikov V.A.* Buddizm v sravnenii s khristianstvom. Petrograd: Type.: M. Merkusheva, T. 1, 2. 1916.
4. *Nukariya K.* Religiya samuraev. Issledovanie dzehn-buddijskoj filosofii i praktiki v Kitae i Yaponii // М.: Nauka, 2003. <http://aralibrus.ru/religiya-samuraev-issledovanie-dzen-buddijskoj-filosofii-i-praktiki-v-kitae-i-yaponii-nukariya-kajten/>.
5. *Pishel' R.* Budda. Ego zhizn' i uchenie. М.: AMRITA-Rus', 2004 // <http://mreadz.com/read95219/p3>.
6. *Sudzuki D.* Osnovy dzehn-buddizma. Bishkek: Odysseus, 1993// http://modernlib.ru/books/sudzuki_daysecu_taytaro/osnovi_dzenbuddizma/read_1/
7. *Uots A.* Put' dzehn. Sofia, 2015 // http://detectivebooks.ru/book/26090484/?page=19#n_38.
8. *Eloyan M.R.* KHOzyajstvo i religiya (M. Veber, S. Bulgakov, V. Zombart) // Filosofiya khozyajstva. 2003, № 1.

Т.Н. ЮДИНА

**Конституирующие основы фундаментальной
экономической науки: философско-хозяйственный взгляд***

Посвящается 75-летию Ю.М. Осипова

Большая идейно-концептуальная работа ожидает и новую Россию, ежели она хочет не проиграть, а выиграть — для себя.

Ю.М. Осипов

Аннотация. В статье на основе применения в единстве актуальных методов анализа: целостности, стратегирования, синергии, триалектики, а также философско-хозяйственного воспроизводственного, институционально-эволюционного методов — отражены конституирующие основы фундаментальной экономической науки. Эти основы даны в контексте двух осовремененных учений Аристотеля: 1) учения об ойкономике-домострое-экономике (общественно-полезном хозяйстве в гармонии с душой и природой, этической экономикой), а также о ее почти тысячелетней практике в Ромейской Державе (так называемый Византийской империи) и 2) учения о хрематистике (науке делания денег). Эти основы позиционируются также сквозь призму двух актуальных учений И.Т. Посошкова: 1) учения о невещественном богатстве — правде и 2) учения о вещественном богатстве. Философия хозяйства как ядро фундаментальной экономической науки, начал высшей экономии вместе с концепцией геотриона и вышеназванными учениями позволяет дать конструкцию законных истинных созидательных основ фундаментальной экономической науки, приблизиться к осмыслению аристотелевской справедливой цены, стоимости и в целом — системы жизни

Ключевые слова: философия хозяйства, геотрион, глобализация, инноватизация, технологизация, информатизация, сетеизация, цифровизация, виртуализация как современные метатренды-тенденции; справедливая цена, стоимость; два осовремененных учения Аристотеля: учение об ойкономике-домострое-экономике и учение о хрематистике; И.Т. Посошков, учения о невещественном богатстве —

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

правде и о вещественном богатстве; хрематистика — финансономика; ростовщичество.

Abstract. In the article constituent framework of fundamental economic science is represented, based on the application of contemporary analysis methods in conjunction: holism, strategizing, synergy, trialectics, philosophical and economical, the method of economic reproduction, institutional and evolutionary method. This framework is provided in the context of two contemporized teachings of Aristotle: 1) teaching of oikonomikos (domostroy) that implies socially useful economic system functioning homogenously with soul and nature, or ethical economy and its millennia-old practical application in the Eastern Roman Empire (the so-called Byzantine Empire), and 2) chrematistics (science of money-making). This framework is also viewed through the lens of two contemporary teachings of I.T. Pososhkov: on truth as immaterial wealth and philosophy of economy. Philosophy of economy as the core of fundamental economic science together with the concept of geotrion enables one to provide the construction of fundamental economic science genuine framework, take a step closer to understanding of Aristotelian concept of fair price, value and the vital activity system of both human being.

Key words: philosophy of economy, geotrion, constituent framework of fundamental economic science; quest for a new paradigm of economic theory and economic development; globalization, innovatization, technologisation, informatization, netization as contemporary megatrends and prospectives; fair price, value; two contemporized teachings of Aristotle: teaching of oikonomikos (domostroy) that implies socially useful economic system functioning in harmony with soul and nature and chrematistics (science of money-making); two contemporary teachings of I.T. Pososhkov: on truth as immaterial wealth and material wealth; philosophy of economy; chrematistics (finansomics); usury.

Современная фундаментальная экономическая наука, к которой относятся политическая экономия и новая политическая экономия, а также экономикс (рус. пер. — экономическая теория и/или экономика), институциональная экономика, история экономических учений и история экономики, находится в кризисе. В настоящее время хозяйственная практика и современная фундаментальная экономическая наука явно расходятся между собой: практика идет сама по себе, экономическая наука — сама по себе. А как обстоят дела с экономической политикой? Известно, что есть обратная связь между этими тремя частями хозяйственной жизнедеятельности: хозяйственной практикой, эконо-

мической наукой и экономической политикой. Есть еще в этой триаде и связующее их звено — *философия хозяйства*. Однако это глубочайшее мировоззренческое научное знание-размышление сегодня еще не преподается в качестве учебной дисциплины в вузах, хотя время философии хозяйства пришло давно. Она служит ядром *теории хозяйства* [6] и основ философии хозяйства, которые разрабатывает Ю.М. Осипов — президент Академии философии хозяйства — и его последователи — члены *современной уникальной научной школы философии хозяйства* экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Наше время — период великих трансформаций. В современных условиях *глобализации, инноватизации, технологизации, информатизации, сетеизации, цифровизации, виртуализации* как современных метатрендов, тенденций развития хозяйственного пространства, экономики и общества, а также глобализирующегося оцифровывающегося рынка, появления облачного рынка и облачных технологий, гибридных войн, философия хозяйства упреждает, успевает осмыслить все эти феномены, вычленив тренды-тенденции, ответить на эти вызовы современности. Адекватная этим трендам-тенденциям, вызовам времени и пространства, феноменам фундаментальная экономическая наука — высшая экономия — должна еще сформироваться окончательно. Пока есть отдельные авторские курсы. В настоящее время нет и принятого к преподаванию учебника, адекватного реалиям, хотя Ю.М. Осипов написал и учебник «Теория хозяйства (начала высшей экономики)» в трех томах, и примерную учебную программу «Курса философии хозяйства», и сам «Курс философии хозяйства».

С 1990-х гг. по настоящее время в рамках двух «экономических культур»: политической экономии вкупе с новой политической экономией и экономиксом — экономической теорией вкупе с взаимодополняющей его институциональной экономикой — идет поиск новой парадигмы фундаментальной экономической науки и хозяйственного развития. Поиск новой парадигмы связан с тем, что ни марксизм, ни неоклассика (мейнстрим) как две прежние парадигмы, зародившиеся еще в 1870-х гг. на Западе, не соответствуют статусу научной парадигмы в ломоносовском смысле слова. Во-первых, они не выдержали проверки хозяйственной практикой и в исторических, и в новых вышеназванных условиях; во-вторых, не объясняют адекватно происходящие процессы, в настоящее время довольствуются экономической практикой «от пузыря до пузыря» согласно обзору ведущих американских журналов в посткризисный период; в-третьих, не выполняют прогностическую функцию (проглядели финансово-экономический кризис 2007 — 2009 гг. и не знают, как выйти из его «второй волны»), в-

четвертых, являются заказными в принципе, а не строго научными парадигмами, целью которых является обслуживание экономических интересов господствующего класса в экономике и в обществе в тот или иной период, а не ломоносовский поиск истины. К тому же и марксизм, и неоклассика берут свое начало с *классической английской буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо*, которая является отражением интересов капитала, воспроизводства индивидуального и общественного капитала, и тоже заказной — со стороны Ост-Индской компании.

Неслучайно на Экономическом совете при Президенте РФ 25 мая 2016 г. В.В. Путин констатировал, что все решения по поводу сложного экономического положения страны должны приниматься не на основе каких-либо экономических теорий и идеологий, а посредством прежде всего прагматических решений, «идей и инициатив» вместе с «механизмами их реализации». Президент России сказал: «Прошу всех в ходе наших встреч максимально уйти от идеологических предпочтений, не замыкаться в рамках тех или иных теоретических концепций построения, а руководствоваться прагматическими подходами, сосредоточиться на выработке реалистичных и объективных решений; и в этой связи хотел бы подчеркнуть: любые идеи и инициативы должны выдвигаться вместе с практическими механизмами их реализации, которые будем рассматривать и которые в будущем должны лечь в основу программных документов органов государственной власти» [15].

Чем может помочь сегодня реальной экономике России, находящейся в сложном кризисном положении, и Экономическому совету при Президенте РФ фундаментальная экономическая наука, которая сама находится в кризисе? Есть ли научная экономическая школа, способная создать новую фундаментальную экономическую науку? Есть. Обладает ли она конструктивными идеями вместе с практическими механизмами их реализации? — Обладает. Какими именно? Что такое конституирующие основы фундаментальной экономической науки? Попытаемся дать ответы на эти сложнейшие вопросы на основе проведенного анализа. Они представляют собой новизну данной статьи, придают ей практическую и теоретическую актуальность.

Мы применили неиспользуемый в единстве в фундаментальной экономической науке набор актуальных методов анализа: целостности, стратегирования, синергии, триалектики, а также философско-хозяйственный, воспроизводственный, институционально-эволюционный методы. Еще и дедукцию. Такой синтезированный методологический подход позволил увидеть конституирующие основы

фундаментальной экономической науки даже без математики, поскольку в философии хозяйства с Софией можно решать дифференциальные и интегральные уравнения вербально, получая оптимальный результат.

Эти основы новой фундаментальной экономической науки даны в контексте двух осовремененных учений Аристотеля: 1) учения об ойкономике-домострое (общественно-полезном хозяйстве в гармонии с душой и природой, этической экономикой) и, главное, практики Ромейской Державы — Римской империи Константинопольского периода (так называемой Византийской империи) и хозяйства Государства Российского до 1917 г., 2) учения о хрематистике (науке о делании денег) [1, 394 — 395], а также философии хозяйства С.Н. Булгакова [2]. Кстати, у истоков философии хозяйства стоял Аристотель Стагирит.

Конституирующие основы новой фундаментальной экономической науки определяются и сквозь призму двух актуальных учений первого по существу экономиста в мировой и отечественной экономической науке — И.Т. Посошкова: 1) учения о невещественном богатстве — правде и 2) учения о вещественном богатстве [8, 14], а также современной философии хозяйства, у начал которой находится Ю.М. Осипов и его научная школа, и концепции геотриона Н.Д. Матрусова.

Такое новое, не использованное никем ранее, теоретико-методологическое решение актуальнейшей проблемы помогает дать конструкцию истинных основ фундаментальной экономической науки и приблизиться к осмыслению аристотелевской справедливой цены, стоимости и в целом — системы жизнедеятельности человека и человечества.

**Ойкономика (русская калька этого слова — домострой)
Второго Рима и хрематистика: историко-экономические
уроки для XXI в.**

Две исторические практики имперских хозяйств: 1) Ромейской Державы — Римской империи Константинопольского периода (так называемой Византийской империи — принятое многими учеными условное понятие — по определению академика С.П. Карпова) — Второго Рима и 2) Государства Российского — Третьего Рима до 1917 г. — показали на деле реальность экономического развития по пути ойкономики-домостроя в течение более 1000 лет, а не хрематистики, указанных в работе Аристотеля «Никомахова этика», «Политика» [1]. Проблема развития хозяйства Государства Российского по пу-

ти ойкономики-домостроя исследована нами и представлена в монографии [12, 110 — 367].

Со времени основания Второго Рима (Константинополя или Царьграда) — второй столицы Римской империи — секуляризованные граждане и квазиученые продолжали уничижительно называть его Византией по названию деревни, на месте которой он расположился, а Римскую империю (лат. — *Imperium Romanum, Romania*, греч. — *Βασιλεία Ῥωμαίων, Ῥωμανία*) — Византийской империей. Этим нарушалась целостность концепции единой Римской империи с переносимыми императорами столицами (Римом, Константинополем и впоследствии Москвой).

Римская империя со столицей в Константинополе — Второй Рим — имеет свою особенную *институциональную трехмерную матрицу*.

Во-первых, с точки зрения политики Римская Империя (IV — XV вв.) — это феномен христианской империи, а с XI в. — православной, с монархическим государственным строем, а не республики; это конституирующая модель государства или общества, при которой государством являлись верноподданные государи, а государство и общество отождествлялись. Как правило, императорская власть передавалась в рамках царствующей династии. Однако императором мог стать любой человек при условии легитимизации своего положения посредством вхождения в правящую династию (через брак, усыновление, братотворение и др.).

Во-вторых, с точки зрения экономики это реальный пример ойкономики — конституирующей универсальной перспективной экономической системы — домостроя, всегда воспроизводящегося как новый домострой, как система жизнедеятельности человека и общества, общественно-полезного хозяйства, связанного с производством благ, продаваемых по справедливой цене, и обеспечением безопасности, в принципе живой хозяйственный организм, функционирующий в гармонии с душой и природой, имеющий этические рамки.

В-третьих, с точки зрения идеологии государственной религией христианизированной Римской Империи было христианство, а с XI в. — православие. Эта государственная идеология была сопряжена с адекватным хозяйственным механизмом ее реализации в Империи ромеев (условно — Византии), результатом чего были справедливые цены, их строительство и воспроизводство.

Таким образом, институциональная матрица Второго Рима может быть позиционирована как целостность православно-христианской религиозной идеологии, эллинской культуры, в том чис-

ле и традиции хозяйствования, а также римского права и государственного строительства. Как подчеркивал Г.А. Острогорский, «римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития», «без любого из этих трех элементов сущность Византии (условное понятие доп. вслед за С.П. Карповым. — Т.Ю.) немислима» [7, 64].

Нашей задачей является лишь *историко-экономический анализ, философско-хозяйственное осмысление* практической ойкономики (домостроя), а также хрематистики (финансомики), явившейся одной из причин падения христианизированной Римской империи, сквозь призму XXI в., а не всей матрицы Ромейской державы Константинопольского периода.

Прежде всего будем позиционировать Римский домострой (условно названный «византийским» [10]) как производное от православно-христианского вероучения. В Римской империи константинопольского периода формировалась и развивалась экономика «византийской» цивилизации — ойкономика, по-русски — домострой, и домостроительство с наличием инородных элементов хрематистики (ростовщичества), которые распространяли генуэзские купцы и иудеи, жившие там.

Домостроительство предстает как целенаправленное созидание целостной, эффективной с точки зрения самодостаточности и справедливости, экономической безопасности и конкурентоспособности системы общественного хозяйства, способной обеспечить гармоничное включение всех членов и ячеек общества в реализацию совместного хозяйства с учетом неоднородности и разнообразия социума, а также присущих ему социо-культурно-хозяйственных традиций и инноваций. В православном домострое Второго Рима труд, собственность и богатство объединены, а в иноверных, так называемых западно-европейских, экономиках разъединены.

В отечественной и иностранной светской научной литературе экономическая концепция «византийского» домостроя целостно до сих пор не разработана. Поверхностное исследование экономики Римской империи, начатое на западе Финлеем и Герцбергом, продолжено Брентано в его работе «Народное хозяйство Византии» (1924). Оригинальный труд С.П. Шестакова «Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра» (1901) дает, с одной стороны, свод правил хозяйствования, с другой — сравнительный анализ домостроев — западных, русского и восточных [10].

Историки-византилисты (Г.А. Острогорский, С.П. Карпов и др.) в своих многочисленных трудах описывают экономику Римской импе-

рии, однако не определяют ее как ойкономику-домострой-экономику-нехрематистику [11, 110 — 111]. Хрематистика — разрушительная и потому тупиковая «экономическая» антисистема — доморазорительство с целью наживы — хремы, основанная на делании денег, на ростовщичестве, паразитизме. В настоящее время В.Ю. Катасонов разоблачению хрематистики посвятил много своих трудов (за семь последних лет он написал около 40 работ по этой тематике), из которых фундаментальной является его работа «Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» [4, 39].

«Византийский» домострой в контексте «народного хозяйства» Римской империи — это прежде всего производное от православно-христианского вероучения. В ее экономике были свои *принципы, инструменты, институты, механизмы хозяйствования*: справедливые цены; стабильность принципов ойкономики-домостроя-экономики-нехрематистики, обеспечивавших стабильность экономического развития; примат производства над торговлей; высокий уровень производства (в отдельные периоды он достигал 85 — 90% всего объема производства Евразии, кроме Индии и Китая); стабильность финансовой системы и изобилие денежной массы с золотым солидом — безантом; прибыль — не главная цель производства; отрицание сверхприбыли; решение военных задач в целях безопасности Римской империи — Ромейской державы.

Действительно, Римская империя — хозяйственное пространство, где стабильными были прежде всего принципы (справедливости, соборности, хозяйственного самоуправления, самодостаточности), а не сама экономика (ойкономика-домострой), в которой было много товаров и денег. Это обилие товаров и денег являлось причиной частых военных вторжений с целью ограбления этой православной империи со стороны католического Запада и исламского Востока.

С точки зрения периодизации по Г.А. Острогорскому, оздоровление, а затем и расцвет «византийского» домостроя охватывает IX — XI вв. — период стабильности развития, когда соблюдались его институциональные принципы, основанные на духовных трудах великих кападокийцев, а также Святителя Иоанна Златоуста. Для «византийского» домостроя это время стало наиболее успешным в противостоянии этически инородной хрематистике с ростовщичеством.

С XI в. начался печальный период идеологической трансформации христианизированной Римской империи. Полиэтническая православная империя постепенно превращалась в моноэтническое греческое царство. В сознании имперцев произошел глубинный сдвиг в сфере целеполагания: подвиг собирания народов в Небесную Веру был

подменен служением земным узко-корыстным «национальным интересам» — хреме (наживе, добываемой путем ростовщичества).

После окончательного падения Второго Рима в 1453 г. закончился период институционально-организованного противоборства домостроительных идей и сил ростовщически-паразитической антисистеме — хрематистике с ее «вирусом» — ростовщичеством. В дальнейшем великое служение православного домостроительства было по праву преемственности воспринято Московским царством — Третьим Римом. По сути наше российское европейство является византийским.

Ростовщичество как суть хрематистики, раковая опухоль на теле ойкономики-домостроя-экономики

На проблему *ростовщичества* как выдачу ссуды под разорительные проценты — главного инструмента хрематистики — ее противоестественный характер, обратил внимание еще Аристотель в IV в. до н. э. в своих знаменитых трудах «Никомахова этика», «Политика». С тех пор и в XXI в. актуальность проблемы ростовщичества только усиливается, поскольку оно является метаинститутом, составляющим суть хрематистики-финансономики, которая подменила собой ойкономику-домострой как общественно полезное хозяйство и разрушает ее как раковая опухоль. Благодаря фундаментальному труду В.Ю. Катасонова «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”» [4, 528 — 662], а также таким его трудам по хрематистике-финансономике, как, например, «Религия денег», «О проценте ссудном, безрассудном и подсудном» и др., предстает четкая модель познания ростовщичества как «вируса», поражающего живой хозяйственный организм, которым является экономика в контексте ойкономики-домостроя, а не хрематистики [11].

Модель познания ростовщичества, по В.Ю. Катасонову [4, 119 — 121, 111 — 115] (дополненная нами).

1. Негативная оценка ростовщичества.
 - 1.1 Оценка ростовщичества в Ветхом Завете.
 - 1.2. Оценка ростовщичества как сребролюбия в Новом Завете.
2. Церковь о ростовщичестве.
 - 2.1. Правила Вселенских соборов.
 - 2.2. Канонические нормы Церкви.
 - 2.3. Святые отцы о противоестественном характере ростовщичества.
3. Традиционные религии о ростовщичестве.
 - 3.1. Ростовщичество и двойные стандарты в иудаизме.
 - 3.2. Отношение к ростовщичеству в исламе.

- 3.3. Ростовщичество в католицизме, банк Ватикана.
- 3.4. Оправдание ростовщичество в протестантизме.
- 3.5. Официальная позиция РПЦ.
- 4. Современная «экономика» — хрематистика.
- 4.1. Легализация ростовщичество.
- 4.2. Потеря финансового суверенитета национальными экономиками.
- 4.3. Трансформация экономики — ойкономики в хрематистику-финансономику.
- 4.4. Ростовщичество и глобализация, формирование глобального класса финансовой олигархии.
- 4.5. Виртуализация, цифровизация денег, облачный рынок и возможный «финансовый концлагерь».

Между тем история ростовщичество весьма длительна. Можно эту историю изучать с Финикии, где появились первые деньги и кредиты (труды И.Р. Бугаяна). Главное — выяснить, что является причиной ростовщичество, породившего хрематистику. Причина в деньгах? — Нет. Причина в природе человека? — Да. Еще Аристотель отмечал неумную жадность денег, которая характерна для испорченной природы человека.

Так в главе 8 «Неправедные доходы» своей работы «Исповедь в России в XIV — XIX вв.» М.В. Корогодина перечисляет неправедные доходы как грехи, в которых православные люди Государства Российского каялись: содержание корчмы («шинкарство»), содержание публичного дома («прелюбоимание»), ростовщичество («лихоимание»), взятничество («мздоимание»), перепродажа краденого («чужеимание»), продажа людей («работорговля»), невыплата денег по найму («удержание мзды наемнику»), нежелание кормить и одевать челядь («объедание», «обношение»), «неправое собрание» («скверноприбытчество») и др. [5, 195 — 202].

М.В. Корогодина пишет, что «вопрос о ростовщичество проходит сквозной темой через все этапы формирования и развития исповедных опросников» [5, 197]. Она отмечает, что «за ростовщичество назначалась епитимья в размере года поста» [5, 197].

Отрицательную коннотацию ростовщичество определил известнейший Дж. М. Кейнс в своем знаменитом послании внукам. Он писал: *«Я предвижу, что мы будем иметь возможность вернуться к некоторым наиболее бесспорным и непреложным принципам религии и традиционной добродетели, утверждающим, что скупость — это порок, что ростовщичество недостойно человека... Мы вновь будем*

ценить цели выше средств и предпочитать добро пользе... (курсив мой. — Т.Ю.)» [14, 358 — 373].

Очевидно, что для обретения человеком и человечеством ойкономики — домострой-экономики как гармонического с точки зрения природы и души, а также этической системы общественно-полезного хозяйства со справедливыми ценами на всех уровнях экономики: нано-, микро-, мезо-, макро-, мега- и глобальном — нужна сложнейшая великая трансформация природы самого человека (каким образом?!), а также излечение от «вируса», раковой опухоли — ростовщичества — хозяйственного организма. Таковы наши идеи с механизмами. Кстати, сама правда как клеточка экономической системы, о мы писали неоднократно [12, 225], способна побороть ростовщичество.

Итак, экономика без ростовщичества — ойкономика — домострой и неodomострой — экономика — гармоническая этическая система жизнедеятельности человека и человечества, а «экономика» с ростовщичеством — хрематистика — финансовономика — паразитическая, разорительная тупиковая антисистема.

Информационная свобода?! Современная «экономика»-хрематистика

Теперь предстоит разобраться с самим понятием «экономика» в условиях «информационной свободы» XXI в. По-прежнему ли у этого понятия есть древнегреческие корни? — Нет. Еще в XVIII в., веке Просвещения, исчезают из экономической литературы древнегреческие понятия *ойкономика* — *домострой* — *экономика* и *хрематистика*, появляются слова и понятия «экономика» латинского происхождения и перевод с французского языка. Этот «новодел» — «экономика» — фактически означает хрематистику, если использовать аристотелевское научное понятие, поскольку исчезнувшие из употребления два его термина (*ойкономика* и *хрематистика*) открыли путь только к одному — латинского происхождения. И это одно понятие вобрало в себя не ойкономику, а хрематистику.

Об этом пишет К. Поланьи в своей знаменитой статье «Аристотель открывает экономику». Поланьи утверждает, что французская «секта» физиократов ввела в научный оборот понятие *économie* — *экономия*, что не имеет отношения к древнегреческому понятию *oikonomike*.

Ученый из Сиднея П. Груневеген [13, 1771] также решает эту терминологическую проблему, поскольку ученые должны разделять ойкономику-домострой-экономику и хрематистику как два разных пути развития хозяйства — экономики, как два учения. Сквозь призму

различия этих двух учений и двух путей развития экономики нужно и создавать фундаментальную экономическую науку, а не смешивать их «в одном флаконе».

П. Груневеген отмечает, что слово с корнем «эконом» — экономика — первоначально происходит от древнегреческого слова *oikos* — дом и *nomos* — закон, это сложное древнегреческое слово *oikonomike* в традиционном понимании позиционируется как домоводство. Однако, пишет далее П. Груневеген, латинский термин *oeconomia* имеет сходство с древнегреческим *oikonomike* и означает почти то же самое, а именно: управление домашними делами и управление в широком смысле слова. Но в нем нет различия между двумя путями развития хозяйства, между ойкономиком (-э) — домостроем как общественно-полезным хозяйством и хрематистикой как паразитической ростовщической тупиковой антисистемой, все слито «в один флакон». Более того, П. Груневеген вслед за К. Поланьи выводит французский термин *oeconomia*, или *économie*, позиционируя расширенное латинское значение [3, 680 — 681]. Известно, что более 400 лет назад, в 1615 г., французский экономист А. де Монкретьен ввел в научный оборот понятие политической экономии — *politique économie*, что означает государственное управление, или руководство государственными делами. Однако древнегреческое понятие *oikonomike* — ойкономика (русская калька — домострой) применяется как на микро-, так и на макроуровне, что отражено еще в XVIII в. в работах В.Н. Татищева, который осуществил так называемый «домостроительный синтез» [12, 232 — 233] — это научное открытие сделал Д.Н. Платонов.

Итак, прежде чем создавать новую фундаментальную экономическую науку, надо определиться, что мы под экономикой понимаем, т. е. вначале отделить «мух от котлет». В смешанном, хрематистическом, варианте результатом будет фундаментальная хрематистическая наука, которая заводит реальную экономику в тупик. Мы не получим гармонической хозяйственной системы со справедливыми ценами, как это было в течение более чем тысячелетней хозяйственной цивилизации Римской Империи (условно — Византии). Исторический опыт домостроительства двух цивилизаций, так называемых византийской и российской, дает нам реальные модели ойкономики, которые, естественно, должны соответствовать современным реалиям (мы придерживаемся принципа: назад в будущее).

Философия хозяйства (ФХ): конституирующие основы фундаментальной экономической науки. Стоимость

Если древнегреческий мыслитель, провидец, ученый-энциклопедист Аристотель (именно он, а не Ксенофонт, вперые

введший в научный оборот понятие *ойкономика*), который по-прежнему стоит у начал фундаментальной экономической науки, считал ее краеугольными камнями, во-первых, само ее учение об ойкономике как выборе из двух вышеназванных учений и путей, во-вторых, справедливые цены, которые реально были представлены позже, прежде всего в ойкономике — домострое — экономике христианизированной Римской империи, — то как эти проблемы решает современная философия хозяйства? Ведь и Аристотеля можно тоже назвать философом хозяйства.

Если первый экономист в мире, самоучка-предприниматель, просвещенный отечественным «Домостроем», книгами Священного Писания и Священного Предания, Иван Тихонович Посошков, стоящий у начал фундаментальной отечественной экономической науки, считал ее краеугольными камнями, то что тогда такое правда для философии хозяйства? Ведь и И.Т. Посошкова тоже можно назвать философом хозяйства.

Какова эволюция философии хозяйства от С.Н. Булгакова, написавшего специальный труд «Философия хозяйства», до научной школы философии хозяйства Ю.М. Осипова с точки зрения ее краеугольных камней, в частности, посошковской правды как невестественного богатства и противопоставления ойкономики и хрематистики?

Заслугами учения философии хозяйства С.Н. Булгакова являются следующие его конституирующие начала:

- создание уникального отечественного беспрецедентного экономического и более того, мировоззренческого, учения философии хозяйства — науки философии хозяйства;
- позиционирование ойкономики — экономики как живого хозяйственного организма, который подвержен смерти, системы жизнедеятельности человека и человечества с хозяином, а не механизма;
- определение предмета философии хозяйства как мирь-хозяйства;
- использование научно-философско-религиозного, метафизического, воспроизводственного методов анализа;
- создание оригинальной системы понятий науки философии хозяйства;
- целостный анализ труда;
- введение категории трансцендентности, определение человечества как «трансцендентального субъекта хозяйства [2, 257];

- определение человека как микрокосм и макрокосм, выход в ноосферу В.И. Вернадского и даже отчасти — в пневмосферу П.А. Флоренского;

- отрицание мамонизма, хрематистики.

За более, чем четвертьвековую историю ренессанса ФХ в России можно выделить самые значимые, на наш взгляд, *открытия и достижения Ю.М. Осипова и его научной школы ФХ*:

- основание отечественной беспрецедентной в мире (возможно, за исключением Китая с его конфуцианством) уникальной оригинальной и весьма актуальной научной экономической школы философии хозяйства, Академии философии хозяйства, журнала «Философия хозяйства», лаборатории ФХ на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова;

- позиционирование *экономики как стоимости*, оригинальное неоднозначное авторское ее определение Ю.М. Осиповым;

- опережающее официальную науку философско-хозяйственное осмысление, выделение и раскрытие трендов — тенденций развития современного общества и экономики: глобализации, регионализации, инноватизации, технологизации, финансовизации, информатизации, виртуализации, сетеизации, цифровизации с ее облаком;

- написание уникального учебника в трех частях «Теория хозяйства» и многих учебных пособий по философии хозяйства, работа над энциклопедией ФХ;

- прогнозирование финансово-экономического кризиса 2007 — 2009 гг. (М.Л. Хазин), введение в научный оборот понятия апокалиптического кризиса (Ю.М. Осипов);

- неоднократная интеллектуальная поддержка Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ в решении важных государственных социально — экономических проблем в контексте «Россия сосредоточивается», предложение им идей и механизмов их осуществления;

- многократная интеллектуальная философско-хозяйственная поддержка регионов России (Санкт-Петербург, Тамбов, Ростов-на-Дону, Волжский, Волгоград, Екатеринбург, Киров, Кисловодск, Кострома, Новороссийск, Туапсе («Орленок»), Тула, Иваново и др.) некоторых стран СНГ и зарубежных стран (Белоруссии, Казахстана, Китая, Польши, Сербии, Черногории, Украины, Франции) в проведении международных и всероссийских научных и научно-практических конференций, семинаров, симпозиумов;

- расширение теоретико-методологической базы современного экономического знания: создание системы новых философско-хозяйственных понятий;

- главное (!!!) — формирование у соотечественников и не только у них философско-хозяйственного мышления.

Особо следует отметить развитие учения о домостроительстве как на микро-, так и макроуровне в рамках научной школы философии хозяйства Ю.М. Осипова. Попытка целостного анализа домостроительства на этих двух уровнях осуществлена нами в докторской диссертации и монографиях [12, 110 — 191, 340 — 356]. Свой вклад в концепцию современного домоустройства внес С.Ю. Синельников своей статьей «Домоустройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт)» [9, 285 — 289].

Действительно, во все времена и у всех народов, породивших или принявших ту или иную философию хозяйства, она является ядром взаимосвязанных между собою экономической мысли и науки, экономической политики и хозяйственной практики. Отечественная научная школа философии хозяйства Ю.М. Осипова является флагманом современной отечественной экономической мысли и науки.

Несколько слов о геотрионе как единстве (3D) и взаимосвязи населения, хозяйства и территории

Докторскую диссертацию по экономике на эту тему в 1993 г. защитил Н.Д. Матрусов. Есть и зарубежные исследователи, использующие понятие геотриона.

Геотрион — это единство, целостность населения, экономики (в аристотелевском, а не в смитианском и т. д. понимании), территории как хозяйственного пространства. Его также необходимо считать конституирующим началом фундаментальной экономической науки. Действительно, хозяйство — экономика в целостности предстает только в геотрионе, будучи связанной и с населением, рост которого по сути является истинной целью социально-экономического развития страны, вмененного Софией, а также с самим хозяйственным пространством — территорией.

Любой геотрион обладает одинаковой структурой, поскольку каждый из них имеет три главных элемента: природу в контексте территории, хозяйство — экономику, население. Все три элемента неодинаковы по величине относительно различных стран, различаются своими параметрами. Они взаимодействуют в рамках определенного хозяйственного пространства. Геотрион позиционируется как структурно — пространственная и функциональная графическая модель фактиче-

ски каждой экономически освоенной человеком территории. Геотрион строится для каждой хозяйствующей страны с одинаковой вышеназванной структурой, но с различными параметрами трех составляющих его частей

Таким образом, раздвигая границы современного экономического знания с точки зрения концепции геотриона, новая фундаментальная экономическая наука получает целостное философско-хозяйственное представление об экономике, взаимосвязанной и с природой (в том числе с экологией), и с народонаселением.

Выводы

Прежде всего следует сделать выбор между ойкономикой и хрематистикой как конституирующими системами (термин введен нами еще в 2006 г.). Сквозь призму этих начал уже можно создавать конституирующие основы фундаментальной экономической науки, а не на их микшировании. Во-первых, необходимо позиционировать как можно более широко исторический ойкономическо-домостроительный-экономический, а не хрематистический хозяйственный опыт двух Римов: Второго Рима и Третьего Рима, чтобы история не наказывала нас правдой. Во-вторых, в этом случае для деконструкции хрематистики-финансономики можно воспользоваться многочисленными трудами В.Ю. Катасонова. В-третьих, как известно, после деконструкции нужна конструкция; в этом случае уже есть философия хозяйства (Ю.М. Осипов и его научная школа философии хозяйства), новый домострой (Т.Н. Юдина, С.Ю. Синельников) и концепция геотриона Н.Д. Матрусова. В-четвертых, необходимо включать в новую экономическую конструкцию адекватные ей принципы, институты, отношения, инструменты, механизмы, новую теоретико-методологическую базу. Они открываются благодаря предложенным автором методам исследования: целостности, стратегирования, синергии, триалектики, геотриона, а также философско-хозяйственному воспроизводственному, институционально-эволюционному способу научного познания мир-хозяйства. Это позволит приблизиться к представлению и получению аристотелевской справедливой цены, стоимости в философско-хозяйственном смысле, как у Ю.М. Осипова, и в целом осмыслению, познанию и созданию гармонической системы жизнедеятельности человека и человечества и деконструкции тупиковой паразитической ростовщической хрематистической — финансово-экономической — антисистемы.

Литература

1. *Аристотель*. Политика / Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. (Социологическое наследие).
3. *Груневеген П.* «Политическая экономия» и «Экономическая наука» // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Миллгрейта, П. Ньюмена. Пер. с англ. Науч. ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2004.
4. *Катасонов В.Ю.* Капитализм и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2015.
5. *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV — XIX вв.: Исследование и тексты. СПб.: «Дмитрий Булавин», 2006.
6. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в трех томах. Т. 1 — 3. М.: Изд-во МГУ, 1995 — 1998.
7. *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. Пер. с нем.: М.В. Грацианский. Ред. П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011.
8. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и комм. д.и.н., проф. Б.Б. Кафенгауза. Репринтное воспроизведение 1951 г. СПб.: Наука, 2004.
9. *Синельников С.Ю.* Домоупроение в рамках семейного хозяйства (современный опыт) // Философия хозяйства. 2014. № 3.
10. *Шестаковъ С.[П.]*. Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра // Византійскій временникъ. СПб., 1901. Т. 8. Вып. 1 — 2.
11. *Юдина Т.Н.* Экономика-Домострой-Ойкономика-Нехрематистика (в контексте поиска национальной модели хозяйства России 862—1917 гг.). М.: ТЕИС, 2008.
12. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М.: ТЕИС, 2015.
13. *Keynes J.M.* Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N. Y.: W.W. Norton&Co., 1963.
14. *Groenewegen P.* Reflections on Political Economy / P. Groenewegen (ed.). Reprints of Economic Classics. Ser. 2. No. 4. Sydney, 1986.
15. URL: http://www.itv.ru/news/2016/05/25/302829-o_neobhodimosti_strukturnyh_reform_shla_rech_na_zasedanii_prezidiuma_ekonomicheskogo_soveta_pri_prezidente_rossii.

References

1. *Aristotel. Politika/ Sochinenija: V 4 t. T.4. M.: Mysl, 1983.*
2. *Bulgakov S.N. Filosofija hozjajstva. M.: Nauka, 1990. (Sociologicheskoe nasledie).*
3. *Grunevegen P. «Politicheskaja jekonomija» i «Jekonomicheskaja nauka»//Jekonomicheskaja teorija / Pod red. Dzh. Itujella, M. Milgrejta, P. Njumena. Per. s angl., nauch. red. chl.-korr. RAN V.S. Avtonomova. M.: INFRA-M, 2004.*
4. *Katasonov V.Ju. Kapitalizm i ideologija «denezhnoj civilizacii». M.: Institut russoj civilizacii, 2015.*
5. *Korogodina M.V. Ispoved v Rossii v XIV — XIX vv.: Issledovanie i teksty. SPb.: «Dmitrij Bulavin», 2006.*
6. *Osipov Ju.M. Teorija hozjajstva. Uchebnik v treh tomah. T. 1 — 3. M.: Izd-vo MGU, 1995-1998.*
7. *Ostrogorskij G.A. Istorija Vizantijskogo gosudarstva/Per. s nem.: M.V. Gracianskij; red.: P.V. Kuzenkov. M.: Sibirskaja Blagozvonnica, 2011.*
8. *Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochinenija./Red. i komm. d.i.n., prof. B.B. Kafengauza. Reprintnoe vosproizvedenie 1951 g. SPB.: Nauka, 2004.*
9. *Sinelnikov S.Yu. House-bilding within Family Economy (Modern Experience) // Philosophy of Economy. 2014. № 3.*
10. *Shestakov S.[P.]. Vizantijskij tip Domostroja i cherty shodstva ego s Domostroem Sil'vestra // Vizantijskij vremennik. SPb 1901. T. 8. Vyp.1 — 2.*
11. *Iudina T.N. Ekonomika- Domostroy- Oikonomika- Nechrematistika (v kontekste poiska nacional'noj modeli hozjajstva Rossii 862—1917 gg.). M.: TEIS, 2008.*
12. *Iudina T.N. The Neo-Domostroy. Constituent universal prospective economic system of Russia. Monograph. M.: TEIS, 2015.*

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

И.В. ПШЕНИЦЫН

Понятие цикла экономики

Аннотация. Статья рассматривает циклическое по своей природе развитие инновационной рыночной экономики.

Ключевые слова: промышленный цикл, кризис перепроизводства, субстанция стоимости, капитал, прибавочная стоимость, общественный капитал, стоимость рабочей силы, заработная плата, прибыль, занятость, безработица, депрессия.

Abstract. An article covers development of innovative market economy, which has cyclic nature.

Key words: economic cycle, crisis of overproduction, value substance, capital, social capital, value of labor power, wages, profit, employment, unemployment, depression.

Объектом нашего исследования является промышленный цикл, включающий в качестве *центральной фазы* кризис перепроизводства. Для понимания цикла важно выделить изучаемый объект, хотя обычно этого не делают, так как рассматривают колебательные процессы, где цикл не отличается от волны. Эти колебания классифицируют по продолжительности. Когда же выясняется, что цикл включает сравнительно короткую фазу кризиса, теорию колебаний дополняют классификацией кризисов.

В результате промышленный цикл с кризисом перепроизводства утратил особое значение, свою уникальность для развитой экономики, а непонимание ее циклической природы прикрывается суждениями о неравномерности любого развития.

Неспособность выделить промышленный цикл как объект исследования связана с невозможностью согласования постулатов современной экономической теории и кризиса перепроизводства как закономерной фазы развития экономики. Сам факт перепроизводства товаров опровергает представление о предназначении производства для удовлетворения потребностей. Постулат о самовозрастании безграничных потребностей, которые в силу ограниченности ресурсов не может удовлетворить производство, отрицается фактом всеобщего перепроизводства. Концепция равновесия экономики или равномерного экономического роста не выдерживает критики, если кризис пере-

производства является не случайным преходящим событием, разделяющим равновесные состояния, а центральной фазой развития инновационной экономики, так что прочие фазы лишь подготавливают его, создают в экономике напряжение, увеличивают потенциал будущего кризиса, поэтому оттягивание кризиса усугубляет его последствия. Кроме того, кризисы перепроизводства прямо противоречат концепции выбора субъектов экономики и методологическому индивидуализму.

Чтобы изучение промышленного цикла не свелось к его описанию, чтобы сформировалось понятие цикла, исследуем внутренние естественные процессы в экономике, протекающие на субстанциальном уровне. Бесформенную субстанцию стоимости как затраты рабочей силы при производстве товаров, открыл К. Маркс. До него стоимость не анализировали отдельно от форм проявления, поэтому и не выделяли ее субстанцию. Поскольку индустриальное производство массовое и основано на общественном разделении труда, стоимость товара является *макроэкономической* характеристикой, в отличие от ценности, причем около 70% затрат рабочей силы при производстве любого товара осуществляется в базовых отраслях промышленности. В силу общественного разделения труда, затраты общественной рабочей силы в единице продукции определяются отношением общих затрат к количеству произведенной продукции. Общие затраты пропорциональны интенсивности труда и общественному рабочему времени, а количество продукции определяется производительностью и временем выпуска продукции. Производительность зависит от технологии, квалификации работников, природных факторов, качества управления и т. д. Она увеличивается с развитием капиталистического производства, основанного на общественном разделении труда, и определяет величину стоимости товара. Однако *субстанцией* стоимости являются только затраты рабочей силы.

Из анализа величины стоимости товара видно, что стоимость как форма развития общественного разделения труда является *макроэкономической* характеристикой, и ее не следует понимать как ценность, которая является *микроэкономической* характеристикой, имеет иную природу, обусловленную мотивами субъектов ценообразования. Открытие Марксом двойственной природы товара и субстанции стоимости позволяет разграничить природу стоимости как макроэкономическую форму развития общественного разделения труда и микроэкономическую природу цены как денежной формы стоимости. Субстанциальные макроэкономические процессы и оценочные микроэкономические процессы в силу различия их природы относительно независи-

мы и объективно расходятся, что проявляется в циклическом характере развития экономики, где кризисы перепроизводства восстанавливаются, казалось бы, утрачиваемую между ними взаимосвязь.

Обособленность субстанциальных экономических процессов приводит к иному пониманию природы капитала как метаморфоза бесформенной субстанции стоимости. Капитал — это не только имущество или объект собственности, не только естественно-исторические производственные отношения эксплуатации, капитал по существу есть самостоятельное самодостаточное движение субстанции стоимости. Открытая К. Марксом фигура кругооборота индивидуального капитала $D—T…P…T'—D'$, объединяющая три стадии движения и три формы капитала: денежную D , производительную P и товарную T , является *символом* или наглядным выражением этого принципиально нового понимания капитала. В процессе кругооборота каждый индивидуальный капитал последовательно проходит три стадии. На стадии авансирования приобретаются средства производства и нанимается рабочая сила. В течение следующей стадии производятся товары, часть стоимости которых составляет прибавочная стоимость. Затем возросший по стоимости товарный капитал реализуется, создавая условия продолжения своего движения. Таким образом, капитал является самодостаточным движением *субстанции* стоимости.

Благодаря выделению субстанции стоимости Маркс открыл прибавочную стоимость, показав ее принципиальное отличие от разнообразных видов денежного дохода. Вся существующая критика теории Маркса основана на игнорировании субстанциальной природы прибавочной стоимости, на рассмотрении ее как разности денежных сумм. Между тем прибавочная стоимость у Маркса обусловлена особенностью функционирования рабочей силы, а именно, относительной независимостью процесса ее расходования при производстве товаров от процесса воспроизводства рабочей силы при потреблении товаров и услуг.

Анализ этих процессов показывает их расхождение с увеличением рабочего дня, поскольку прирост создаваемой стоимости уменьшается в силу усталости работника, а прирост стоимости товаров и услуг, необходимых для воспроизводства расходуемой рабочей силы, растет с накоплением усталости. Графическое отображение этих процессов на рисунке иллюстрирует неизбежность прибавочной стоимости (рис. 1). В процессе индустриализации прибавочная стоимость увеличивалась за счет увеличения рабочего дня и уменьшения стоимости рабочей силы. В результате в развитой экономике каждый рабочий производит максимально возможную прибавочную стоимость, которая

является частью стоимости товарного капитала, поставляемого на рынок для реализации.

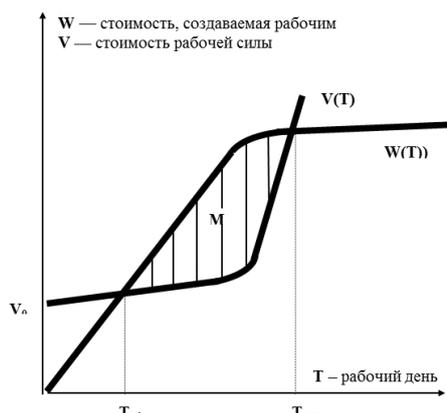

Рис. 1. Производство прибавочной стоимости

Для понимания циклического развития экономики важен метод добавочной прибавочной стоимости. Этот метод относят к относительной прибавочной стоимости, что создает непреодолимые трудности в понимании механизма промышленного цикла и кризиса перепроизводства. Дело в том, что добавочная прибавочная стоимость возникает не от уменьшения стоимости рабочей силы как относительная прибавочная стоимость, а из-за перераспределения стоимости на рынке. Ее присваивает предприниматель, который, увеличивая производительность, уменьшает индивидуальную стоимость продукции ниже рыночной. При этом рабочие его предприятия производят прибавочную стоимость так же, как и на любом другом предприятии, поскольку в рыночной экономике интенсивность труда, продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы выравниваются. Однако рынок, на котором все реализуют товары по единой цене, перераспределяет производимую стоимость пропорционально производительности. При этом возникает видимость, что рост производительности создает стоимость, поскольку увеличившееся количество товара в единицу времени умножают на единую рыночную цену. Такой подсчет порождает иллюзию создания стоимости факторами, увеличившими производительность.

Если предприниматель использует новые, более производительные средства производства, что уменьшает индивидуальную стои-

мость его товара, он получает после его реализации по рыночной стоимости чистую прибыль и считает, что она произведена его новым капиталом. Если производительность возрастает за счет плодородия земли, то есть основание утверждать, что земля создает ренту. Если предприниматель уменьшил индивидуальную стоимость продукции за счет организации производства, то создается впечатление, что его организаторский талант создал предпринимательский доход. Так капиталистический рынок порождает иллюзию создания доходов факторами, определяющими производительность.

Прибавочная стоимость, как и стоимость, является макроэкономической характеристикой, поскольку только совокупность индивидуальных капиталов, образующая *общественный* капитал, воспроизводит рабочую силу, определяет величину ее стоимости, чем создает условия для производства каждым рабочим максимальной прибавочной стоимости.

Проанализируем определение общественным капиталом количества занятого населения, или величину занятости (рис. 2). Создаваемую стоимость обозначим W , а общее количество занятых работников N . Если бы все работники были рабочими, то график производимой стоимости с ростом занятости представлял бы прямую.

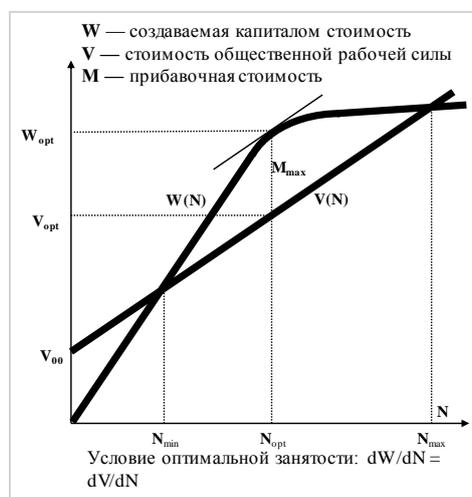

Рис. 2. Структура общественного капитала при различной занятости

Однако для нормального функционирования капиталистической экономики, создаваемой общественным разделением труда, необходи-

ма деятельность, не создающая субстанцию стоимости, что приводит к кривизне линии $W(N)$. Прямая $V(N)$ показывает изменение стоимости общественной рабочей силы с ростом занятости. Аналогично функции стоимости рабочей силы от величины рабочего дня $V(T)$, линия $V(N)$ начинается от некоторой *гипотетической* величины, определяемой затратами, необходимыми для воспроизводства общественной рабочей силы в неработающем состоянии. С увеличением занятости функция $V(N)$ будет возрастать, и это увеличение не зависит от того, создает нанимаемый работник материальное богатство и стоимость или только необходимые условия их создания. Поскольку интенсивность труда в экономике неизменна, для восстановления рабочей силы любого работника необходимы такие же общественные затраты.

Линии $W(N)$ и $V(N)$ имеют две гипотетические точки пересечения. При любой занятости в интервале между ними общественная рабочая сила воспроизводится. Занятость, при которой прибавочная стоимость максимальна, является *оптимальной*, а соответствующий ей уровень безработицы — *естественным*, так как он определяется не трудовыми соглашениями работников и работодателей, а природой общественного капитала. *Относительно этого состояния максимальной эффективности рыночной экономики происходят ее циклические колебания.*

Рассмотрим механизм естественного неравновесия капиталистической экономики.

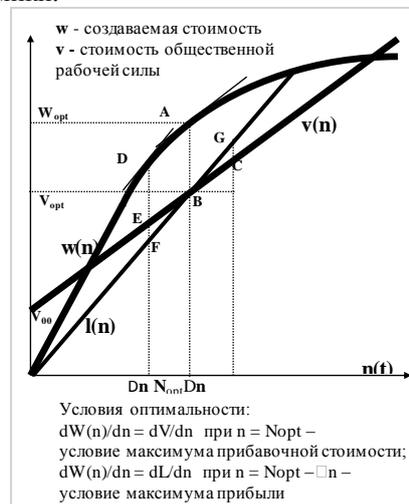

Рис. 3. Изменение органического строения капитала

Здесь показаны функции создаваемой стоимости и стоимости общественной рабочей силы от изменения занятости. Максимальная прибавочная стоимость производится общественным капиталом при оптимальной занятости. Стоимость рабочей силы имеет форму платы за труд, и выплачивается работающей части населения. Именно в виде заработной платы учитывают стоимость рабочей силы предприниматели. Если вместо стоимости рабочей силы $v(n)$ рассматривать оплату труда $l(n)$, то условия максимума изменятся. Как показано на рис. 3, разность между $w(n)$ и $l(n)$ максимальна при занятости меньше оптимальной на Δn . Эта занятость соответствует первому постулату классической теории занятости, определяющему спрос предпринимателей на труд. *Заработная плата как форма стоимости рабочей силы принуждает предпринимателей к уменьшению занятости ниже оптимальной, чтобы увеличить прибыль.* Производимая прибавочная стоимость, а значит, и эффективность экономики уменьшаются, но капиталисты присваивают максимальную прибыль, которая накапливается. При этом воспроизводство общественной рабочей силы не осуществляется в полной мере, имеет место недостаток спроса и недопотребление, так как заработная плата меньше стоимости рабочей силы.

Состояние с максимальной прибылью неустойчиво. Поскольку прибавочную стоимость создает экономически целесообразное расходование рабочей силы, то максимальная прибыль является *следствием* нормального воспроизводства рабочей силы. Обусловленность максимальной прибыли воспроизводством рабочей силы приводит к невозможности сохранения высокой эффективности при *длительном* пребывании экономики в состоянии с занятостью меньше оптимальной, которое, в таком случае, становится *депрессивным* состоянием. Если занятость ниже оптимальной сохраняется *длительное* время, то безработица является *вынужденной*, поскольку рабочая сила не воспроизводится, имеет место недостаток спроса и потребления, и экономика находится в состоянии депрессии. Если же рабочая сила воспроизводится, то безработицу следует признать добровольной, а кратковременная фаза цикла с занятостью ниже оптимальной не является *состоянием* депрессии. Неравновесие состояния максимальной прибыльности вызвано также тем, что создаваемая стоимость превышает ее совокупное потребление, в результате чего масса общественного капитала растет. Происходит перенакопление, и единственной возможностью получения нормальной прибыли для накапливающегося капитала является его инвестирование, увеличение занятости и производства прибавочной стоимости.

Таким образом, состояние экономики с максимальной прибылью противоречиво, так как при сохранении такой занятости возникает недовоспроизводство рабочей силы, уменьшающее производство прибавочной стоимости, а сбережение присваиваемой прибыли невозможно без *новых* инвестиций, увеличивающих занятость. Кроме того, решающим фактором нестабильности является стремление предпринимателей к добавочной прибыли, которую приносят инновации. При осуществлении инноваций предприниматели ориентируются на увеличение производительности. В результате, накопление прибавочной стоимости в экономике приводит к росту занятости, созданию капиталов, включая эффективные капиталы, обладающие производительностью выше средней, или *чистой производительностью*.

Первоначальные инвестиции в силу мультипликативного эффекта увеличивают общую занятость. С нарастающим увеличением занятости экономика подходит к оптимальному состоянию, где ее эффективность максимальна, производится максимальная прибавочная стоимость при минимальной стоимости труда. Создаваемая совокупная стоимость превышает потребляемую стоимость на максимальную величину, но теперь при равенстве стоимости рабочей силы заработной плате. Тем не менее причины, вызвавшие рост занятости, продолжают действовать как в силу мультипликативного эффекта, так и в силу еще сохраняющегося недовоспроизводства рабочей силы. Только с превышением оптимальной занятости заработная плата становится больше стоимости рабочей силы и происходит компенсация недопотребления. В соответствии с законом воспроизводства рабочей силы, увеличение занятости должно продолжаться до тех пор, пока средняя величина потребляемой стоимости не будет равна стоимости рабочей силы. Если и после этого занятость будет расти, то есть основание для оценки всей безработицы как *добровольной*.

Рост занятости при добровольной безработице вызовет резкое действие общественного капитала, восстанавливающее его внутреннее строение и самодвижение стоимости. Этот кризис восстанавливает эффективность капиталистической экономики.

Рассмотрим механизм кризиса перепроизводства. Капиталистический рынок поддерживает относительную стабильность цен до кризиса. Если развитие идет за счет роста производительности, кривая совокупного предложения товаров $z(n)$ будет отличаться от кривой создаваемой стоимости $w(n)$. Поскольку стоимость товаров измеряют произведением *рыночной* цены на количество товара, у капиталов, увеличивших производительность, образуется *чистый продукт*, составляющий часть совокупного предложения. В результате, при ста-

бильности цен кривая создаваемой стоимости $w(n)$ будет представлена на капиталистическом рынке кривой совокупного предложения $z(n)$. Поэтому из-за роста общественной производительности труда $z(n)$ будет превышать $w(n)$ на величину чистого продукта (рис. 4).

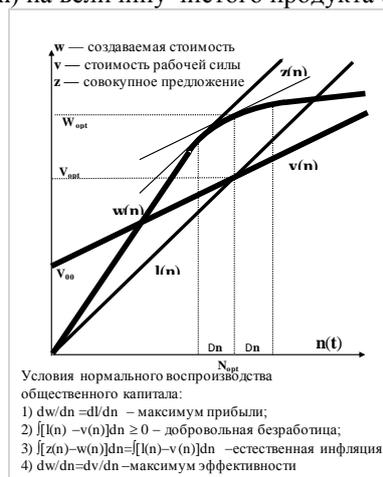

Рис. 4. Циклическое воспроизводство общественного капитала

Когда рост занятости связан с ростом производительности, совокупное предложение $z(n)$ в относительно стабильных рыночных ценах растет быстрее, чем создаваемая стоимость $w(n)$, поскольку новые капиталы, обладающие производительностью выше средней, увеличивают чистый продукт, предложение товаров на рынке и запас. С ростом занятости растут совокупная заработная плата, потребительский спрос и общественное потребление. Когда занятость превысит оптимальную на величину Δn , прирост заработной платы перестает потребляться и становится формой накопления. Общее превышение средней заработной платы над стоимостью рабочей силы является основанием роста инфляции.

В целом экономическое положение выглядит прекрасно: растут производительность и совокупное предложение *реальных* качественных товаров, увеличиваются национальный доход, занятость и общее благосостояние, т. е. растет и общественный потребительский спрос. Рост средней заработной платы создает еще более благоприятные условия для замещения дорожающей рабочей силы, т. е. для осуществления инноваций, увеличивающих производительность.

Ничто, казалось бы, не мешает росту экономики. Более того, он кажется еще реальней, если предложение кредитных денег возрастает и создает видимость роста ожидаемой прибыли. Кажется, что, несколько проигрывая в инфляции, мы достигаем «полной занятости» и непрерывного экономического роста. Однако до этого гипотетического состояния наступает оздоравливающий экономику кризис перепроизводства, вызванный падением эффективности, уменьшением производимой общественным капиталом прибавочной стоимости, нарушением его внутреннего строения и затруднением самодвижения стоимости.

Основанием кризиса является прекращение производства аутсайдерами стоимости, распределяемой капиталистическим рынком в виде дополнительной прибыли или квазиаренды. Это связано с затруднениями при получении краткосрочных кредитов, потребность в которых возникает с увеличением времени оборота из-за роста чистого продукта и запасов. Увеличение спроса по краткосрочным кредитам и рост общественных издержек обращения, связанных с деньгами, приводят к изменению распределения прибавочной стоимости. Все большая ее часть будет присваиваться не как дополнительная прибыль лидерами промышленного капитала, а как процент по банковским кредитам, увеличивая доходы банковского капитала. Когда рост текущих издержек капиталов-аутсайдеров достигает рыночной цены, промышленные лидеры капиталистического рынка могут ее увеличивать и отодвигать кризис. Но рост рыночных цен имеет предел, поскольку банки будут увеличивать норму процента по краткосрочным кредитам, что позволит им, а не промышленным капиталистам присваивать добавочную прибавочную стоимость. В такой ситуации лидеры капиталистического рынка не смогут увеличивать цены, поскольку это уменьшит их прибыль. Не выдержав конкуренции, капиталы-аутсайдеры будут вынуждены закрыть производство, что приведет к резкому падению поставляемой на рынок для перераспределения производимой ими прибавочной стоимости. Кризис перепроизводства освобождает рынок от аутсайдеров, оставляя наиболее эффективные капиталы без добавочной прибавочной стоимости и ожидаемой чистой прибыли. Кризис освобождает экономику от неэффективных капиталов и возвращает в состояние, определяемое первым постулатом занятости, где прибыль максимальна. Так завершается процесс замещения неэффективных капиталов, в котором прямой замены не происходит, капиталы длительное время конкурируют на капиталистическом рынке, на практике определяя свою эффективность.

Важнейшим условием нормального развития инновационной экономики является создание новых высокоэффективных капиталов, обеспечивающих прирост производительности и производство максимальной прибавочной стоимости в экономике. Для создания новых капиталов в условиях периодических кризисов перепроизводства важным моментом является уверенность инвесторов в прохождении их капиталами общего оборота, по истечении которого первоначальные авансы возвращаются и начинает поступать *чистая прибыль*. Если бы увеличение предложения продукции, вызванное созданием более производительных капиталов, так сказывалось на рыночной цене, что она падала бы с ростом производительности, как это происходит с индивидуальной стоимостью товара, то это приводило бы к перераспределению добавочной прибыли к торговым капиталам, приобретающим продукцию с целью продажи. В такой ситуации, если новатор и будет получать добавочную прибыль с капиталистического рынка, то далеко не всю. Это увеличит время, необходимое для прохождения новым капиталом общего оборота, из-за чего кризис перепроизводства разорит не только не эффективных собственников, но и инвесторов предпринимателей-новаторов. С общественной точки зрения разорение инвесторов высокоэффективных капиталов приведет к перераспределению собственности, а не к уничтожению самих капиталов, которые будут приносить новым собственникам чистый доход, однако угроза потери собственности при нововведениях сделает инвесторов осторожными, уменьшит побуждение к инвестированию, что создаст объективное основание для депрессии. Кроме того, в условиях падающих цен не растет денежная заработная плата, становится затруднительным экономически обоснованное замещение рабочей силы новыми технологиями. Поэтому цены, адекватные стоимостям товаров, уменьшающимся с ростом производительности, препятствуют инновациям и росту экономики. Возможность инноваций предполагает осуществление быстрого общего оборота капитала новатора. Возврат к денежной системе золотого стандарта ведет к сокращению новых инвестиций, к депрессии и вынужденной безработице. Кредитные деньги, освобожденные от золотого стандарта, соответствуют природе общественного капитала как самостоятельно движущейся стоимости. Это изменяет экономический цикл, исключает возможность Великой депрессии, но создает основание для стагнации.

В начале XXI в. экономический цикл подвергся еще одному серьезному испытанию. Оно связано с отменой поправки, запрещавшей сберегательным банкам США заниматься спекулятивной предпринимательской деятельностью. Поправка эта была принята в период Вели-

кой депрессии и разграничивала движение денег на денежном рынке от движения денежного капитала в инвестиционном процессе, что соответствует структуре общественного капитала. Однако в соответствии с господствующим в экономической науке США монетаристским вариантом количественной теории денег различий между деньгами как капиталом и деньгами как таковыми нет, поскольку прибавочная стоимость отрицается, а капитал рассматривается как совокупность денежных активов. Проведенная с целью диверсификации деятельности коммерческих банков отмена запрета на их спекулятивную деятельность привела к серьезному нарушению механизма экономического цикла. Это обусловило тяжесть финансово-экономического кризиса и последующие проблемы восстановления нормального циклического развития мировой экономики.

А.А. АКИНИН, А.А. ШЕВЕЛЕВ

**Политэкономика евразийской цивилизации:
уникальный дискурс и пространство сотрудничества**

Аннотация. В статье рассматривается формирующийся и во многом уникальный дискурс евразийской политэкономики с ее новым понятийным аппаратом и нетривиальными теоретико-экономическими подходами. Ставится вопрос (и обосновывается ответ) о возможности построения евразийской политэкономики, противоречиво сочетающей формационные универсалии и культурно-самобытные аспекты локальной цивилизации. Приветствуется возвращение в политэкономии анализа форм сотрудничества в производстве, «интерактивной хозяйственной геноформы», вытесненной конкурентно-рыночной аналитикой, существенно обедняющей возможности и перспективы развития политэкономики.

Ключевые слова: интегральная система междисциплинарного знания, эндогенный потенциал культуры, формационный редуционизм, новый образ экономической теории, экономика сотрудничества.

Abstract. The article deals with emerging and largely unique Eurasian discourse of political economy, with its new conceptual apparatus and a non-trivial theoretical economic approaches. The question (and the answer is justified) about the possibility of building a Eurasian political economy, combining contradictory formational universals and cultural aspects of the

distinctive local civilization. Welcomes the return to political economy analysis of the forms of cooperation in production, «an interactive business genoformy» displaced competitive market analysts, the stripping significantly the possibilities and prospects of development of political economy.

Key words: integrated system of interdisciplinary knowledge, the endogenous potential of culture, formational reductionism, a new way of economic theory, economy cooperation.

Возникновение новых политико-экономических концепций ставит перед учеными ряд нетривиальных теоретико-методологических проблем, отнюдь не сводимых к привычным и тематически стереотипным дискуссиям. Большую часть дискуссий поглощает с недавних пор ставшая самодовлеющей макроэкономическая аналитика, столь популярная и политически востребованная в условиях затянувшегося в России кризиса, множащая прогнозы и рекомендации, чаще всего далекие от реалий кризисного хозяйствования и планирования, но создающая иллюзию управляемости процесса. Хотя как можно управлять стагфляцией, в «ловушку» которой попала российская экономика? Правительство и Банк России, по сути, проводят прокризисную политику, создался искусственный дефицит денег в экономике, доведя до абсурдно низкого уровня норму монетизации, поддерживая запрительно высокий для бизнеса уровень процентных ставок. Очевидное «достижение» — превращение России в «рай» для финансовых спекулянтов. В этой связи начавшаяся (2015 — 2016) на страницах журнала «Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал» дискуссия идет гораздо дальше и по иному пути в обсуждении вопросов, которые носят во многом экономико-философский, мировоззренческий характер и выводят обсуждение на трудно решаемые и неоднозначно трактуемые проблемы парадигмального характера: сочетания всеобщего (универсального) и национально-специфичного (культурно-самобытного), возможности построения самобытной теоретико-экономической системы, явным образом отличающейся от ставших привычными схем и десятилетиями разрабатывающихся теоретических подходов. Вполне естественной является довольно острая дискуссия, а порою и негативная реакция на новые идеи, которые, заметим это обстоятельство, никому ничего не навязывают, но предлагают новое дискурсивное поле для рационального непредвзятого обсуждения. Теоретическое видение евразийского пространства уже воплощается в оригинальной учебной литературе,

более того, есть признаки, что некоторые представители верховной власти начинают воспринимать новый подход ученых-экономистов¹.

Важно подчеркнуть, что евразийская политическая экономия — это не очередная умозрительная схема, а предложение для плодотворной дискуссии. В ней находят свое выражение вполне реальные процессы, связанные как с формирующимся на новой основе евразийским сообществом (союзом), так и со сложно сочетающимися реалиями современности и самобытности, инновационности и традиционности. В концептуальной статье Н. Ведына и Н. Газизуллина «Интерактивная хозяйственная геноформа локальной цивилизации: политэкономический аспект анализа» [5] как раз и ставится ряд обозначенных вопросов и проблем, не только провоцирующих на острые споры, но и стимулирующих разработку остававшихся длительное время в «тени» важных аспектов политической экономии.

У некоторых авторов, критически относящихся к евразийской политической экономии, проявляется серьезная озабоченность тем, что выделение «своеобычных» цивилизаций со своими неповторимыми закономерностями бытия, серьезным образом отрицает универсалистский понятийный аппарат, привычное мышление посредством теоретических законов, генетически производных от формационной (системно-диалектической) методологии, гениально развитой К. Марксом. При таком отношении, на наш взгляд, имеет место известная недооценка глубинных изменений в методологических подходах социальных наук, произошедших за последние несколько десятилетий, вполне понятный соблазн построить очередную монистическую теорию со стройным сводом законов, однако не учитывающую сложносистемный характер современного научного мышления, его ставшую каноном междисциплинарность (и даже трансдисциплинарность), колоссальное усложнение и полифонизирующее многообразие современного мира, чреватое ранее неведомыми и непредсказуемыми по своим последствиям для человечества конфликтами. Кстати говоря, отмеченные обстоятельства ни в коей мере не умаляют гениальное наследие Маркса. Более того, побуждают к более пристальному исследованию либо не замеченных, либо сознательно проигнорированных аспектов его системно-диалектического учения. Необходимо признать, что потенциал Марксовой теории еще далеко не исчерпан. Далее будет приведен пример этого неоспоримого обстоятельства.

По-видимому, в современных условиях речь должна идти не столько о системном построении единой и универсальной теории,

¹См.: Предисловие С.Е. Нарышкина к работе [7].

сколько о логически стройном изложении разнообразных (и взаимодействующих) теоретико-методологических подходов к изучению экономических систем и институтов, в своей совокупности не только отражающих сущностные аспекты экономической реальности, но и помогающих осмыслить жизненные миры локальных цивилизаций. При этом на место тоталитарных утопий, самозамкнутых монистических теорий, базирующихся на каком-то одном принципе или ограниченном наборе постулатов, неизбежно придут интегральные системы междисциплинарного (и трансдисциплинарного) знания, реализующие взаимодополняющие подходы. Наиболее перспективными станут открытые теоретические системы, работающие на «стыке» наук. Хороший пример — плодотворное взаимодействие политической экономии, новой институциональной экономической теории, новой экономической социологии, эволюционной экономики, социозкономики, а также других дисциплин. Задачей политической экономии должно стать преодоление мифа об универсальной экономической теории (в ее современных интерпретациях, как правило, замещающей целостный, холистический подход абстрактно-общими конструктами), а исследовательской установкой — системный анализ взаимодействий экономических и неэкономических факторов развития, сложной констелляции хозяйственных (всегда цивилизационно специфичных) форм. Рыночные практики хозяйствующих акторов осуществляются посредством ансамблей социальных отношений, регулируются с помощью норм, проникают общими смыслами через культуру. Все социальные интеракции «пронизаны» отношениями властвования. Поэтому политэкономический анализ неразрывно связан с цивилизационным подходом, только и способным обеспечить сложносистемность и междисциплинарность политико-экономического мышления и познания. Сегодня в реализации подобного рода исследовательской установки успешны, пожалуй, только некоторые эконом-социологи и немногочисленные экономисты-теоретики социетальной ориентации, понимающие смысл конкретно-всеобщего знания.

В целом специфика локальных цивилизаций представляет собой их социокультурное измерение, которому соответствует трактовка национально-самобытного как духовного единства, общих культуры и традиции. Установка на отражение в теории исторически индивидуальных экономических систем, возникших в ткани самобытных культур (культурно-исторических общностей), имеет своим следствием констатации, явно не вписывающиеся в идеологические программы прозападного либерал-прогрессизма. К сожалению, для многих ученых не очевидна простая вещь: необходимо научиться использовать эндо-

генный потенциал культуры, всегда связанный с долговременными цивилизационными факторами. И для начала не разрушать его, бездумно имплантируя в самобытную ткань локальной цивилизации культурные и социальные формы, рожденные в инородной среде. Масштабная экспансия в Европу и другие страны псевдоисламистских группировок (криминальный антропоток, сращенный с коррумпированными евроструктурами власти), разрастание уже активно действующих криминальных сетей, превращение искусственно создаваемого хаоса и насилия в инструмент глобальной политики, возникновение «кримократии» как субъекта и механизма глобального управления, который проектируется и направляется глобальными планировщиками деструкции [8], наглядно подтверждают, что евразийская интеграционная проблематика перестала быть предметом исключительно академических дискуссий, а обрела более насущное содержание, связанное с обеспечением условий устойчивого и мирного развития локальной евразийской цивилизации в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При этом справедливо утверждение Ю.М. Осипова: «Интеграция — вовсе не растворение России в евразийских просторах, а формирование на этих просторах общего, хотя и не единообразного, экономического пространства. ...Россия — империя, но она исключительно внутри себя и для себя империя, а вот расширяться имперски на евразийском (постсоветском) пространстве России абсолютно не нужно, невыгодно и вредно» [9, 20].

Цивилизации внутренне сложны и противоречивы. Это не застывшие во времени структуры, поскольку способны к эволюции и зачастую радикальным (но не революционным) изменениям. Традиции противоречиво сочетаются с современностью в локальных цивилизациях. Сами традиции (подчеркнем это особо) могут нести с собой потенциал преобразований. Примером служит явление «капитализма снизу» в Китае, который не насаждался авторитарной властью «сверху», как это происходило в России, рождая массовую бедность и многочисленные социальные патологии [1, 163 — 168], а в действительности был живым и «низовым» творчеством широких масс китайского населения. Использование эндогенного потенциала культуры, цивилизационной специфики в решающей степени определяет успешность модернизационных преобразований, противостоя насильственным и деструктивным по своим последствиям вестернизациям. Акцентируя внимание на возможности сочетания традиционных и современных форм при проведении модернизаций, а также совместимости при этом разнородных хозяйственных культур, П. Бергер утверждает что «странам Восточной Азии удалось длительное время проводить модерниза-

цию в условиях капитализма и в то же время избежать индивидуализации в западном стиле ...капитализм и община вполне совместимы. Или, другими словами, индивидуальная автономия не является неотъемлемым качеством экономической культуры капитализма» [3, 243].

По справедливому замечанию Н. Ведина и Н. Газизуллина, неприятие идей евразийской политэкономии учеными, выросшими на классической традиции формационной теоретической системы — политической экономии капитализма, вполне объяснимо (хотя кто из нас не вырос из этой традиции?). В то же самое время авторы ставят вопрос о том, «как совместить статус политэкономии как фундаментальной дисциплины, занимающейся разработкой законов и категорий, имеющих универсальное формационное значение, вне зависимости от конкретных стран или цивилизаций, с одной стороны, и евразийскую политэкономическую конкретику — с другой» [5, 32].

Остановимся более подробно на теме «универсального формационного значения» законов и категорий, разрабатывать которые призвана политическая экономия. Отметим в начале известную ущербность «формационного редукционизма», примитивизирующего картину исторического развития, выводящего за его рамки цивилизационные особенности того или иного социума, переходные и маргинальные способы хозяйствования, которые трудно идентифицировать с достаточной степенью точности, если сверять их с классическими образцами, например, европейского феодализма или капитализма. Однако классические формы развития — это формы, достигшие полной зрелости и полноты в своем осуществлении, являющиеся скорее исключением из правил, нежели всеобщим правилом. В условиях глобализации мир не просто остается устойчиво мультикультуральным и плюралистическим, но и характеризуется противостоянием цивилизационных общностей. В данном контексте важным элементом самой формационной теории должна стать ее самокритика, направленная против чрезмерно универсалистских обобщений.

Попытавшись взять на себя роль критика формационного подхода, выделим следующие моменты. Во-первых, не всем странам и регионам удалось пройти этап становления и развития классического капитализма (по типу английского), а также классического феодализма. Например, для России было нехарактерно сочетание феодала с вассалитетом, а условное землевладение, появившееся в 1470-гг., было не феодальным, а антифеодальным институтом, созданным абсолютной монархией. Таким образом, теория формаций «выпрямляет» ход истории, в которой то и дело обнаруживается нарушение хронологической последовательности возникновения формационных укладов.

Во-вторых, «чистых» формаций не было никогда, поскольку всегда имели место неформационные, внесистемные хозяйственные уклады, формационная многоукладность (где уж тут до универсальных законов!) или социально-экономическая гетерогенность формаций.

В-третьих, существовали и существуют различные типы социальности, при которых может доминировать не только экономическая, но и политическая, моральная (религиозная) стороны жизнедеятельности, определяя способы социальной регуляции, а также процессы перераспределения и потребления созданного продукта. Поэтому правомерно использование понятия «моральной экономики», складывающейся в цивилизациях Востока. Негативным порождением «нового мирового беспорядка» является теократическое квазигосударство ИГ (ИГИЛ), построившее небывалую и основанную на насилии экономическую систему, по сути, «религиозную военно-финансовую корпорацию» [8].

И, наконец, в-четвертых, теории формаций свойственна абсолютизация идеи прогресса (прогрессизм), известный телеологический подход, когда чаемое будущее определяет настоящее, включая попытки установить тот или иной справедливый социальный порядок, глубоко запрятанная в сознании эсхатология. Очень часто односторонняя перспектива не оставляет места альтернативности развития и человеческой свободе, игнорирует самоценность каждой культуры. Уместно заметить, что отрицание определяющей роли традиционной культуры в общественном развитии роднит вульгаризированный марксизм и либерально-рыночный фундаментализм. И тот, и другой объединяет космополитичный прогрессизм, движимый, однако, разными мировоззренческими мотивами: ортодоксы от марксизма уповают на антитрадиционалистскую культуру эксплуатируемых масс, либеральные доктринеры — на вненациональную культуру рыночного успеха, базирующуюся на «общечеловеческих» ценностях.

А возможна ли вообще политэкономическая теория евразийской цивилизации? Возможно ли получение конкретно-всеобщего знания о локальной цивилизации с его диалектическим единством всеобщего, особенного и единичного? На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Попытки подобного рода уже предпринимались в социальной науке представителями различных дисциплин. Достаточно упомянуть исследования «исторической школы политической экономии», исторической социологии хозяйства (социальной экономии) В. Зомбарта, «понимающей социологии» М. Вебера (не только выдающегося социолога, но и экономиста), несомненно тесная связь политической экономии и новой экономической социологии. Все эти направле-

ния стремились и стремятся выработать целостное знание о капитализме как исторически индивидуальной социально-экономической системе, преодолеть шаблонизацию «чистых типов», ориентированных на универсальные, абстрактно-общие модели хозяйства, оставляя вне поля зрения национальную, этнокультурную, цивилизационную специфику. Сторонники универалистских подходов в очень слабой степени учитывают не только реалии все более усложняющегося современного мира, но и происходящее формирование нового образа экономической теории, обогащенного принципами междисциплинарности и трансдисциплинарности, разнообразием часто противоречиво сочетающихся методологических подходов (что является не недостатком, а скорее достоинством, обеспечивающим научную альтернативность и взаимную дополнимость подходов). В действительности происходит формирование постклассической политэкономии.

Подчеркнем, что полноценное теоретическое отражение цивилизационной специфики той или иной хозяйственной системы возможно только с использованием дополняющих друг друга историко-культурного и социально-экономического (политико-экономического) подходов в их неразрывном единстве. Культурологический и социально-экономический анализ взаимодополнительны, поскольку экономические отношения формируются в поле национальной культуры, и в существенной мере ею определяются (не только по формам проявления, но и по сути). В рамках новой экономической социологии получают свое развитие компаративистские исследования, сформировалась концепция множественных типов капитализма, вместо универсальных моделей предлагается анализ специфических для каждой страны способов взаимодействия и интеграции государства и рыночных субъектов [2, 45]. Социальные нормы как неформальные регуляторы экономических взаимодействий являются продуктом культуры, формируются в ценностном поле (центрированном вокруг сверхутилитарных ценностей). Организации также являются культурным феноменом, встроенным в культурные сообщества [6].

Если рассматривать локальную цивилизацию как «единый способ развертывания экономических и культурных содержаний в историческую единораздельную целостность» (М. Румянцев), то становится понятным утверждение Н. Вединой и Н. Газизуллина о том, что «речь может идти о создании такого системного, политико-экономического, представления о социуме как о хозяйственной целостности, которое позволяет с помощью опосредствующих факторов трансформировать особенности конкретного этноса в структуру хозяйственной организации. Важно отметить, что необходимым условием подобной межпред-

метной коммуникации является реализация целостного (холистического) подхода к хозяйственной организации, адекватного природе этноса» [5, 33]. Именно целостность цивилизационной общности лежит в основе хозяйственной целостности, обеспечивает системность политико-экономических представлений о ней, трансформирует цивилизационно обусловленные особенности конкретного этноса в структуру хозяйственной организации. Что касается товарно-стоимостной (конкурентно-рыночной) парадигмы, то авторы весьма точно характеризуют ее как «плоская, одномерная экономическая картина мира» [5, 33].

На наш взгляд, особенно актуален тезис Н. Ведина и Н. Газизуллина о том, что «общественный характер самого процесса труда остается в ненаблюдаемой (для политэкономического анализа) зоне. ...Но в реальности объективным основанием общественной жизни является совместный труд, также предполагающий обмен деятельностью, но деятельностью живой, циркулирующей в обмене в виде информационно закодированных знаний и умений» [5, 33]. Авторы называют эту ненаблюдаемую реальность интерактивной экономикой, в которой создается творческий потенциал человека, общественная производительная сила. Интерактивная экономика — это форма коллективного производства, в рамках которого совокупный работник создает потребительную ценность. «Взаимоотношения между производителями здесь не опосредствованы вещами, что исключает их атомизацию и обезличенность» [5, 33]. Интерактивная экономика это, по сути, фундаментальное условие существования и развития общества, экономические отношения, которые складываются в ее сфере носят характер сотрудничества. Постановка вопроса об экономике сотрудничества или интерактивной экономике, противоречиво сочетающейся с конкуренцией, и содержательное раскрытие этих понятий является примером актуального и творческого подхода, не имеющего ничего общего с «плоской и одномерной экономической картиной мира».

В статье «Некоторые подходы к формированию проблемного поля евразийской политэкономии» Н. Ведин и Н. Газизуллин [4] также ставят ряд нетривиальных вопросов и проблем (в духе реактуализированного марксизма). Весьма интересен анализ междисциплинарной коммуникации между политэкономией как «социумной» дисциплиной и этнологией. Они различают две разнотипные по происхождению системы коллективного производства — общечеловеческую кооперацию и этнос. В отличие от культурной традиции этническая — это не преемственность застывших форм, созданных человеком, а единство живых людей, поддерживаемое их пассионарностью.

Авторы пишут о противоречивом сочетании «сквозных» экономических форм, образованных единством разделения труда и обмена и сохраняющих собственное содержание в разных общественно-экономических системах. Как полагают авторы, различаются два разнородных и разнотипных разделения труда и обмена деятельностью, существующие одновременно. Если первый тип вполне привычен и связан с товарным обменом, продуктами овеществленного труда, то другой тип разделения труда можно назвать функциональным. «Обмен здесь представлен самим производством, а его предмет по необходимости не принимает форму отличную от живой деятельности, а точнее, от деятельностных способностей работников. В сущности, обмен здесь выступает в виде речевой (а также невербальной) коммуникации, иначе, дискурса» [4, 91]. Мы бы сказали, что авторы развивают дискурсивную концепцию функционального разделения труда. К сожалению, эта форма обмена и коммуникации, представленная обменом деятельностями и способностями в самом производстве, стала невидимой для экономистов, существенно обеднив анализ (в том числе и рыночного обмена). Этот ненаблюдаемый слой отношений Н. Ведин и Н. Газизуллин называют генетической формой (геноформой). Евразийская перспектива не может полноценно осмыслена и понята без углубленного анализа геноформы локальной цивилизации, ставшей невидимой для экономистов. Авторы предлагают структурные элементы евразийской политэкономии: (1) анализ интерактивной экономики как всеобщей формы; (2) анализ евразийской культурно-хозяйственной геноформы; и, наконец, (3) анализ эволюции и тенденций развития хозяйственной геноформы.

Особо важное значение имеет признание неоднородности экономических систем, предполагающей противоречивую совместимость интерактивного и конкурентно-рыночного пространств. Завершим изложение весьма емкой и глубокой по содержанию, цитатой: «Причудливое переплетение указанных форм порождает неповторимые, уникальные образы национальных, региональных и цивилизационных хозяйственных систем. История, в том числе и история науки, распорядилась таким образом, что экономистам известно все (или почти все) о товарной форме и очень мало о форме сотрудничества, хотя первое выросло из второго и моложе его на тысячелетия. Между тем дефицит знания формы сотрудничества и ее воздействия на рыночные отношения не только обедняет, но и в чем-то существенном искажает понимание товарной формы и обрамляющих ее отношений» [4, 91].

Литература

1. *Акинин А.А., Шевелев А.А.* Дилеммы развития России в контексте институциональной экономической теории // *Философия хозяйства*. 2014. № 3.
2. Анализ рынков в современной экономической социологии / Под ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
3. *Бергер П.* Капиталистическая революция. М.: Прогресс-Универс, 1994.
4. *Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф.* Некоторые подходы к формированию проблемного поля евразийской политэкономии // *Проблемы современной экономики*. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2015. № 3.
5. *Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф.* Интерактивная хозяйственная генформа локальной цивилизации: политэкономический аспект анализа // *Проблемы современной экономики*. Евразийский международный научно-аналитический журнал 2016. № 1.
6. *Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. Т. 11. 2010. № 1.
7. *Евразийская политическая экономия: Учебник / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича.* СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
8. *Ларина Е., Овчинский В.* Новый мировой беспорядок // <http://svop.ru/main/21013/>.
9. *Осинов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // *Философия хозяйства*. 2014. № 1.

References

1. *Akinin A.A., Shevelev A.A.* Dilemmy razvitija Rossii v kontekste institucional'noj jekonomicheskoi teorii // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 3.
2. *Analiz rynkov v sovremennoj jekonomicheskoi sociologii / Otv. red. V.V. Radaev.* -2-e izd. M.: Izd. dom GU VSHJE, 2008.
3. *Berger P.* Kapitalisticheskaja revoljucija. M.: 1994.
4. *Vedin N.V., Gazizullin N.F.* Nekotorye podhody k formirovaniju problemnogo polja evrazijskoj politjekonomii // *Problemy sovremennoj jekonomiki*. Evrazijskij mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal. 2015. № 3.

5. *Vedin N.V., Gazizullin N.F.* Interaktivnaja hozjajstvennaja genoforma lokal'noj civilizacii: politjekonomičeskij aspekt analiza // Problemy sovremennoj jekonomiki. Evrazijskij mezhdunarodnyj nauchno-analitičeskij zhurnal. 2016. № 1.

6. *Dimadzhio P. Dzh., Paujell U.V.* Novyj vzgljad na «zheleznuju kletku»: institucional'nyj izomorfizm i kollektivnaja racional'nost' v organizacionnyh poljah // Jekonomičeskaja sociologija. T. 11. № 1. 2010.

7. Evrazijskaja političeskaja jekonomija: Učebnik / Pod red. I.A. Maksimceva, D.Ju. Miropol'skogo, L.S. Tarasevicha. SPb.: Izd-vo SPbGJEU, 2016.

8. *Larina E., Ovchinskij V.* Novyj mirovoj besporjadok // <http://svop.ru/main/21013/>

9. *Osipov Ju.M.* Evrazijskaja (postsovetskaja) mezhdunarodnaja integracija kak nasušhnaja aktual'nost' // Filosofija hozjajstva. 2014. № 1.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Национальный доход как фундаментальное условие и основа воспроизводства многоукладного хозяйства России

Аннотация. В рамках традиционной структуры многоукладного общества нет главных и второстепенных сфер. Здоровое традиционное общество не может быть унифицированным, основанным на господстве одного — «главного», «передового» уклада. В рамках системного подхода к национальному хозяйству движение традиционного общества рассматривается исторически: уклады здесь наслаиваются друг на друга, образуя многоукладную экономику. В рамках такой экономики всегда присутствует ведущий уклад и его соответствующий экономический закон. Рассмотрение закона национального хозяйства как главного закона воспроизводства всего многоукладного хозяйства России и составляет содержание данной статьи.

Ключевые слова: традиции, многоукладность, унификации, уклад, многоукладная экономика, воспроизводство, основной экономический закон.

Abstract. Within the traditional structure of a mixed society there are no main and secondary areas. Healthy traditional society can not be unified, based on the rule of one «main», «advanced economy». In the framework of a systemic approach to the national economy, the movement of

traditional society, considered historically: here the structures superimposed on each other, forming real mixed economy. In the framework of such an economy is always there leading the way and its corresponding economic law. Consideration of the law of national economy as the main law of reproduction of the whole society, — is the content of this article.

Key words: tradition, diversity, unification I, lifestyle, reproduction, basic economic law.

Содержание основного экономического закона в рамках многоукладного хозяйства: постановка проблемы

Многоукладность — это закон формационно-цивилизационного развития, закон традиционного общества, в рамках философии которого каждый уклад является формой жизни, формой жизнедеятельности, основанной на культурно-исторических традициях. Согласно этому закону, переход к новой экономической модели не равнозначен смене типа цивилизационного развития. Каждая страна имеет свою духовную программу и развивается на основе той системы работающих принципов, которые, во-первых, относятся к категории фундаментальных ценностей данной цивилизации, а во-вторых, являются сквозными организационными принципами развития всего общества, включая и его национальное хозяйство (подробнее см.: [4, 104 — 120]).

Итак, многоукладность не равнозначна хозяйственному плюрализму. Очевидно, что она предполагает доминирование ведущих укладов, основанных на принципах национальной жизнедеятельности, а также интегративность разных хозяйственных укладов, взаимосвязанных и взаимозависимых единичными, сквозными принципами хозяйствования, в которых отражается суть национального способа жизнедеятельности

Очевидно, что, выходя за рамки формационной методологии анализа и рассматривая национальное хозяйство как иерархическую взаимозависимость и соподчиненность различных секторов и укладов, нацеленных на воспроизводство общества, мы должны соответствующим образом рассмотреть как содержание *основного экономического закона* (ОЭЗ) господствующей собственности, так и взаимосвязь ОЭЗ с основным законом движения всего национального хозяйства, выступающего как закон движения общества.

К вопросу о содержании основного экономического закона господствующей в стране собственности

Как известно, закон — это необходимое отношение, закономерность, а экономический закон — закономерное отношение, т. е. взаи-

модействие двух противоположных «экономических сторон». Каждое производственное отношение отражает закономерность, т. е. является закономерным отношением — содержит в себе тот или иной закон. А основное производственное отношение содержит в себе основной экономический закон. Основной закон всегда регулирует отношение собственности, господствующей в данной стране.

Другими словами, основной закон — это, по сути, закон собственности, господствующей в хозяйстве страны, отражающий механизмы общественного воспроизводства. И в зависимости от господствующей формы собственности, этот закон отражает соответствие цели и механизм распределения валовых доходов между собственниками и работниками.

Например, при капитализме, основной закон — это закон валовой прибыли, которая после уплаты налогов переходит в карман собственника. И это понятно, если вспомнить, что, как справедливо подчеркивает А.В. Чаянов, «теоретически учение о народном хозяйстве от Д. Рикардо и до наших дней строилось дедуктивно, исходя из мотивации и методов хозяйственного расчета homo economicus'a, работающего в качестве капиталиста-предпринимателя, строящего свое предприятие на наемном труде» [2, 396]. При таком подходе логика частнокапиталистического подхода неизбежно переносилась на движение всей экономики, всего национального хозяйства целом.

В условиях коллективного уклада и коллективно-трудовых предприятий («Народных предприятий», согласно ФЗ РФ, принятому в России в конце 1997 г.): основной закон — это закон коллективного валового дохода, который поступает в распоряжение всего трудового коллектива. При социализме основной закон — это закон национального дохода, поступающего в распоряжение всего общества и расходо­емого в целях роста благосостояния всего народа, всей нации [1, 208].

А как быть с многоукладным обществом, которое в принципе не может быть — ни капиталистическим, ни социалистическим (коммунистическим), имея при этом в виду, что в рамках реально многоукладного общества взаимодействуют между собой в рамках сложившейся иерархии различные формы собственности и хозяйственные уклады, а именно:

- государственный уклад в форме госсектора, включая различные формы государственных унитарных предприятий (ГУП) на региональном и муниципальном уровнях;
- капиталистический уклад в лице акционерных компаний, принадлежащих индивидуальным собственникам как владельцам пакетов акций и контрольного пакетов;

- уклад народных предприятий — коллективно-трудовых, в рамках которых владельцами капитала предприятия (акционерного капитала трудового коллектива) вступает весь трудовой коллектив, владея либо контрольным пакетом капитала компании, либо выступая в качестве совладельца на паях с государством или же частным партнером;

- уклад смешанных компаний — в форме государственно-частного или кооперативно-частного партнерства;

- уклад индивидуально-частных предприятий (ИЧП) в лице крестьянских и фермерских семейных хозяйств, а также ИЧП, занятых в других сферах и отраслях национального (народного) хозяйства.

Очевидно, что в рамках многоукладного хозяйства мы не можем произвольно выбирать формы собственности и хозяйствования. Уклад — это форма жизни, — способ жизнедеятельности, опирающийся на ценности и принципы национального бытия, которые сформировали данную цивилизацию ее принципы жизнедеятельности. Для русской Евразии это принципы общинности и коллективизма, иерархии и взаимозависимости, солидарности и справедливости, общественного долга и служения.

Все эти принципы в совокупности определяют содержание закона воспроизводства многоукладного общества. Напомню, что любой закон — это закономерность как повторяемая и постоянно воспроизводимая связь между основными сторонами общественного производства. Из этого следует, что закон воспроизводства общества — повторяемость и воспроизводимость всех исторически сложившихся укладов как форм жизни и форм хозяйствования, воспроизводящих во всей своей совокупности и взаимосвязи все многоукладное общество в целом [1].

В соответствии с этим поставим закономерным вопрос, а какой экономический закон может служить основой воспроизводства всего общества как многоукладного хозяйства и многоукладного общества?

Логика движения общественного капитала (совокупных производительных сил страны) подчиняется уже общенациональным интересам, задачам действительно общественного воспроизводства, включая и воспроизводство самого общества в целом. А это требует выбора параметров или экономических констант, определяющих динамику его движения и целеполагания. Современная экономическая наука в России находится в поисках адекватных показателей, способных преодолеть очевидные недостатки капиталистической прибыли [4, 73 — 78].

Итак, главный вывод (урок) заключается в следующем: частно-капиталистическая собственность не может служить основой воспроизводства всего общества, обеспечивая эффективность выбора и максимизацию полезности только лишь для плутократии.

Основное производственное отношение коллективно-трудовых форм собственности

Диалектика развития коллективно-трудовых и семейно-трудовых форм хозяйствования приводит к необходимости создания непосредственно общественной собственности. Суть этой исторически наиболее совершенной формы такова, что она не отрицает индивидуальную собственность работников, а сохраняет их трудовое право на эту собственность, «восстанавливая индивидуальную собственность», но уже на кооперативной основе, реализуя эту собственность и трудовое право работников — через коллективно-обособленное присвоение. Непосредственно общественная собственность (народные предприятия) является в то же самое время и «индивидуальной собственностью» непосредственных производителей. А это предполагает создание такого механизма экономической реализации непосредственно общественной собственности, при котором собственность выступает, с одной стороны, как общественная, принадлежащая всему обществу, всем трудящимся как совокупному собственнику, а с другой — как коллективная, поступающая в непосредственное распоряжение непосредственных производителей, трудовых коллективов.

Реализация этой формы собственности предполагает более сложную систему организационных принципов, нежели капиталистическая собственность, основанная на законе максимизации частной прибыли.

Общинность и коллективизм, сами по себе — вне общественной иерархии и солидарности, превращаются в групповое, а в итоге — капиталистическое предприятие. Именно поэтому принципы общинности и коллективизма должны быть органично дополнены принципами солидарности и общественной иерархии в форме соподчиненности.

Закон производства национального дохода (вновь созданной стоимости) как основной закон воспроизводства многоукладного хозяйства

ОЭЗ как основной закон воспроизводства общества. Очевидно, что национальное хозяйство России и других евразийских стран СНГ не может существовать и устойчиво развиваться, исходя только лишь «из мотивации и методов хозяйственного расчета homo

еonomicus'a, работающего в качестве капиталиста-предпринимателя». Национальное хозяйство на Востоке традиционно является многоукладным, а крестьянское хозяйство играет здесь принципиально важную роль, являясь органической формой жизнедеятельности. Уничтожая его в процессе либеральной унификации хозяйства, мы тем самым уничтожаем сложившуюся форму жизни. Крестьянский уклад и все другие формы мелкого семейно-трудового хозяйства, не претендуя на формирование основы современной индустрии, выполняют важную функцию «капиллярной системы» в жизнедеятельности национального хозяйственного организма [1].

Очевидно, что этот организм может существовать только в форме иерархической соподчиненности различных секторов и укладов, взаимозависимости «капиллярной» и «венозной» систем хозяйственного «кровообращения». А это требует наличия системы *сквозных* принципов, пронизывающих все общество и его хозяйство сверху донизу.

Основным законом развития общества является закономерность самой жизни, т. е. постоянная возобновляемость всех исторических стереотипов хозяйственной жизнедеятельности. А это дает нам понять, что основной экономической закон всегда отражает основную социально-хозяйственную закономерность, а именно, повторяемость из поколения в поколение главных стереотипов хозяйственной жизнедеятельности, которые не только в России, но и на Востоке основаны на общности и коллективизме, на артельном труде и кооперации.

Очевидно и то, что формы собственности и формы хозяйствования, адекватные цивилизационным и геополитическим особенностям наших евразийских стран, также являются коллективистскими — общинными, основанными на солидарности. Главной чертой здесь является общинно-трудовой характер собственности и хозяйствования, а к их числу относятся: а) индивидуально-трудовые хозяйства (ремесленные, семейные крестьянские хозяйства, а также различные другие формы индивидуальной и семейной трудовой деятельности); б) коллективно-трудовые хозяйства (артели, кооперативы, народные предприятия, принадлежащие трудовым коллективам и прочие формы «рабочей собственности»). Устойчивое движение общества достигается установлением гармонии, а не баланса интересов. Демократия и модель «открытой экономики» — это модель перманентной борьбы за лидерство, здесь всегда побеждает один.

Очевидно, что нам нужна гармония, а не пресловутый «баланс интересов». Общее благо, общее дело и общий интерес здесь являются доминирующими факторами.

Для России не подходит модель западного общества и западная модель национального хозяйства. И это объясняется не капризами, а тем, что экономическое движение и движение национальной экономики в целом, в рамках традиционного восточного общества происходит не по законам традиционной диалектики. Взаимодействие двух противоположных экономических субъектов, создающих движение собственности и всей национальной экономики, происходит здесь с участием — третьего субъекта, а именно, общества в лице государства как носителя общественных нравов и как субъекта духовного производства, ответственного за общественное воспроизводство не только морально-этических ценностей и всей системы национальных традиций, но и воспроизводства всей общественной жизни, воспроизводства всего общества в целом в качестве единой цивилизационной системы.

Таким образом, движущей силой хозяйственного развития в России является не борьба интересов, а их гармонизация, не частное дело, а общее дело, нацеленность не на прибыль, а на солидарность, на общегосударственный интерес и общее благо. И Россия здесь не является исключением.

А. Девятов, кадровый разведчик ГРУ, проработавший в Китае тридцать лет, приводит в качестве примера китайскую доктрину поглощения, в основе которой лежит связка трех сил. Он пишет: «Корень китайской доктрины поглощения кроется в том, что после разделения всего и вся на два китайцы находят третье (как бы внешнее к внутренней противоположности двух сторон), тогда как европейцы исключают третье (все в мире имеет свою противоположность, а третий лишний, третьего не дано). По-китайски, единое неизменно раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил. При этом по закону, изложенному в “Книге перемен”, реактивный потенциал переворачивает связку трех сил в свою пользу под давлением “вражьей силы” за счет умаления силы менее опасного партнера» [5, 260 — 261]. Другими словами, диалектика в Китае существует, но своя, по-китайски: единое здесь неизменно раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил.

Вывод: закон воспроизводства общества действует через взаимодействие трех сторон и трех сил, активно участвующих в воспроизводстве всего общества, опираясь при этом на систему национального хозяйства и его основной экономической закон.

ОЭЗ как закон вновь созданной стоимости, как закон дохода. Продолжим наш анализ. Очевидно, что общество в целом можно воспроизвести только на основе вновь созданной стоимости, которая в политэкономии рассматривается как валовой доход, добавленный к

«старой стоимости», т. е. к прошлому труду, овеществленному в основных фондах, а при более широком подходе — в постоянном капитале (c). Постоянный капитал теоретически отражает стоимость авансированного капитала, овеществленного в средствах и предметах труда, « c » — это фабрика, предприятие, еще не преступившее к работе. Перед началом производства объективно существует только « c », в процессе работы в ходе рабочего дня рабочие, как известно, производят *вновь созданную стоимость* (BCC) ($v + m$), добавленную к стоимости « c ».

Общественное производство, нацеленное на воспроизводство общества, предполагает прежде всего воспроизводство человека в качестве носителя рабочей силы и особого «человеческого капитала», а также воспроизводство всего народнохозяйственного комплекса, используя для этого произведенную прибыль и накопленную амортизацию. Другими словами, этот процесс предполагает создание фондов накопления и фондов потребления, включая зарплату рабочих. Однако амортизация, по сути, выступает в форме особого инвестиционного фонда, идущего на возмещение уже потребленных средств труда (основного капитала), являясь, и теоретически, и практически, частью «прошлого труда», идущего на восстановление «старой стоимости». Таким образом, в основе воспроизводства всего общества в целом, очевидно, лежит расширенное производство BCC .

В чем же суть содержания ОЭЗ национального хозяйства в целом. Закон собственности — это закон дохода, который получает собственник в процессе производства и распределения вновь созданной стоимости ($v + m$). Этот закон превращается в основной экономический закон, когда закономерности производства и распределения BCC ($v + m$), свойственные данной собственности, становятся господствующими в обществе, определяя прямо или косвенно механизм движения всех других форм собственности. ОЭЗ, отражая цели и интересы господствующего в данном обществе класса (и/или социальных групп), является законом господствующей формы собственности.

Формы собственности отличаются друг от друга механизмом производства и распределения BCC : а) в рамках частнокапиталистической собственности, ($v + m$) производится наемными работниками и распадается на два антагонистических дохода — на зарплату и прибыль; б) в рамках (индивидуального трудового хозяйства (ИТХ) и коллективного трудового хозяйства (КТХ) вновь созданная стоимость ($v + m$) образует валовой доход собственников — индивидуальных или коллективных; в) при социализме это *закон национального дохода*,

поступающего в распоряжение всего общества и расходуемого в целях роста благосостояния всего народа, всей нации [3].

При капитализме, закон частнохозяйственной прибыли выступает не только как частный закон движения частнокапиталистических предприятий, но и в качестве основного экономического закона, который определяет механизм движения всей национальной экономики и национального хозяйства, выступающего по сути как частнохозяйственный организм. Такое положение вещей обусловлено господством частных интересов, стоящих над всем обществом в целом. К. Маркс как ученый всего лишь зафиксировал такое состояние западного общества.

Таким образом, ОЭЗ, раскрывая экономическую основу и механизм воспроизводства данного уклада и/или способа производства, неизбежно превращается в ОЭЗ господствующего способа производства и любого данного общества в целом, определяя экономические механизмы его воспроизводства.

ОЭЗ как закон вновь созданной стоимости, как закон национального дохода. Общеизвестно, что объективной основой воспроизводства общества может служить только новая стоимость, добавленная к стоимости средств производства, которую в экономической теории принято обозначать термином «вновь созданная стоимость». ВСС при капитализме существует только лишь как условно-расчетная категория: а) на уровне предприятия она обозначается понятием «добавленная стоимость» (added value); б) на уровне общества — как национальный доход, т. е. как арифметическая совокупность доходов всех членов общества. При социализме производство ВСС становится основным экономическим законом социалистического общества.

Содержание ОЭЗ в том и заключается, что он устанавливает закономерность между производством вновь созданной стоимости и механизмом ее присвоения и распределения в обществе. При капитализме господствует частнохозяйственный механизм присвоения и распределения ВСС, в силу чего она распадается на два антагонистических дохода: а) прибыль капиталистов и б) зарплата наемных работников; соответственно ОЭЗ капитализма принимает форму капиталистического производства и присвоения прибавочной стоимости. При социализме господствует государственный механизм присвоения и распределения ВСС, в силу чего она, уже не распавшись на антагонистические доходы, концентрируется в руках государства, превращаясь в общенациональный доход; соответственно, ОЭЗ социализма — «выступает как закон производства вновь созданной стоимости или национального дохода» [3, 202].

Однако, как уже нами подчеркивалось выше, категория «вновь созданная стоимость» теоретически связана не с социализмом как таковым, а с трудовым типом хозяйства, включая ИТХ и КТХ, основным экономическим законом движения которых выступает закон производства вновь созданной стоимости или валового дохода, поступающего в распоряжение работающих собственников. В.Г. Белолипецкий, на наш взгляд, верно указывает на то, что «будущее в эволюции общественного капитала во многом будет предопределяться переходом с отражения прибыли в балансе к отражению в нем добавленной стоимости и изменением природы НДС» [4, 83].

На сегодняшний день политическая экономия знает два противоположных экономических закона воспроизводства общества — капиталистический и социалистический (народнохозяйственный). Проводимые в стране научные дискуссии позволили установить, что институциональные механизмы западной экономики у нас не срабатывают. А это ставит перед современной экономической наукой задачу определения адекватных механизмов реализации ОЭЗ принципиально иного типа национального хозяйства (НХ), развивающегося на основе законов и принципов традиционного восточного общества. Разумеется, что предметом анализа является русско-евразийское общество, развивающееся в различных «национальных одеждах» на нашем евразийском континенте.

Какой же экономической закон является здесь основным, определяя главную закономерность воспроизводства всего многоукладного национального хозяйства северо-восточного традиционного общества?

Очевидно, что народнохозяйственный механизм воспроизводства общества здесь будет регулироваться не одним, а несколькими законами. Так, например, нерыночный сектор может развиваться только на основе закона национального дохода, а рыночный, включающий в себя капиталистический и некапиталистический уклады (ИТХ и КТХ, а также личные подворья, производящие товарную продукцию на рынок) — на основе своих основных законов. Однако все эти секторы, уклады и формы хозяйствования неизбежно будут подчиняться господствующему типу хозяйствования.

Если говорить о современной России, то, очевидно, что господство капиталистических укладов превращает капиталистические законы воспроизводства — в господствующие, определяющие динамику квазикапиталистического национального хозяйства. Мы видим, что капиталистический закон максимизации прибыли воспроизводит лишь свои капиталистические уклады, превращая здоровое общество в за-

падный тип «гражданского общества», расколотого на враждующие социальные группы.

Из всего этого нетрудно заключить, что наше общество может выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории только в том случае, если в основу его развития будет положена противоположная экономическая закономерность производства и распределения вновь созданной стоимости. Производство ВСС должно стать законом национального хозяйства, а для этого создаваемый в стране национальный доход должен стать — народным, т. е. превратиться из условно-расчетной категории в реальное народнохозяйственное отношение (как отношение между властью и народом), которое служит основой воспроизводства всего народа.

Таким образом, основным законом многоукладного национального хозяйства традиционного общества является закон производства вновь созданной стоимости или национального дохода. Он является центральным («сквозным»), так как на его основе должны функционировать все некапиталистические уклады и формы хозяйствования, имманентно присущие нашему обществу. Данный закон также является основным и в отношении капиталистических укладов (способов производства и форм хозяйствования) — в том смысле, что он подчиняет их движение главному закону воспроизводства общества, заставляя их — юридическими и нравственными нормами — подчинять свои частные законы частной прибыли общественному закону национального дохода.

Таким образом, исходя из указанного выше, будет правильным назвать основной экономической закон национального хозяйства — законом общественного производства вновь созданной стоимости или национального дохода. Соответственно произведенный национальный доход распределяется затем между 1) собственниками (акционерами), 2) управляющими компаний, 3) работниками как непосредственными производителями и 4) государством, формирующим в процессе уплаты налогов, сборов и пошлин — государственный бюджет, составляющий основу общественного благосостояния.

Именно национальный доход страны и формируемые на его основе доходы собственников, работников и государства образуют материальную основу социально-экономической стратегии страны. Но для этого национальный доход страны должен реально являться совокупностью вновь созданных стоимостей на каждом предприятии страны. Все предприятия страны должны работать на общенациональную стратегию, все должны платить налоги в стране, рассматривая это как свой гражданский долг. Оффшорный бизнес и соответствующее укло-

нение от налогов должны рассматриваться как тягчайшее государственное преступление, именно как преступление против государства путем нанесения ему сознательного ущерба с выгодой для иностранного государства. А это уже граничит с предательством интересов государства.

Очевидно, что все это потребует создания специального институционального механизма, и на уровне предприятий (компаний) таким механизмом должно стать производственное самоуправление — посредством создания на предприятиях (компаниях) административных советов, состоящих из трех групп: 1) акционеры, 2) управляющие и 3) работники как непосредственные производители всех общественных и прочих благ в стране.

Однако данный закон функционирует только при наличии нацеленности государства на стратегию выживания и на великие цели. Механизм воспроизводства общества не будет работать без нацеленности на будущее, без понимания ныне живущими людьми своей ответственности перед будущими поколениями. Современная Россия доказывает своим драматическим примером лучше всяких теорий, что механизм воспроизводства общества — это не примитивная хлебопекарня. Общество воспроизводится не столько материальными, сколько — духовными ресурсами. Деньги, инвестиции, кредит сами по себе не способны создать и воспроизвести общественный организм.

Выводы

1. Очевидно, что наше евразийское общество может выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории и как субъект национального хозяйства в каждой постсоветской республике только в том случае, если в основу развития ее хозяйства будет положена некапиталистическая закономерность производства и распределения вновь созданной стоимости, образующей валовой доход коллективных предприятий, а также национальный доход всего общества.

2. Производство вновь созданной стоимости ($v + m$) должно лежать в основе национального хозяйства, ему непосредственно служить, а для этого создаваемый в стране национальный доход должен быть именно народным, то есть быть не столько условно-расчетным явлением, сколько — реальным народнохозяйственным феноменом, оказывающимся основой воспроизводства всего народа.

3. Многоукладное евразийское общество может сохранить и развить себя в случае, если закономерности производства и распределения вновь созданной стоимости станут реализацией основного закона национального хозяйства — как закона производства и распределе-

ния вновь созданной стоимости, закономерности которого должны иметь народнохозяйственный характер, охватывать всё национальное хозяйство.

4. Национально-экономическое развитие осуществляется на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ. В силу этого процесс национального хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих в форме «результатов исторической коллективной жизни народа» (В. Виндельбанд).

5. Давно пора всем нам перейти к рассмотрению процесса воспроизводства уже всего общественного капитала (многообразия форм собственности), который становится действительно общественным только при условии превращения национального хозяйства в ассоциацию производительных сил нации, создающейся на основе интегративности и комбинации духовного и материального производства. При таком подходе общественный капитал превращается в национальный капитал, основу которого, как подчеркивал Лист, образуют не денежные, а умственные и нравственные капиталы нации

Литература

1. *Агеев В.М.* Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 208 с.
2. *Белолипецкий В.Г.* Экономические константы в воспроизводстве хозяйственных систем // *Философия хозяйства*. 2005. № 2. С. 73 — 84.
3. *Девятков А.* Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. С. 260 — 261.
4. *Олейников А.А.* Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход). — Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2015.
5. *Чаянов А.В.* К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства // *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И. Абалкин и др. М.: Экономика, 1989.

References

1. Ageev V.M. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy osnovnogo jekonomicheskogo zakona socializma. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. 208 s.
2. Belolipeckij V.G. JEkonomicheskie konstanty v vosпроизводstve hozjajstvennyh sistem // Filosofija hozjajstva. 2005. № 2. S. 73 — 84.
3. Devjatov A. Krasnyj drakon. Kitaj i Rossija v XXI veke. M.: Algoritm, 2002. S. 260 — 261.
4. Olejnikov A.A. Nacional'noe hozjajstvo kak osnova vosпроизводства obshhestva (jekonomiko-filosofskij podhod). Ekaterinburg: Ural'skij institut biznesa, 2015.
6. CHajanov A.V. K voprosu o teorii nekapitalisticheskikh sistem hozjajstva // CHajanov A.V. Krest'janskoe hozjajstvo: Izbrannye trudy / Redkol. ser.: L.I. Abalkin i dr. M.: JEkonomika, 1989.

Н.И. УСИК

О расширении границ рыночной экономики

Аннотация. Обосновывается то, что экономические интересы, выраженные в экономической власти отдельных группировок, образований, отражают границы возможностей функционирования рыночной экономики. Показывается расширение границ рыночной экономики на основе неодирижизма, создающего экономические условия хозяйствования, осуществляющего защиту национальных интересов или ведущих игроков определенного рынка (антиконкурентный эффект). Отмечается, что функциональный подход в управлении экономическим развитием меняется на проектный подход, позволяющий эффективно решать поставленные задачи в достижении целей.

Ключевые слова: рыночная экономика, антиконкурентный эффект, неодирижизм, проектное управление.

Abstract. Points out that economic interests expressed in the economic power of certain groups, entities, reflect the limits of functioning of a market economy. Shows the expansion of the market economy on the basis of neodirižizma, creating economic conditions that protect national interests or the leading players in a given market (anti-competitive effects). It is not-

ed that the functional approach in managing economic development varies on the project approach, allowing to solve tasks effectively in achieving goals.

Key words: market economy, anti-competitive effects, neodirižizm, project management.

Рыночная экономика с конкуренцией как принципом координации деятельности субъектов в настоящее время оказалась на границе своего существования, так как обострились социальные проблемы, включая доступность медицинской помощи, образования, трудоустройства, инфраструктуры и т. д. [11, 17] Макро- и микроэкономика уступили место конструированию будущего на основе экспертных оценок, выражающемуся в реализации всевозможных проектов на основе разрабатываемых технологий. Обычно границы рыночной экономики связывают с деятельностью монополий и олигополий, являющейся на самом деле защитой интересов властных и приближенных к ним экономических группировок (по выражению В. Ойкена). Рынок в современном понимании — институт с функциями координации. Существование «провалов» рынка, а вслед за ними и «провалов» политики указывает на границы возможностей рыночного регулирования экономики.

Ю.М. Осипов определил современную экономику как финансовику, поскольку финансовый характер экономики пришел на смену стоимостному. Он обосновал системообразующую роль финансового капитала в глобальном мире как результат взаимосвязи рыночной трансформации и глобализации. Был сделан вывод, что западная наука ошибочно формирует хозяйство не ради производства или потребления, а ради денег, а поскольку это противоречит целям развития государств, то приводит к кризисам: «Наступила эпоха глобальной финансовой ренты» [6, 26].

Недостаточность финансового капитала для ведения предпринимательской деятельности, как «провал» рынка была показана еще в годы Великой депрессии XX в. [10, 433].

Передел мира после краха коммунистической идеи способствовал расширению границ рыночной экономики до хозяйства (хозяйственной деятельности) из-за социально-экономической политики. Либеральный подход, реализуемый в РФ и других развивающихся странах, осуществляется в интересах бизнеса, задачами которого является получение прибыли, а не решение вопросов безработицы, заработной платы, образования, здравоохранения и т. д. Таким образом, границы как для теоретической, так и практической (технологически-

физикалистской) экономики давно обозначились, поэтому и случилось обращение к категории «хозяйство» в научной школе философии хозяйства Ю.М. Осипова. Современное понимание научно-исследовательских достижений (научных школ) базируется на определенных для своей области показателях, рассчитываемых в рейтингах. Показатели Центра общественных наук (ЦОН) при МГУ имени М.В. Ломоносова могли бы сравнивать с достижениями российских и зарубежных научных сообществ, что соответствует достижению конкурентоспособности, т. е. способности опережать в научных исследованиях социально-экономического развития общества и экономической науки. Центр общественных наук исследует, пропагандирует, реализует (посредством предложений и рекомендаций органам власти и научной общественности) философию хозяйства, а не экономику, обращая внимание не на финансовый характер экономики, а на хозяйство.

Определяющим в исследовании категории «хозяйство» является следующее утверждение Ю.М. Осипова: «“хозяйство” явно не сводимо к “экономике”, оно значительно богаче и сложнее по смыслу... Экономика — частный случай хозяйства, его особая реализация, специфическая организация» [8, 110 — 111], требующая разработки соответствующего управления. Сегодня значимость функционирования хозяйства определяется тем, что разрушен хозяйственный уклад жизни в угоду экономическому развитию (в разные периоды глобальной экспансии, начиная с 1990-х гг. — экономический рост, устойчивое развитие, открытая экономика). До сих пор насаждается основной принцип координации деятельности субъектов рыночной экономики — конкуренция, хотя уже во всех странах в законах определены условия адвокатирования (ограничения) конкуренции, такие как защита национальных интересов или ведущих игроков определенного рынка (антиконкурентный эффект).

В глобальной экономике координация осуществляется посредством курса валют, ставки рефинансирования и внедрения инноваций как управляющих параметров. Эта координация осуществляется через институты: кредитно-денежную систему, товарные биржи, конвертируемость валют, рынок инноваций и т. д. По нашему мнению, произошло преобразование координирующего принципа конкуренции в координационный аспект институтов для поддержания равновесия между антиконкурентным (ограничение конкуренции) эффектом и эффективной экономикой [14, 6]. Это равновесие, а не только равновесие спроса и предложения, возможно на основе неодирижизма, предложенном научной школой философии хозяйства.

Отличительной чертой и конкурентными преимуществами научной школы философии хозяйства являются прогностическая (форсайт) ценность результатов исследований, а также выработка собственных научных принципов, критериев и способов исследования экономики как части хозяйства. Кроме того, исследования велись и ведутся не в русле мейнстрима — экономика и его адаптации к современной экономической науке России, а в поиске и нахождении целей социально-экономического развития страны и средств их достижения.

Экспансия иностранного финансового капитала и деиндустриализация экономики привели ученых научной школы философии хозяйства к пониманию неодирижизма в управлении национальным государственно-корпоративным комплексом Российской Федерации.

В задачи неодирижизма в РФ входят: обеспечение стабильной социально-экономической жизни общества, а не сохранение и приращивание капитала; нивелирование колоссального разрыва между низшими и высшими слоями общества.

Формой реализации неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса выступает развитие кластеров и структур деловых сетей в регионах компактного проживания граждан РФ. С точки зрения неодирижизма мы видим возможности реализации его функций: 1) в кластеризации регионов РФ; 2) через контроль экономического пространства с целью соблюдения национальных интересов; 3) в государственной поддержке, состоящей в усилении значения для предпринимательских структур конкурентных преимуществ данной территории [15, 123].

Специфика неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса в России в настоящее время определяется синергетическим эффектом управления добавленной стоимостью национальных корпораций. В корпорациях должны быть выделены критические факторы успеха — «рычаги», управляющие параметры, с помощью которых можно будет осуществить переход к отказу от рентной экономики, основанной на краткосрочных финансовых вложениях и изъятию добавленной стоимости ведущими странами мира [12, 51]. Появилось новое выражение — *конку-РЕНТО-способность*, т. е. способность получить ренту, повлиять на ценообразование. Конкуренция в глобальном масштабе — не соперничество в установлении цены, а возможность влиять на цены. Произошла подмена экономических отношений психологическими, восприятиями, например, стоимости, которая воспринимается как цена товара или услуги [12, 53].

С 1990-х гг. функциональный подход к управлению экономическим развитием меняется на проектный. Проектное управление в масштабах страны и регионов позволяет решать вопросы неоиндустриализации и кластерного развития с целью достижения поставленных социально-экономических целей. Опыт национальных программ «Образование» и «Здравоохранение» (продолжающихся до сих пор) — как копирование (а не адаптация) американского опыта — привели к худшим показателям, чем до их реализации. Федеральные целевые программы также не улучшили социально-экономическую ситуацию в стране. Реализация отдельных проектов («Олимпиада — Сочи», космодром «Восточный») свидетельствует об их эффективности с точки зрения достижения цели. Международный опыт управления показывает, что в рамках целевых программ в связи с ограниченностью финансовых возможностей и рисков наступления кризисов целесообразно и эффективно использовать проектный подход. В рамках проектного подхода появляется возможность использовать инновационный потенциал и технологические разработки для обеспечения социальной справедливости, не ухудшая качество жизни граждан.

В настоящее время юридическое право (внеэкономическое принуждение) главенствует над хозяйственным, что недопустимо, так как жизнь и хозяйство не могут подчиняться законам, которые утверждают преобладающие политические группы. Отдельные субъекты могут таким образом приобретать экономическую власть, о недопустимости чего говорил еще В. Ойкен в послевоенной Германии. Экономическое соперничество за долю рынка и прибыли в российской действительности, как и в других странах, является атрибутом хозяйственной жизни, а не конкуренции (в рыночной традиции).

Понятие «рынок» — производное от латинского слова «mercatus», означает торговлю, покупку и продажу. В общепринятом значении под «рынком» понимается учреждение (институт), благодаря которому в определенное время и в определенном месте встречаются продавцы и покупатели для того, чтобы приобрести или продать товары. В таком изначальном значении этого слова рынок является одним из старейших институтов. Он существует с тех пор, как люди начали обменивать товары сначала без денег, а потом при их помощи. Конкуренция (соревнование, состязательность) как движущий механизм развития экономики не исчезает, но изменяется вслед за рынками. На протяжении существования рыночной экономики понятие «конкуренция» эволюционировало следующим образом: 1) «невидимая рука» (А. Смит); 2) совершенная конкуренция (А. Маршалл); 3) несовершенная конкуренция (Джоан Робинсон); 4) монополистическая конкурен-

ция (Э. Чемберлин); 5) конкуренция созидательного разрушения (Й. Шумпетер); 6) инновационная конкуренция (японская экономика, А. Ф. Хайек, М. Портер); 7) конкуренция как принцип экономической координации (А. Рих); 8) системная конкуренция (Л.П. Евстигнеева, Р.Н. Евстигнеев); 9) динамическая конкуренция (Ш. Браун и К. Эйзенхарт); 10) конкуренция как архетип (Р. Мэтьюз).

В теории хозяйства понятие рынка подверглось большим изменениям и стало в высшей степени абстрактным. Рынок подразумевает систему экономического обмена недостаточными благами, определяющую как основные отношения субъектов хозяйства, так и их решения в качестве потребителей и производителей, а тем самым уровень цен и объем производства того или иного товара. В зависимости от вида продаваемой продукции различают рынки различного рода, как, например, рынок потребительских товаров, рынок факторов производства, рынок ценных бумаг и т. д. Применение конкурентного механизма, основанного на критерии меньших затрат, к социальным институтам не гарантирует наилучших результатов, ведь самая дешевая школа или больница еще не обязательно лучшая.

В рыночной экономике возникает противостояние между стремлением предпринимателей увеличить прибыль и ее ограничением механизмами рынка. Это противостояние формирует силы, которые стремятся устранить заложенные в механизме конкуренции ограничения в получении прибыли. Таким образом, внутри рыночной системы существует тенденция к образованию сил, стремящихся ограничить конкуренцию и получить экономическую власть. Экономические интересы, выраженные в экономической власти отдельных группировок, образований, отражают границы возможностей функционирования рыночной экономики.

Наряду с сырьевой моделью развития появился дополнительно «транзитер», использующий свою территорию как транспортный коридор. Например, строительство платной автомобильной дороги «Усть-Луга — Китай» (от Казани до Китая уже действует): обоснование строительства автодороги было связано с грузоперевозками из Европы, а также с переориентированием морских перевозок из Финляндии (порт Котка) в порт Усть-Луга. Введенные экономические санкции эти планы нарушили, а эффективность перевозок не обеспечивается.

Наши размышления по поводу расширения границ экономики до хозяйства прерываются обоснованием Ю.М. Осиповым неоекономики как высшей на сегодня исторической формы экономики [4, 293]. До настоящего времени Ю.М. Осипов констатировал наступление

эпохи финансовики, оцифрованной стоимости (управленческо-эксплуататорской надстройки над хозяйственным процессом) [5, 13].

Ю.М. Осипов утверждает, что экономика перешла от стоимости «к экономике под стоимостью», чему сильно поспособствовали освобождение денег от самих же себя из-за отмены золотого денежного стандарта и высвобождение цен из самих же себя вследствие глобализации (обезграничивания) экономики. Все же экономика встроена в хозяйство! Но, поскольку экономика — плод (продукт) не просто сознания, а общественного сознания, это предполагает неограниченное пространство реализации, ее непрерывный поток (течение), как и нескончаемое своеволие [5, 17]. О новой роли денег, как превращения самого рыночного инструмента регулирования экономики в государственный рычаг регулирования рынка говорит М.И. Воейков [1, 35].

Деловые сети отражают современный этап расширения границ рыночной экономики, но не хозяйства. Интересы деловых сетей не согласуются с целями развития территорий приложения бизнеса. Формирование сетевого характера (деловые сети и кластеры конкурентоспособности) функционирования отраслевых комплексов соответствует сложившейся за последние двадцать лет структуре глобальной экономики. Границы экономики проявляются в том, что рыночные отношения подавляются управленческими решениями (координацией) внутри деловой сети («управленческий тоталитаризм» — в трактовке Ю.М. Осипова).

Ученые считают, что имеет значение модель экономики: спроса, предложения или иных. На наш взгляд, в современной экономике ведущую роль играют отношения собственности и контроля, а не модели развития экономики. Сложилась «экономическая» модель властных отношений по В. Ойкену, не способствующая социально-экономическому развитию, т. е. хозяйству. Поэтому становятся актуальными отношения воспроизводства, солидарности и созидания (хозяйства, а не экономики) в проектном управлении развития территорий в дополнение к локализации в кластерах конкурентоспособности.

Следует указать на опасность социально-экономического проектного управления развития регионов из бюджета России с иностранными инвестициями на концессионной основе из-за потерь объектов, так как эксплуатацию по договору осуществляют концессионеры уже как собственники. Придется опять национализировать созданные за счет бюджета объекты собственности (капитала инвесторов, так называемое софинансирование). Инструмент софинансирования юридически обосновывает переход государственной собственности в частную. Таким образом, капиталистические пути накроют территорию страны.

В научной школе философии хозяйства инициировано исследование национального государственно-корпоративного комплекса России (на основе неодирижизма — Ю.М. Осипов), который был разрушен в угоду якобы вхождения в круг развитых стран для комфортной жизни (как в Европе и США).

Насаждение в России рыночной модели в экономике без переходного этапа привело к значительной утрате промышленного производства. Обоснованием ликвидации российского производства выступило обоснование затратного производства в России по сравнению с другими регионами: «производить или покупать?». Свои производства после приватизации закрывались, приобреталось же все импортное. На самом деле, таким образом были ликвидированы конкуренты иностранным производителям. В результате в РФ работают сырьевая модель экономики, транзитер, спекулятивный финансовый сектор, включенный в глобальную финансовую систему.

Философия хозяйства рассматривает неоиндустриальную модель расширения границ экономики к хозяйству. Вместе с тем сторонники либерального подхода вместо неудавшейся модели «устойчивое развитие» предлагают модель «открытая экономика», в основании которой все те же спрос, предложение, свободное движение капитала и рабочей силы. Хотя уже всем стало ясно, что интересы глобального капитала, как правило, противоречат интересам развития регионов приложения этих капиталов.

На наш взгляд, избрана новая тактика экономики-бизнеса — инвестиции в проекты развития отдельных регионов. Например, в России основным инвестором является государство, осуществляющее социально-экономическое развитие регионов через систему государственно-частного партнерства на концессионной основе с последующей эксплуатацией объектов инвесторами. Иностранные инвесторы (часто через подставных лиц) становятся владельцами национальных инфраструктурных проектов (пример — строительство платной автомобильной дороги Усть-Луга — Китай). Необходимо создавать эти объекты с помощью населения на патриотической волне, а также выдавать сертификаты при рождении детей, выходе на пенсию, инвалидам с детства, работающим в разных сферах. Государственным чиновникам необходимо ввести ограничения.

Сегодня стало ясно, что новые достижения из развитых стран нам недоступны, поэтому необходимо их создавать своими силами. Использование тройной и четверной спирали является средством достижения такой цели, но на иной основе: не предпринимательской, а патриотической.

Реализуемая в РФ модель экономики предложения на основе экспортно-сырьевой модели сопровождается деиндустриализацией, а насущная потребность экономической и национальной безопасности состоит в инновационном обновлении материально-технической базы корпоративно-хозяйственного комплекса страны, переживающего нарастающие потери внутреннего производства. Насущная новая индустриализация в РФ не вписывается в инвестиционные модели получения в краткосрочном периоде прибыли от любых видов деятельности. Если же цель хозяйства, ориентированного на прибыль, — доход ради личного или коллективного обогащения, то этот мотив становится господствующим структурным принципом. Возникают факторы объективной необходимости и принуждения, источник которых лежит не в рациональной структуре хозяйственной деятельности как таковой, а в доминировании мотива обогащения и в соответствующем ему хозяйственном механизме.

Можно уже свидетельствовать, что проектное государство начало формироваться с инновационной системы на основе кластеров. Определены производственно-технологические комплексы и направления инвестиций уже определены. Эта модель может быть названа неиндустриализацией на новой технологической основе, или *неоиндустриальной моделью*. Формирующиеся в РФ инновационные кластеры показывают начало функционирования этой модели. Предполагалось, что одним из инструментов хозяйствования будет участие в электронных конкурсах российских предприятий в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ [3].

Современное развитие экономики различных стран не вполне отвечает запросам социально-экономического развития общества и отдельной личности. В этом отражаются границы рыночной экономики, которая не решает вопросы естественных монополий, образования (среднего, высшего, фундаментального), здравоохранения, инфраструктуры.

Границы как для теоретической, так и практической (технологической) экономики обозначились в указанных основных аспектах, поэтому и произошло формирование научной школы «Философия хозяйства» под руководством Ю.М. Осипова. Происходит постепенное движение от рыночной экономики с ее границами в сторону хозяйства, означающего жизнедеятельность людей. Экономика обращает внимание на финансовый характер, а философия хозяйства характеризует его как жизнь. Бытие человечества меняется, меняется и сам человек, но общая тенденция обусловлена хозяйственной деятельностью: от природы к неприроде (начиная с эпохи Просвещения в Западной Ев-

ропе). Материально-потребительскому существованию развитых стран мира противостоит духовно-морально-идейно позиция «хозяйства».

С.Г. Кара-Мурза обращает внимание на то, что за последние двадцать пять лет почти все общественные институты перестали выполнять свои привычные функции. Возникла система неформальных институтов, порочных кругов и лавинообразных процессов, которые приходится контролировать «ручным управлением» [2, 26]. ТеКара-Мурза предлагает выход из кризиса моделей развития начать с формирования небольшого числа интеллектуальных кластеров, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога [2, 29].

В стратегии развития России до 2020 г. экспертной группой предполагается расширение среднего класса, включающего врачей, учителей, профессиональных рабочих. В 1990-е гг., как и в 2000-е, вполне дирижистские, развития национального хозяйства и всего российского социума вообще не предполагалось, «вырваться теперь надо не столько из застарелой стагнации, сколько из новорожденного антиразвитийного тупика» [7, 7 — 8].

В современной Франции (применяющей дирижизм) национальные проекты носят структурный характер и направлены на сохранение и усиление конкурентоспособности страны на мировом рынке за счет развития наукоемких технологий и инновационной сферы. В России национальные проекты с 2000-х гг. носили в основном социально-ориентированный характер (здравоохранение, образование, жилищная политика, сельское хозяйство). Предпосылки для ухода от сырьевой зависимости и изменения структуры экономики появились в 2011 г. с принятием не только приоритетных национальных проектов, но и определением критических технологий, которые могут привести к росту ВВП и повышению конкурентоспособности страны на международной арене как элементы неодирижизма. Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики включился в научную работу по реализации национальных проектов, подав заявки на участие в конкурсах за счет бюджетного финансирования [13, 7].

Расширение границ рыночной экономики до границ хозяйства свидетельствует о востребованности концепции.

В заключение отметим, что управления расширением границ экономики до хозяйства определяется формированием сетевого характера (деловые сети и кластеры конкурентоспособности), функционированием отраслевых комплексов. Рыночные отношения подавляются управленческими решениями (координацией) внутри деловой сети. Конкурентоспособность в настоящее время является не только резуль-

татом слияния практики управления и моделей организации путем координации [9, 188], наиболее предпочтительных для данной страны, и источников конкурентных преимуществ данной отрасли (технологических и нетехнологических). Координация способствует процессу хозяйствования, а не только функционированию бизнеса-экономики, но не является рыночной, так как кроме денег и товаров в обмене главными становятся идеи и способы решения проблем (неолиберализм) национально-государственного комплекса. Неолиберализм и проектное управление способствуют хозяйствованию в регионах в соответствии с целями их развития.

Литература

1. *Воейков М.И.* Базовые предпосылки экономической теории реиндустриализации // Экономическое возрождение России. 2016. № 1 (47). С. 31 — 40.
2. *Кара-Мурза С.Г.* О модели кризиса и задачах обществоведения // Философия хозяйства. 2016. № 1. С. 22 — 29.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон РФ от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.
4. *Осипов Ю.М.* Неэкономика как высшая на сегодня форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 293 — 297.
5. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 9 — 26.
6. *Осипов Ю.М.* Экономика в лучах философии хозяйства // Философия хозяйства. 2003. № 2.
7. *Осипов Ю.М.* Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию // Философия хозяйства. 2012. № 5.
8. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антагонизм? // Философия хозяйства. 2002. № 3.
9. *Портер М.Э.* Конкуренция Пер. с англ.: Уч. пос. М.: Изд. Дом «Вильямс», 2000.
10. *Семенова Н.М.* Институциональные «провалы» рынка и государства в области финансирования реального сектора экономики // Производство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития. К 80-летию выхода в свет книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»: сборник тезисов докладов / Под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2016. С. 433 — 437.

11. Усик Н.И. Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
12. Усик Н.И. Конкурентоспособный Центр общественных наук // «Философия хозяйства». 2015. № 6.
13. Усик Н.И. Подходы к управленческим инновациям в предпринимательских структурах // *Экономика и экологический менеджмент*. Электронный научный журнал. 2012. № 2 // <http://www.open-mechanics.com/journals>.
14. Усик Н.И. Преобразование координационного принципа конкуренции // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. № 6 (285). Февраль.
15. Усик Н.И. Функции развития неодирижизма национального государственно-корпоративного комплекса РФ // *Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии* / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 2012.

References

1. Voyuykov M.I. Basic prerequisites of economic theory reindustrialization // *Economic revival in Russia*. 2016. No. 1 (47), pp. 31 — 40.
2. Kara-Murza S.G. On the model of crisis and social tasks / *Philosophy of Economy*. 2016. No. 1. S. 22 — 29.
3. On the contract system in the area of procurement of goods, works and services for public and municipal needs. Federal Law No. 44 05.04.2013-FZ.
4. Osipov Yu.M. Neoekonomika as a form for today's economy // *Philosophy of Economy* 2016. No. 2. P. 293 — 297.
5. Osipov Yu.M. Economic Gnosis: from erring abstract theorizing to adequate view of reality // *Philosophy of Economy*. 2016. No. 2. C. 9 — 26.
6. Osipov Yu.M. Economy in the rays of philosophy // *Philosophy of Economy*. 2003. No. 2.
7. Osipov Yu.M. Postreformizm to please Russia: torn parts to development // *Philosophy of Economy*. 2012. No. 5.
8. Osipov Yu.M. and economy: the unity of contradiction. antagonism? / *Yury Osipov* // *Philosophy of Economy*. 2002. No. 3.
9. Porter M.E. *Competition*. M.: Izd. Home «Williams», 2000.
10. Semenova N.M. Institutional «failures» of the market and the State in the area of financing real economy // *Reproduction of Russia in XXI century: dialectics of controlled development*. The 80-th anniversary of the publication of the book J.M. Keynes' general theory of employment,

interest and money: Book of abstracts. R.m. Nureyev, M.I. Al'pidovskoj. M: financial University, 2016. P. 433 — 437.

11. *Usik N.I.* Research relevance category «economy» in modern society // *Philosophy of Economy*. 2012. No. 4.

12. *Usik N.I.* Competitive Centre of social sciences // *Philosophy of Economy*. 2015. No. 6.

13. *Usik. N.I.* Approaches to management innovation in enterprise structures // *Economics and Environmental Management*. Electronic Scientific Journal. 2012. No 2. // <http://www.open-mexanics.com/journals> free

14. *Usik N.I.* Conversion coordination principle of competition // *Regional Economy: Theory and Practice*. 2013. No. 6 (285). February.

15. *Usik N.I.* Neodirizizma development Functions of the national public-corporate complex RF // *Innovative Development of Economy of Russia: Scenarios and Strategies / Moscow State University*. 2012.

С.В. КАЙМАНАКОВ

Многоуровневый подход к исследованию эффективности производства и экономической безопасности

Аннотация. Продолжающаяся в России рецессия как следствие усиления различного рода угроз требует переосмысления определенных хозяйственных явлений и процессов. Как следует анализировать эффективность национальной экономики и ее безопасность в современных условиях? Авторское видение методологии такого анализа представлено в данной статье.

Ключевые слова: многоуровневый подход, эффективность производства, приведенные затраты, производительность труда, конкурентоспособность, экономическая безопасность, пороговое значение.

Abstract. The ongoing recession in Russia as a result of amplification of different kinds of threats requires a rethinking of certain economic phenomena and processes. How should analyze the effectiveness of the national economy and security in today's conditions? Copyright vision of the methodology of the analysis presented in this article.

Key words: multi-level approach, production efficiency, reduced costs, productivity, competitiveness, economic security, the threshold value.

Сложности в российской экономике, вызванные нарастающими внутренними проблемами и усугубленные в последние годы внешними неблагоприятными факторами, заставляют еще раз внимательно присмотреться к качественным характеристикам экономической системы, к методологическим, теоретическим и практическим вопросам ее исследования. Представим свое видение таких вопросов на примере таких двух принципиально важных для национальной экономики категорий, как эффективность производства и экономическая безопасность.

Эффективность производства. Под эффективностью вообще можно понимать некую целедостижимость. Если производство в конечном итоге должно служить удовлетворению потребностей людей, то и соотношение произведенной продукции и общих потребностей, иначе говоря, степень удовлетворения этих потребностей по объему, структуре и качеству должна характеризовать уровень эффективности. В рыночной экономике общие потребности принимают форму платежеспособного совокупного спроса. Тогда речь может идти о соотношении совокупного спроса и совокупного предложения.

Более распространенное представление об эффективности вообще основано на сравнении выхода некоей системы и ее входа. Для экономики это соотношение результата и затрат на его получение. Для макроэкономического (национального) уровня в качестве результата чаще всего используется валовый внутренний продукт (ВВП). А вот затраты бывают как текущие, так и капитальные. Одно время были попытки свести оценку эффективности производства к одной формуле — соотношению общественного продукта к приведенным затратам. Последние исчислялись как сумма текущих затрат и основного капитала, умноженного на нормативный коэффициент эффективности. Этот коэффициент, в свою очередь, брали в качестве обратной величины к нормативному сроку окупаемости.

С точки зрения теории порог приведенных затрат состоит в смешении процессов создания потребительной стоимости и формирования издержек. На самом деле эмпирическая связь между двумя видами затрат есть превращенная, искажающая действительные процессы форма взаимодействия производственных ресурсов (капитала и рабочей силы), их взаимозамещения. Причем в действительности замещение текущих затрат основным капиталом происходит в сравнительно узких пределах, в приростной зоне. Кроме того, если брать ВВП в динамике, то будет меняться структура основного капитала и соответственно нормативный коэффициент эффективности. Тогда устраняется сама возможность «соизмерения» текущих и капитальных

затрат. (При тождестве эффекта и сроков исполнения показатель сравнительной экономической эффективности капитальных вложений, используемый при выборе лучшего из вариантов решения технических и хозяйственных задач, вполне применим.)

В отличие от такого «плоского» и одномерного подхода мы считаем, что экономическую эффективность нужно рассматривать на трех уровнях. Для создания общественного продукта в единстве его количественных и качественных характеристик требуются ресурсы: материальные, природные и трудовые, обладающие определенным экономическим потенциалом. Вступая во взаимодействие друг с другом, ресурсы становятся факторами производства. И конечным результатами (потребностям), и факторам производства присущи дополняемость и взаимозаменяемость. Экономическая эффективность производства на *первом* ресурсном уровне выражается через отношение общественного продукта к совокупности взаимодействующих ресурсов (факторов). Это первый и достаточно поверхностный уровень эффективности.

На втором, сущностном, уровне необходимо выяснить действительную, т. е. неравнозначную роль производственных факторов. Глубинную основу производства образует процесс труда. При его осуществлении природные и часть материальных факторов выступают в качестве предмета (материала) труда, другая часть материальных факторов — в качестве средства труда, трудовой фактор — в качестве субъекта труда. В трудовом процессе субъект труда посредством средства труда воздействует на предмет труда. В результате создается продукт труда. Роль человека в этом процессе уникальна. Нисколько не отрицая «соответственного участия» вещественных факторов и не умаляя их значения в процессе труда, необходимо подчеркнуть, что они обладают «пассивным содержанием» по отношению к живому труду. Ведь они не сами по себе реализуют свое предназначение, а именно трудовая деятельность «заставляет их играть роль своего материала и своего средства». Активно преобразовательную роль живого труда можно разложить на следующие взаимосвязанные составляющие: интеграция факторов в единое целое, приведение в движение вещественных факторов, активное начало в изготовлении потребительной стоимости определенного качества как содержания всего процесса. На *втором*, сущностном, уровне эффективность производства находит свою меру в производительности труда, то есть соотношении общественного продукта и живого труда.

В некоторых публикациях и даже в учебниках производительности труда отведена роль частного показателя эффективности. Оче-

видно, что при такой трактовке, во-первых, игнорируется многоуровневая структура важнейшей экономической категории, во-вторых, фактически отрицаются интегративные свойства производительности труда, являющейся в действительности первоосновой изменений в других уровнях эффективности производства. Хотя повышение сущностной эффективности вызывается системным воздействием факторов, т. е. с учетом их взаимопереплетения, тем не менее она имеет исходную, глубинную причину своего возрастания. Таковой является человеческий фактор, его всемерная активизация. Собственное значение человеческого фактора в качестве средства увеличения сущностной эффективности наиболее явственно проявляется в том, что ее рост может происходить при сравнительно неизменных естественных, материальных, естественных и организационно-экономических условиях осуществления труда. Именно он прямо или через различные опосредования приводит к изменениям в других факторах повышения производительности труда и их соотношении, выступает движущей силой этого процесса. Без должного учета и создания благоприятных условий для функционирования человеческого потенциала весь комплекс факторов роста эффективности труда не сможет работать на полную мощность. Усиление воздействия человеческого фактора на повышение индивидуальной, локальной и общественной производительности труда в современных условиях достигается различными путями. Кроме внешних условий роста *индивидуальной* эффективности труда, связанных с использованием высокопроизводительной техники, инновационных материалов, новых форм материального стимулирования, в настоящее время все большее значение приобретают внутренние побуждения работников к содержательному труду, к решению творческих задач, что требует введения эффективных систем продвижения персонала к более сложным видам деятельности. Увеличение *локальной* производительности труда основано, прежде всего, на преимуществах кооперативного характера труда, на возникающих при этом трех эффектах; суммарном, синергическом и эффекте создания новой производительной силы. Свои особые источники возрастания имеет и *общественная* производительность труда. В первую очередь ее динамика определяется объемом, качеством (образованием и производственным опытом) и прогрессивностью структуры совокупного работника общества, его концентрацией на крупных и эффективных предприятиях, сосредоточением в перспективных регионах, а также усилением кооперационных связей между хозяйствующими субъектами.

Результаты общественного производства с позиции всей национальной экономики подразделяются на готовые продукты (средства

труда и предметы потребления) и незавершенные продукты (сырье, полуфабрикаты). Процесс образования любого готового продукта и общих затрат на него происходит по ступеням производства от исходного через промежуточный к финишному ярусу экономики. В каждом последующем звене он подвергается обработке, впитывает в себя затраты, переносимые с закрепленных в этом звене средств труда (амортизацию) и добавляемые живым трудом, повышается степень его готовности. Совокупность готовых продуктов (или результатов производства предприятий финишного яруса экономики) составляет готовую общественную продукцию. Она вместе с годовым объемом услуг образует ВВП. На *третьем, затратном, уровне* экономическая эффективность принимает вид отношения общественного продукта к общим затратам живого и овеществленного труда. Модель многоярусной экономики позволяет наглядно показать, каким образом может происходить снижение общих затрат. Во-первых, экономией затрат живого труда, во-вторых, более полным использованием задействованных средств и предметов труда. В этом случае на продукт будет переноситься меньше овеществленного труда. В-третьих, применением более дешевых на единицу мощностей машин, оборудования, качественных и менее дорогих сырья, материалов, полуфабрикатов. Объем затрат, содержащихся в средствах производства, которые поступают на данное предприятие, определяется производительностью труда на предприятиях-поставщиках. Именно живой труд, его производительность первопричина всех изменений. Полученная всеми тремя способами экономия затрат будет поэтапно накапливаться при переходе от начальной к конечной стадии и достигнет максимальной величины на финишных предприятиях.

Выделение трех уровней экономической эффективности, имеющих собственное содержание, не отрицает целостности исследуемой категории как меры использования ресурсов, труда и затрат. Все ее три уровня имеют общее содержание, выражающееся в необходимости «достигать производственной цели с наименьшей затратой средств».

И ресурсный, и затратный уровни подчинены сущностному уровню эффективности и в определенном смысле сводимы к нему. Улучшение качества ресурсов (факторов) и нахождение оптимальной комбинации между ними, в конечном счете, направлены на увеличение производительности труда. Повышение затратной эффективности вызывается ростом сущностной эффективности.

Целостность эффективности производства проявляется и в сходстве ее критериев: у них общий числитель — общественный продукт (ВВП), знаменатель тоже имеет единую основу — общественный

труд (правда, он предстает в разных конкретных формах: в виде взаимодействующих ресурсов, живого труда, совокупных затрат). Расчеты показывают, что все три критериальных показателя экономической эффективности имеют хоть и разную, но схожую динамику, причем и факторы роста этих показателей действуют в одном и том же направлении.

В этой связи вызывает некоторое удивление изменение места России в рейтинге глобальной конкурентоспособности, составляемом Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). В 2014 г. РФ поднялась по этому рейтингу с 64 до 53 места, в 2015 — с 53 до 45 места, в 2016 — с 45 до 43 места [5]. В то же время производительность общественного труда составила в 2014 г. 100,9% от предыдущего года (т. е. в пределах статистической погрешности), в 2015 г. — 96,8% от 2014 г. В 2016 г., по прогнозу Минэкономразвития, ожидается падение ВВП на 0,6%, значит и производительность труда вряд ли превысит уровень прошлого года. Кроме того, с 2013 г. в РФ постоянно падает фондоотдача, которая может рассматриваться как превращенная форма производительности труда. А ведь такой известный специалист по проблемам международной конкуренции, как М. Портер, утверждает: «Единственная разумная концепция конкурентоспособности на национальном уровне — это производительность» [4, 168]. Получается, что основа роста конкурентоспособности всей экономики — производительность труда — за три последних года фактически снижалась, а сама конкурентоспособность возросла так, что Россия за это время «перепрыгнула» сразу на 20 ступенек вверх по рейтингу ВЭФ.

Экономическая безопасность. Эту категорию, отражающую важнейшую сторону национальной экономической системы, а именно, ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам, также лучше всего анализировать с позиции многоуровневого подхода. Такой анализ был сделан нами в предыдущей публикации [3, 236 — 243]. Здесь мы оценим различные элементы трех уровней эффективности производства с позиции экономической безопасности. Проведем собственные расчеты на основе последних статистических данных Росстата, сравнивая фактические значения показателей безопасности за 2015 г. [5] с их пороговыми значениями. Последние взяты из представленных в литературе систем измерения разных видов экономической безопасности [2, 290; 1, 19 — 22].

Ресурсный (первый) уровень эффективности (соотношение макроэкономического результата и взаимодействующих ресурсов). Результат общественного производства с позиции динамической безопасности: *темп роста ВВП* составлял 97,3% (при пороговом значе-

нии 106%), т. е. российская экономика находилась (и продолжает находиться) в фазе рецессии. Пороговое значение (6% годового прироста ВВП) примерно равно среднесрочному прогнозному темпу прироста ВВП нашего ближайшего соседа и мирового экономического лидера Китая. Но уже сейчас понятно, что разрыв в динамике ВВП между нашими странами продолжает увеличиваться. Структурная безопасность: *доля обрабатывающих отраслей* в промышленности составляла 67% (пороговое значение 70%), а *удельный вес машиностроения* в промышленности 12,5% (пороговое значение 25%), т. е. ровно в 2 раза меньше. Для сравнения — в некоторых индустриально развитых странах машиностроительный комплекс занимает и 30%, и 40 и 45% от всей промышленности.

Ресурсы: о производительности наличного основного капитала можно судить по показателю *износа основных фондов*. При пороговом значении 40% для всей экономики он составлял 50,5%, причем для отраслей добычи полезных ископаемых 56,3, рыболовства, рыбоводства — 57,9, строительства — 53,5, транспорта и связи — 59,1, образования — 53,0, здравоохранения — 57,4. Чтобы стимулировать экономический рост и, соответственно, повышение эффективности производства необходимо увеличить *долю инвестиций в основной капитал* в ВВП, как минимум, на 7%. Фактические объемы инвестиций в основной капитал (% к ВВП) составляли 18% при пороговом значении 25%. Хотя для масштабной модернизации экономики путем неоиндустриализации, в чем остро нуждается Россия, за ориентир следует взять 30% и выше, поскольку именно при таких величинах отсталые ранее страны (Япония, Южная Корея, Китай) совершили технологический рывок и добились значительных успехов в социально-экономическом развитии.

Проведение денежными властями во имя финансовой стабилизации фактически политики стерилизации (т. е. в прямом значении слова «лишение способности к воспроизводству») денежной массы привело к многолетнему хроническому дефициту денег в экономике. Так, *уровень монетизации (M2)* на конец года (% к ВВП) составил 44% при пороговом значении 75%. При этом в некоторых странах (например, в Канаде, Швейцарии, Великобритании, Японии, Китае, Республике Корея, Малайзии) при сопоставимом или меньшем уровне инфляции этот показатель превышал 100%.

Второй уровень эффективности — производительность общественного труда. На этом уровне общественный продукт рассматривается как результат труда различной квалификации. Высококачественный труд должен себя реализовать в производстве инновационных

товаров, выполненных работ, услуг. Доля отгруженной инновационной продукции в процентах ко всей промышленной продукции составила 8,4% при пороговом значении 30%. Что касается мирового рынка наукоемких товаров, то удельный вес российской высокотехнологической продукции на нем всего 0,3%, что ниже порогового значения 3% ровно в 10 раз.

Затраты живого труда. Для того, чтобы производить высокотехнологическую продукцию, нужно чтобы все больше занятых трудились в наукоемких секторах экономики. Вот как об этом пишет М. Портер: «Особый интерес для нас представляют детерминанты успеха на международном уровне в сегментах и отраслях, соответствующих высоким технологиям и способствующих достижению высокой и всевозрастающей производительности» [4, 170]. Доля инновационно-активных предприятий в общем числе организаций в России составила 10,9% при пороговом значении 40%. Высококвалифицированный труд требует предварительного повышения затрат на внутренние научные исследования и разработки. В современных условиях расходы на научные исследования должны составлять как минимум 3% к ВВП, у нас они были 1,13%. Для сравнения в 2014 г. этот показатель был в Израиле 4,21%, Республике Корея — 4,15, Японии — 3,42, Финляндии — 3,31, Швеции — 3,30%. Конкурентоспособную продукцию может производить только здоровая, образованная и культурно продвинутая рабочая сила. Поэтому и средства на развитие соответствующих отраслей необходимо выделять в достаточном количестве. Общие затраты на здравоохранение, образование и культуру необходимы в размере 15% от ВВП, в РФ они всего 8%. Загрузка трудового фактора — уровень безработицы — составила 5,6% (пороговое значение 4%).

Третий уровень эффективности — соотношение общественного продукта и общих затрат труда. Что касается характеристик результата общественного производства с позиций экономической безопасности, то они были рассмотрены выше. На теоретическом уровне в отношении общих затрат должна действовать следующая закономерность: с ростом производительности труда доля живого труда уменьшается, доля прошлого труда увеличивается, но общая сумма затрат труда уменьшается. Поскольку в чистом виде затраты должны выражаться в цене, постольку темп роста цен всех товаров должен отставать от увеличения общей массы общественного продукта (физического объема ВВП). Но на цену в реальности оказывают воздействие многие факторы, в том числе степень монополизации экономики. Поэтому в 2015 г. при падении ВВП на 3,7% индекс-дефлятор ВВП составил 107,7%,

индекс цен промышленной продукции — 110,7, индекс цен сельскохозяйственной продукции — 108,5%. В отношении цен на потребительские товары в силу особой важности этого показателя как для макроэкономики, так и для социальной устойчивости, в концепции экономической безопасности было введено пороговое значение 106%. В России фактическое значение *индекса потребительских цен* составило в прошлом году 112,9%.

Подводя общий итог, следует отметить, что многоуровневый подход, использованный при анализе эффективности производства, позволяет дать объемное представление об этой первостепенной важности категории, выявить различие и единство ее уровней, проследить прямые и обратные связи между ними. Наложение на эти уровни оценочного аппарата экономической безопасности, которая сама имеет многоуровневое строение, через сравнение фактических и пороговых значений критериальных показателей, способствует обнаружению проблемных узлов (угроз, опасностей) в процессе развития экономики. Тем самым такая сигнальная система дает возможность через разработку и реализацию комплекса соответствующих мероприятий оперативно нейтрализовать или минимизировать данные негативные факторы. В этом состоит практическая значимость изложенного подхода.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Создание системы обеспечения экономической безопасности и управления развитием России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 4.
2. *Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова.* М.: «Анкил», 2013.
3. *Кайманаков С.В.* Применение системного подхода к исследованию национальной экономической безопасности России // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова): Сборник статей. М., 2016.
4. *Портер М.* Конкуренция: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000.
5. Федеральная служба государственной статистики // URL: <http://www.gks.ru/>.
6. Global Competitiveness Index // URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/>

References

1. *Glaz'ev S.Yu.* Sozdanie sistemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti i upravleniya razvitiem Rossii // Menedzhment i biznes-administrirovaniye. 2015. № 4.
2. Innovatsionnye preobrazovaniya kak imperativ ustoichivogo razvitiya i ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii / pod red. V.K. Senchagova. M.: «Ankil», 2013.
3. *Kajmanakov S.V.* Primenenie sistemnogo podhoda k issledovaniyu nacional'noj jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Lomonosovskie chteniya — 2016». «Jekonomicheskaja nauka i razvitie universitetskikh nauchnyh shkol» (k 75-letiju jekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova): Sbornik statej. M., 2016.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2016.
4. *Porter M.* Konkurentsiya: Per. s angl. M.: Izdatel'skii dom «Vil'yams», 2000.
5. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki // URL: <http://www.gks.ru/>.

Е.В. КУПЧИШИНА

Некоторые аспекты формирования институциональной инфраструктуры цифровой экономики

Аннотация. Чтобы экономическая система была способна оперативно реагировать на вызовы современного экономического развития, необходимы не только технологические инновации — требуются изменения институционального характера. Успешность цифровой трансформации во многом зависит от институтов, способных создать условия для перехода к инновационному типу развития. Современная практика показывает, что процесс создания институциональной инфраструктуры цифровой экономики неочевиден и не лишен «подводных камней» как в развитых, так и развивающихся странах. Статья является продолжением исследования цифровой экономики как феномена современной экономической действительности. Ее цель — выявление особенностей формирования институциональной инфраструктуры, способствующей цифровой трансформации. На примере инициа-

тив Европейского союза и Стратегии единого цифрового рынка как одного из наиболее существенных компонентов цифрового развития ЕС посредством институционального анализа выявляются факторы, препятствующие развитию цифровой экономики. В качестве примера успешной реализации концепции цифровой трансформации в статье уделяется внимание опыту Норвегии, отмечаются современные приоритетные направления цифровизации и ее результаты в данной стране.

Ключевые слова: цифровая экономика, институциональная инфраструктура, цифровая платформа, Стратегия единого цифрового рынка ЕС, трансграничная электронная торговля.

Abstract. To ensure the ability of economic system to respond quickly to the challenges of modern economic development, not only technological innovations are required — the need for institutional changes is obvious. The successful accomplishment of digital transformation heavily depends on the institutions that enable to create conditions for transition to the innovative type of development. Modern practice confirms that the process of the digital economy institutional infrastructure development is non-trivial and is full of “pitfalls” in both developed and developing countries. The article is a continuation of the study of the digital economy as a phenomenon of modern economic reality. The goal of this article is to determine the peculiarities of institutional infrastructure development that facilitates digital transformation. Based on the example of European Union’s initiatives and, in particular, Digital Single Market Strategy (DSM) as one of the most significant components of EU digital development, the factors hindering the development of the digital economy are identified by means of institutional analysis. The experience of Norway as an example of digital transformation concept’s successful implementation, modern priorities and the results of digitalization in the country are concerned.

Key words: digital economy, institutional infrastructure, digital platform, EU Digital Single Market Strategy (DSM), cross-border e-commerce.

Роль научно-технического прогресса в формировании условий для качественного экономического роста и повышения благосостояния населения сложно переоценить. В настоящее время нематериальные активы, технологические инновации и информационно-коммуникационные технологии выступают необходимой составляющей для укрепления конкурентоспособности экономики на глобальном рынке. Одним из источников роста, формирующим среду для разработки высокотехнологичных благ, сегодня является цифровая экономика как фаза развития инновационной экономики.

Вместе с тем развитию цифровой экономики во многом может способствовать формирование целостной институциональной инфраструктуры. В исследованиях ряда отечественных экономистов особое место отводится современной тенденции виртуализации хозяйственных процессов и подчеркивается, что создание конкурентных преимуществ, которые может предоставить цифровая экономика, подразумевает осуществление в том числе изменений институционального характера [1; 2].

Утверждение, что экспериментирование с институциональными инновациями выступает неотъемлемым компонентом управления развитием, основанным на информационно-коммуникационных технологиях [9, 137], столь же применимо к созданию институциональной инфраструктуры цифровой экономики. В отношении последней стоит отметить, что современной экономической действительности известно не так много подходов к ее формированию. В этой связи примечателен подход, разрабатываемый и имплементируемый на территории Европейского союза (ЕС) и сопряженных с ним государств.

Вопрос формирования единого цифрового рынка ЕС, вызванный ожесточающейся конкуренцией со стороны США и Китая (в 2014 г. доля интернет-экономики по отношению к ВВП в вышеуказанных странах составляла 6,3 и 4,7% соответственно) и относительно низкой эффективностью европейского цифрового сегмента экономики, фактически способствовал преобразованию Европейской комиссией одного из существенных компонентов институциональной инфраструктуры — нормативно-правовых основ экономической деятельности онлайн, в том числе ведения цифрового бизнеса и электронной торговли.

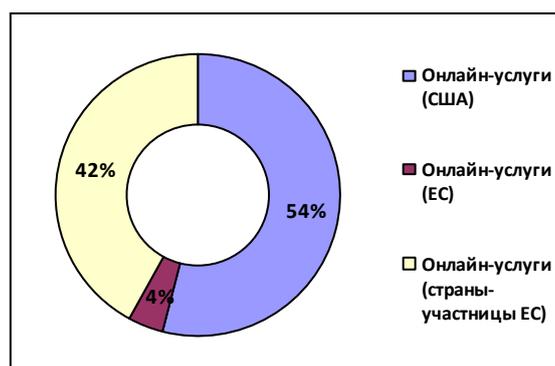

Рис. 1. Рынок онлайн-услуг ЕС (по происхождению) (2015) [7]

Учитывая конкурентные преимущества функционирования не разрозненных экономических агентов, а участников единого европейского цифрового рынка, органы власти разработали соответствующую стратегию — Digital Single Market Strategy (DSM) [5]. Данная стратегия призвана преодолеть законодательные барьеры европейских стран для цифрового бизнеса, создать условия для новых рабочих мест, подготовки специалистов, обладающих необходимыми для цифровой трансформации знаниями и навыками для обеспечения экономического роста в будущем и сохранения возможностей занятости населения.

От реализации рассматриваемой стратегии ожидают существенных результатов в качестве темпа роста ВВП ЕС на 40% к 2020 г. Отмечается, что цифровая экономика могла бы позитивно сказаться на рынке труда: так, в период 2015 — 2020 гг. ожидается увеличение количества рабочих мест в ЕС от 1,6 до 2,3 млн [3, 4].

В соответствии с разработанной Европейской комиссией концепцией, основу Стратегии единого цифрового рынка ЕС составляют три ключевых направления деятельности:

- обеспечение доступа к цифровым товарам и услугам для потребителей и предприятий во всей Европе;
- создание благоприятных условий для развития цифровых сетей и создания инновационных услуг;
- увеличение потенциала цифровой экономики ЕС.

В целом, вышеуказанная Стратегия направлена на достижение следующих целей:

- упрощение правил онлайн-покупок для потребителей;
- обеспечение равного доступа к онлайн-контенту и услугам вне зависимости от местонахождения в ЕС;
- стимулирование развития цифровых компетенций и образования, связанного с цифровой трансформацией;
- предоставление большего спектра возможностей для создания инновационных компаний;
- повышение оперативности в принятии решений общесоюзного уровня касательно политики защиты данных;
- стимулирование реформы телекоммуникационной отрасли;
- изменение, упрощение и повышение прозрачности нормативно-правовых основ интеллектуальной собственности с учетом новых технологий.

Особое внимание в практическом приложении Стратегии органами власти уделяется созданию среды для разработок новых бизнес-моделей и инновационных технологий в сочетании с продуманной

экономической политикой, а также преодолению препятствий для экспорта в рамках внутривосточного рынка (в том числе повышение эффективности доставки товаров и осуществления трансграничных платежей, упрощение налогообложения). Не менее важной составляющей данной стратегии является применение сильных сторон цифровой трансформации в разнообразных сферах и вопросах государственного управления, в частности, цифровизации здравоохранения, государственных финансов, образования и ряда других сфер.

Европейской комиссией уделяется внимание и полезности использования опыта стран Юго-Восточной Азии в развитии цифровой экономики, а европейским комиссаром по цифровой экономике и общественным вопросам Г. Г. Эттингером выражается готовность ЕС к совместному проведению цифровой революции с рядом стран. Так, России, Норвегии, Украине и Швейцарии предлагается разработка общей системы обмена информацией по ряду направлений деятельности.

При всей масштабности поставленных целей Стратегия единого цифрового рынка не лишена недостатков: так, в настоящее время не уделяется значительное внимание определению приоритетов направлений деятельности по формированию рассматриваемого рынка, что во многом может воспрепятствовать достижению поставленных целей. Кроме того, предложения стран-участниц ЕС, касающиеся разработки нормативно-правовых основ и механизмов регулирования (в том числе инструмент саморегулирования) существенно отличаются, что потребует разработки гибких решений в сфере регулирования единого европейского цифрового рынка.

Анализ готовности стран-участниц ЕС и сопряженных с ними государств позволил выделить ряд факторов, препятствующих формированию единого цифрового рынка Европейского союза:

- нормативные барьеры: различия законодательных норм и экономической политики стран-участниц ЕС (в частности, норм, касающихся налога на добавленную стоимость, защиты персональных данных, требований к эксплуатационной безопасности товара и стандартов предоставляемых услуг) препятствуют продвижению товаров и услуг того бизнеса, для которого привести их характеристики в соответствие с нормами, установленными конкретным государством, не представляется возможным. Кроме того, нередко покупатели не могут совершать онлайн-покупки в том числе ввиду нечеткого разграничения прав и обязанностей сторон и, как следствие, повышения риска невозврата средств ввиду «навязывания» продавцом ряда ограничений на сделку (например, ввиду стремления продавца к оптимизации налоговых отчислений последний может ограничить покупателя в способах

оплаты предмета сделки). Примечательно, что с барьерами нормативного характера связывают и культурные аспекты законодательных норм — так, от государства к государству в Европе возможно заметить национальные отличия в процессе производства и особенностях трудовой деятельности [4, 10];

- **экономические барьеры:** продвижению бизнеса на рынки стран-участниц ЕС нередко препятствуют высокие издержки входа на новые рынки (в том числе организационные расходы, затраты на ресурсы и т.д.);

- **технологические барьеры:** в настоящее время доступ к различным товарам и услугам отличается в зависимости от местоположения покупателя — в частности, возможность приобретения тех или иных товаров (в том числе цифрового контента) и услуг блокируется либо изменяется в зависимости от географического расположения (стоит отметить, что вышеуказанное во многом является следствием законодательных ограничений).

Следует отметить, что Стратегия единого цифрового рынка ЕС подразумевает разработку соответствующих программ действий на национальном уровне. При этом существенное значение в данном направлении деятельности придается авангарду европейской цифровизации (Швеция, Дания, Финляндия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Ирландия, Эстония, Норвегия) — странам с наиболее высокими показателями экономической деятельности, осуществляемой посредством интернета.

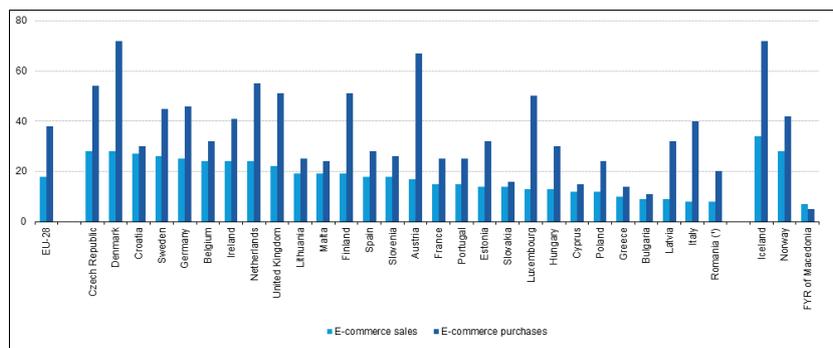

Рис. 2. Объемы интернет-торговли в Европейском союзе и сопряженных странах (% предприятий, 2013 г.; данные по Румынии приведены за 2012 г.) [7]

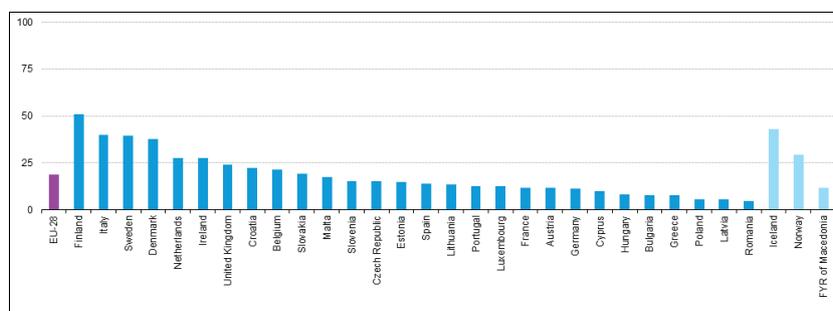

Рис. 3. Использование облачных сервисов в Европейском союзе и сопряженных странах (% предприятий, 2014 г.) [7]

Предполагается, что содержательно данные программы должны освещать вопросы и пути осуществления цифровизации бизнеса и государственного управления, стимулирования интеграции экономических агентов стран — участниц ЕС и сопряженных стран в единый цифровой рынок, а также развития цифровых компетенций.

Одним из наиболее ярких примеров из ныне существующих программ является национальная программа цифровой трансформации, содержание которой отражено в правительственном аналитическом докладе «Программа цифровизации Норвегии. ИКТ для роста и создания добавленной стоимости» («Digital agenda for Norge. IKT for vekst og verdiskaping»). Изложенные в данном документе положения с 2013 г. реализуются в стране, хотя формально и не входящей в состав ЕС, но являющейся европейской страной, демонстрирующей существенные достижения в области цифрового развития — Королевства Норвегия [6].

В соответствии с вышеуказанным докладом, в качестве одной из основных целей правительством Норвегии поставлено использование ИКТ и интернета населением для последующего создания продуктов с высокой добавленной стоимостью и разработки инноваций. Кроме того, поставлена цель преобразования норвежского рынка услуг, основанных на ИКТ, в один из лидирующих рынков на глобальном уровне, а общества — в общество граждан, полностью обеспеченных доступом в интернет, — потенциальных потребителей цифровых благ, предлагаемых игроками рынка, обладающих знаниями о том, как обеспечить охват целевой аудитории своими продуктами. Государству отводится активная роль одного из основных покупателей цифровых решений и услуг. Особое место отводится формированию у населения цифровых

компетенций — в процессе достижения данной цели подчеркивается важность повышения престижности среди молодого поколения математического и ИТ-образования, повышение осведомленности в вопросах информационной безопасности [6, 7]. Доклад посвящен широкому кругу вопросов — от роли цифровизации науки и образования до технических аспектов цифровизации и влияния ИКТ на окружающую среду, однако в рамках настоящей статьи целесообразно сконцентрироваться на институциональных изменениях в бизнесе и государственном управлении.

В этой связи стоит отметить, что ИКТ-отрасль имеет существенное значение для норвежской экономики: так, согласно статистическим данным 2010 г., совокупный оборот данной отрасли достиг 202 млрд норв. крон, добавленная стоимость благ — 79 млрд норв. крон, что составило примерно 5% валовой добавленной стоимости. Учитывая необходимость упрощения доступа норвежских субъектов хозяйственной деятельности (как производителей, так и покупателей) к достаточно удаленным от страны рынкам (прежде всего, к рынку ЕС), правительством принято решение усовершенствовать законодательные основы ведения бизнеса таким образом, чтобы исключить перекладывание на бизнес бремени лишних издержек и преобразовать государственные услуги в инструмент повышения добавленной стоимости. Одной из наиболее существенных для бизнеса законодательных инициатив выступило право выбора формы хранения данных у хозяйственной деятельности, а также внедрение цифровой платформы Altinn, устанавливающей единые правила подачи налоговой отчетности и одновременно выступающей в качестве платформы для предоставления государственных услуг.

Правительство Норвегии принимает активное участие и в модернизации правил международной электронной торговли. Так, подверглось корректировке Соглашение об информационных технологиях (The Information Technologies Act), подписанное 70 странами-участницами ВТО, объем продаж ИТ-решений которых составил 97% от мирового. В частности, особое внимание уделялось согласованию перечня ИТ-решений, импорт которых не будет облагаться налогами.

Повышение спроса на товары и услуги, реализуемые онлайн (так, в 2011 г. экономическими агентами Норвегии приобретено товаров и услуг общей стоимостью 22 млрд норв. крон), и сравнительно активное участие норвежских покупателей во внешних рынках поставили перед правительством вопрос о необходимости модернизации норвежского законодательства в части защиты персональных данных, интеллектуальной собственности, а также прав потребителя в условиях

трансграничной торговли. Увеличение доли цифровых платежных транзакций и необходимость дальнейшего развития цифровых платежных систем в 2010 г. поспособствовали внесению изменений в Закон о платежных системах (Payment Systems Act), устанавливающий предоставление равного доступа новым экономическим агентам к цифровым платежным системам.

Стоит отметить, что в настоящее время ряд вопросов, связанных с трансграничной онлайн-торговлей, требует дальнейшей проработки в том числе и на общеевропейском уровне — в частности, присутствует необходимость разработки единого стандарта электронной подписи, внесения изменений в европейское законодательство о защите прав потребителей (так, данная отрасль норвежского законодательства отличается более высокими требованиями).

Рассмотренные выше институциональные изменения результативны в конкретных показателях. Так, к 2015 г. пользователями услуг электронного правительства стало 60% населения Норвегии (для сравнения: аналогичный средний показатель ЕС — 33%). Далее, к настоящему времени вышеупомянутая платформа Altinn интегрирована с системами бухгалтерского учета и пользуется популярностью уже среди 95% взрослого населения страны. Однако на достигнутом государство не останавливается — в 2016 г. разрабатывается новая версия «Digital agenda for Norge» [8].

Таким образом, вышеприведенные примеры из практики развития цифровой экономики свидетельствуют о том, что создание, выбор институтов и институциональных механизмов, которые способствовали бы согласованности реализации направлений цифрового развития, а также позволили бы интегрировать соответствующую стратегию в общую систему стратегий и программ экономического развития, является одним из основополагающих вопросов развития цифровой экономики. Интересно отметить, что национально-культурные особенности экономической системы, как показывает практика, оставляют свой «отпечаток» на стратегиях и программах цифрового развития, в связи с чем вопрос о возможности создания универсального подхода к развитию цифровой экономики остается открытым.

Литература

1. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12 — 16.

2. Юдина Т.Н., Тушканов И.М. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // Философия хозяйства. 2016. № 6.

3. Alm E., Colliander N., Deforche F., Lind F., Stohne V., Sundström S. Digitizing Europe. Why Northern European Frontrunners Must Drive Digitization of the EU Economy. The Boston Consulting Group, 2016. 38 p.

4. Bauer M., Erixon F. Competition, Growth and Regulatory Heterogeneity in Europe's Digital Economy // Working paper. 2016. No. 2. 22 p.

5. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A Digital Single Market Strategy for Europe [Electronic resource] // EUR-LEX.EUROPA.EU — official website of European Union law and other public documents. 2015 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX%3A52015DC0192> (дата обращения 19.10.2016).

6. Digital agenda for Norge. IKT for vekst og verdiskaping [Elektronisk ressurs] // Norges regjering. 2013. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/4339bb2154bd4b829f1d147bb2b26da8/no/pdfs/stm201220130023000dddpdfs.pdf> (дата обращения 15.10.2016).

7. Digital economy and society statistics — enterprises [Electronic resource] // Eurostat. Last update: Jun. 2015 // URL: <https://ec.europa.eu/> (дата обращения 17.10.2016).

8. Haaramo E. Digital agenda streamlines public sector in Norway // COMPUTERWEEKLY.COM: information technology news. 2015. 07 apr. // URL: <http://www.computerweekly.com/news/4500243859/Digital-agenda-streamlines-public-sector-in-Norway> (дата обращения 20.10.2016).

9. Hanna N.K. E-Transformation: Enabling New Development Strategies. Springer New York, 2010. 460 p.

References

1. Judina T.N. Osmyslenie cifrovoj jekonomiki // Teoreticheskaja jekonomika. 2016. No. 3. S. 12 — 16.

2. Judina T.N., Tushkanov I.M. Cifrovaja jekonomika skvoz prizmu filosofii hozjajstva i politicheskoy jekonomii // Filosofija hozjajstva. 2016. No. 6.

А.В. ЯМУШКИН

**Экономическая теория и перспективы
анализа сложных систем**

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности развития современной экономической теории; характеризуется усложнение систем, изучаемых ею; исследуется специфика негативного знания в экономической теории; анализируется концепция негативного знания в историческом и логическом аспектах. Один из главных путей «преодоления сложности» — развитие общей теории систем и приложений ее качественных методов в экономической теории. Определяется предмет общей теории систем как науки, некоторые особенности ее языка и методов. Представляется трактовка одного утверждения К. Маркса в свете современной методологии науки.

Ключевые слова: экономическая теория, сложность систем, негативное знание, общая теория систем, математика.

Abstract. In this article the methodological features of development of the modern economic theory have been considered. Complication of the systems studied it has been characterized. Specific of negative knowledge in economic theory has been considered. The concept of negative knowledge in the historical and logical aspects has been analyzed. One of main ways of overcoming of complexity is development of general systems theory and its qualitative applications in economic theory. The subject of general systems theory as a science and some properties of its language and methods have been defined. The interpretation of one statement of K. Marx in the light of modern methodology of science has been presented.

Key words: economic theory, complexity of systems, negative knowledge, general systems theory, mathematics.

В настоящее время представление о нарастающей сложности в экономике стало общепринятым. Это относится к различным системам, выделяемым в ходе теоретического познания — как к собственно экономическим, так и к другим, взаимодействующим с ними общественным и природным системам, без анализа развития которых невозможно научное управление экономикой.

Познание сложных систем само по себе становится все более сложным. Особенно это относится к познанию систем, каждая из которых состоит из большого числа элементов и связей между ними (больших систем); также фактором, определяющим сложность, является качественная неоднородность элементов. При усложнении аналитического инструментария (нередко — чрезмерном) снижается конечная результативность теоретико-экономических разработок. Отмечается, что немалое число работ в экономической науке приводит к отрицательным результатам. Поэтому встает вопрос о предпочтении негативного знания (о том, что неверно и не работает) в экономическом анализе (Н. Талеб) (цит. по: [3, 137]).

Возрастающая сложность теоретического осмысления экономической реальности обусловлена разными факторами. Сущность одного из них — в том, что в настоящее время для работы над каким-либо вопросом исследователю приходится иметь дело с большим объемом информации. Данная тенденция определяется как тупиковая, ведущая к «дурной бесконечности» [2, 141]. Если такая же тенденция роста публикаций будет впредь, то при добросовестной работе трудно будет совладать со столь значительным количеством источников и легко — превратиться в «архивариуса фактов».

Конечно, заметную роль в этом играют публикации, составляющие «информационный шум». Эффективные методы борьбы с данным явлением пока не реализованы, а возможно, основательно и не разработаны. Но как быть с другими публикациями, содержащими пусть и небольшие, но все же действительные научные результаты? Представляется, что все-таки «дурной бесконечности» не будет. В науке всегда действовала противоположная тенденция уплотнения знания с повышением его информационной емкости [11]. (При необходимости любой научный результат можно «расшифровать», проследив историю его получения.) Нет оснований считать, что тенденция уплотнения знания не будет проявляться впоследствии.

Неоднократно рассматривались и другие онтологические и гносеологические факторы возрастания сложности. Имеет смысл обобщенная характеристика этих факторов.

1. В экономических исследованиях чаще используются результаты, полученные в рамках философии, других социально-гуманитарных наук и естественных наук, изучающих человека. Все больше появляется работ, где акцентируется внимание на исследовании роли духовности (положительной и отрицательной) в экономике, гуманизации хозяйственной практики. Данный подход ярко выразил Г.М. Малашхия, называющий его антропоцентристским и считающий,

что «экономическая теория должна быть начата не с анализа товара или рынка, а с рассмотрения человеческих качеств, потребностей, интересов, способностей, целей деятельности в экономике» [8], так как человек — конечная цель экономики. А сложность человека как объекта исследования неисчерпаема. Но внимание к такой сложности окупится большей работоспособностью экономической теории, использующей антропоцентристский подход.

2. Требованиями общественной практики обусловлено то, что следует рассматривать не только организационно-экономические вопросы, но и глубинные аспекты развития отношений людей по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ (производственных отношений). На уровне сущностей познание нередко сложнее, чем на уровне их проявлений. Как отмечает известный американский экономист профессор У. Б. Артур, представляется продуктивным взаимодействие теории сложности с политической экономией, которая «углубит и поможет развить теорию экономической сложности» [1, 32].

3. Резко возросла сложность техники и технологии, являющихся компонентами больших экономических систем. Отсюда — проблемы при прогнозировании динамики научно-технического прогресса, а также технических, экологических, финансовых и социальных рисков.

4. Наблюдается ограниченность объяснительных и предсказательных функций части экономико-математических моделей. В основном это обусловлено использованием математических методов без детального анализа качественной специфики объектов изучения. Качественная модель отражает сложность объекта, математическая модель отражает сложность качественной модели, и каждый раз при экономико-математическом моделировании встает вопрос о соответствии этих моделей, об «отражении отражения».

Таким образом, сложились объективные основы для того, чтобы при такой специфике сложности в экономике больше обращаться к негативному знанию. И это не только экономический феномен. Отмечается, что религиозная традиция базировалась в основном на концепции негативного знания (заповеди, призывы пророков не делать что-либо) [3, 138]. Само же учение о негативном знании восходит к концу I в., к Дионисию Ареопагиту. Отсюда ведет свою историю апофатическое богословие, ищущее ответы на вопрос, какие определения не могут быть относимы к Богу. Впоследствии Ф. Бэкон провозгласил апофатический метод главным научным инструментом в светской науке и философии [12]. Проблема отрицательных результатов в познании и «ученого незнания» поднималась также в трудах Николая Кузанского.

А.В. Нечипоренко говорит применительно к идеям Николая Кузанского о диалектике знающего незнания [9, 159].

Негативное знание присутствует в современной науке, и далеко не только в экономической. По утверждению Н.И. Храленко, статистика говорит о том, что 9/10 экспериментальных исследований в физике дают отрицательный результат [15, 80]. В работе М.А. Лифшица использована концепция негативного знания при исследовании (общесоциальном) перспектив общественного прогресса [7].

Но негативное знание не сводится только к запретам относительно каких-то утверждений о понятиях или к вычислениям вероятностей отрицательных результатов. Это связано со следующим: «...в отличие от общефилософских понятий, содержание которых отвлечено от структур качественно различных объектов, понятия общей теории систем, будучи универсальными, т. е. представляющими глобальные характеристики любых системных объектов, должны в то же время располагать и средствами анализа разновидностей системных объектов» [13, 146]. Иначе говоря, в теоретико-системных понятиях заключены как бы программы, отражающие историю формирования понятий и предопределяющие операциональное применение их в системном анализе. Поэтому целесообразно использование апофатических средств познания для исследования самих познавательных методов (априорное тестирование метода на предмет того, что он не может делать).

Диалектика незнания должна разрабатываться и в историческом аспекте. В каждой познавательной ситуации были свои неучтенные факторы, что приводило в отдельных случаях к экономическим кризисам. Изучение уроков кризисов включает в себя гносеологические вопросы, относящиеся к незнанию, несовершенству методов.

И все же область негативного знания должна иметь свои границы. Для решения огромного числа экономических вопросов необходимы рекомендации, выработанные исходя из позитивного знания, и это стимулирует совершенствование методологии системных исследований.

Большинство аналитических методов количественные, с ориентацией на возможности современных ЭВМ. В этом, как неоднократно отмечалось, их и сила, и слабость. Невозможно установить теоретические факты с опорой только на измерительные технологии. В нобелевской лекции Ф. Хайека говорилось, как трудно, а часто и невозможно собрать необходимую для математических моделей информацию в быстро меняющейся экономике; в таких случаях качественные методы имеют превосходство над количественными [14]. Следует добавить,

что большие объемы информации недоступны ввиду засекреченности, а при анализе по неполным данным — большой риск неверных заключений. Поэтому перспективно использование качественных теоретико-системных методов, построение так называемых функциональных систем с «формализацией понимания» [4]. «Системная экономическая теория... может сыграть свою роль при условии разработки специального категориального, структурно-логического и аксиоматического аппарата системного моделирования, аналогичного аппарату математического моделирования в неоклассической теории», — отмечает Г.Б. Клейнер [6, 8]. На сегодняшний день такой аппарат в определенной мере построен (системные категории, связи между ними, принципы, закономерности) в рамках *общей теории систем* (ОТС) [5]. Для эффективного функционирования системной экономической теории необходима дальнейшая разработка теоретико-системного аппарата, расширение богатства форм, предлагаемых ОТС, подобно тому, как для развития неоклассики требовалось более широкое использование богатства математических форм. «Диалектика в ее системной форме приобретает черты строгости, алгоритмизированности, т. е. по своим интенциям приближается к математике, становится ее качественным аналогом, адекватным сфере высших систем, где традиционная, количественная математика недостаточна или неприменима», — пишет Э.Г. Винограй [5, 20].

Известно, что вопрос о роли ОТС в системе научного знания решается по-разному. Сначала же следует определить: в словосочетании «общая теория систем» слово «теория» целесообразно употреблять в каком смысле: теория как учение? система принципов, идей? или теория как отдельная наука? Представляется, что ОТС уже сформировалась для понимания во втором смысле.

ОТС, как показано в ряде работ, — метатеория, метанаука, обобщающая достижения частных теорий систем. В ее рамках существуют философский и нефилософский уровни [5]. (Любая наука имеет область пересечения с философией.) Но если высказано качественное утверждение о системах, имеющее общий характер, то оно должно относиться к ОТС, к философии или к математике? ОТС рассматривает свои объекты как системы — части больших систем, содержащие в своем составе меньшие системы, и основана на использовании структурно-функционального подхода. В этом — ее целевая специфика, позволяющая реализоваться ОТС как науке. В чем же отличие философии от качественной теории систем, кроме ранее отмечавшихся фактов того, что последняя ценностно нейтральна и не исследует глубинные проблемы бытия мира и человека?

По В. М. Розину, «естественнонаучный подход ориентирован на традиционную математику, а системный подход — это новая математика». Обусловлено это тем, что «понятия системно-структурного языка выступали как эвристические (методологические) схемы в задачах своеобразного проектирования теории изучаемого сложного явления, с другой — как средства связи (конфигурирования) разных предметов и уровней описания этого явления. При этом при построении системно-структурных понятий использовались отрелфлексированные образцы исследований и мышления в определенных областях... Эти образцы описывались, конструктивизировались и операционализировались» [10, 145]. Те или иные положения в рамках системного подхода могут применяться в любой области знания (и, возможно, только в одной какой-то области). Многообразии объектов математики (в том числе — качественной) не может быть сведено к одной онтологически предметной (учитывающей природу объектов) области. Кроме того, содержание понятий «связь», «конфигурирование», «логическая операция» весьма широко, и постоянное использование их в философии не делает последнюю математикой. Для выражения качественной специфики ОТС как метанауки представляется соответствующим следующее понимание присущих ОТС операций: как взаимно однозначное соотношение преобразований двух или более двух общих закономерностей, определенных над множествами частных закономерностей, присущих разнородным сложным большим системам. Отсюда — достаточная точность качественных выводов и возможность избежать присущего языковым стилям философии и социально-гуманитарных наук гипостаизирования понятий.

Указанные соотношения преобразований могут быть как классическими математическими операциями (например, с использованием лингвистических переменных), так и операциями, вытекающими из законов диалектики. Можно считать ОТС качественной математикой. рассмотрение операций с категориями, обозначенными в вербальной форме; 2) рассмотрение классических математических операций с переменными и числами по отношению к характеристикам, присущим хотя бы для нескольких типов разнородных сложных больших систем.

На развитие операциональных общих наук (математики и ОТС) влияет то, с чем они работают — все более с общественными науками, прежде всего, с экономической теорией. Если ранее методология математики и ОТС практически всецело зависела от их естественнонаучных приложений, то теперь методы, вырабатываемые под влиянием взаимодействия с общественными науками, находят применение в естествознании. Математика и ОТС приобретают отчасти «гуманитар-

ный» облик из-за трансформации, применительно к большим системам, классических понятий неизвестных, точности, доказательности. Есть различные интерпретации известного высказывания К. Маркса: «впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука». Здесь, как представляется, можно истолковать данный тезис в разрезе методологии.

В современной науке рост абстрактности сопровождается углублением изучения соответствующих объектов. Эта тенденция характерна для экономической теории. В экономике трудно, а часто — невозможно провести эксперимент. Если эксперименты и проводятся (особенно на макроуровне), то история показывает, к каким разрушительным последствиям приводили многие из них без детально проработанной теоретико-методологической базы. Поэтому эффективность экономической теории видится обусловленной ее большей «методологической нагруженностью» и большей восприимчивостью к современным данным об общих закономерностях развития.

Литература

1. *Артур У.Б.* Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления // *TERRA ECONOMICUS*. 2015. Т. 13. № 2. С. 15 — 37.
2. *Балацкий Е.В.* За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 138 — 149.
3. *Балацкий Е.В.* Три способа познания // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 130 — 144.
4. *Буданов В.Г.* и др. Основное качество проблем современной экономики — «сложность управления» // <http://spkurdyumov.ru/economy/osnovnoe-kachestvo-problem-sovremennoj-ekonomiki-slozhnost-upravleniya/>.
5. *Винограй Э.Г.* Системно-диалектический подход: теория и методология. Кемерово: Издательство КемГИПП, 2014.
6. *Клейнер Г.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2013. № 6. С. 4 — 28.
7. *Лифшиц Мих.* Чего не надо бояться // *Российский экономический журнал*. 2007. № 7 — 8. С. 33 — 50.

8. Малашиха Г.М. Экономическая теория о человеке // URL <http://anthropology.ru/ru/text/malashhiya-gm/ekonomicheskaya-teoriya-o-cheloveke>.

10. Нечипоренко А.В. Особенности диалектики Николая Кузанского в трактате «Об ученом незнании» // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2008. Т. 6. Вып. 2. С. 156 — 162.

11. Розин В.М. Системный подход и язык как своего рода нетрадиционная математика // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник 2013 — 2014. Вып. 37 / Под ред. Ю. С. Попкова и др. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 135 — 147.

12. Сухотин А.К. Наука и информация. М.: Политиздат, 1971.

13. Тростников В.Н. Конец науки — начало познания // <https://cont.ws/post/74831>.

14. Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тютютина. М.: Мысль, 1988.

15. Хайек Ф.А. Претензии знания // <http://hayek.ru/hayek2.html>.

16. Храленко Н.И. Философско-методологические проблемы прогнозирования. Л.: Издательство ЛГУ, 1980.

References

1. Arthur W.B. Complexity economics: a different framework for economic thought. TERRA ECONOMICUS. 2015. Vol. 13. № 2. Pp. 15 — 37.

2. Balatskiy E.V. Beyond «economic imperialism»: overcoming complexity. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2012. № 4. Pp. 138 — 149.

3. Balatskiy E.V. Three ways of knowledge. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. № 2. Pp. 130 — 144.

4. Budanov V.G. and others. The main quality of problems of the modern economy — complexity of managing // <http://spkurdyumov.ru/economy/osnovnoe-kachestvo-problem-sovremennoj-ekonomiki-slozhnost-upravleniya/>

5. Vinograj Je.G. Systemic-dialectical approach: theory and methodology. Kemerovo: Izdatel'stvo KemTIPP, 2014.

6. Kleiner G. System economics as a platform for development of modern economic theory. Voprosy jeconomiki. 2013. № 6. Pp. 4 — 28.

7. Lifshic Mih. What not to fear. // Rossijskij jeconomicheskij zhurnal. 2007. № 7 — 8. Pp. 33 — 50.

8. *Malashija G.M.* Economic theory about the person. // <http://anthropology.ru/ru/text/malashhiya-gm/ekonomicheskaya-teoriya-o-cheloveke>.
17. *Nechiporenko A.V.* Features of the dialectic of Nicholas of Cusa in the treatise «On learned ignorance». Vestnik NGU. Serija: Filosofija. 2008. Vol. 6. Issue 2. Pp. 156 — 162.
18. *Rozin V.M.* System approach and language as the kind of non-traditional mathematics. In: Popkov Ju. S. and others (eds.) System research. Methodological problems. Yearbook 2013 — 2014. Vol. 37. Moscow: LENARD, 2014. Pp. 135 — 147.
19. *Sukhotin A.K.* The science and information. Moscow: Politizdat, 1971.
20. *Trostmikov V.N.* The end of a science — the beginning of knowledge // <https://cont.ws/post/74831>
21. *Tjuhtin V.S.* (ed.) Dialectics of knowledge of complex systems. Moscow: Mysl', 1988.
22. *Hajek F.A.* Claims of knowledge. // <http://hayek.ru/hayek2.html>
23. *Hralenko N.I.* Philosophical and methodological problems of forecasting. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1980.

А.А. АЛУХАНИЯ, А.В. АНДРЕЕВА

**Финансовые и маркетинговые инструменты
государственной поддержки программы
неоиндустриализации экономики**

Аннотация. В статье рассмотрены финансовые и маркетинговые инструменты государственной поддержки российских компаний, участвующих в реализации программы неоиндустриализации, формируемой, прежде всего, в российском машиностроительном комплексе. Для реализации новой модели роста российской экономики необходимо обеспечить лидирующую роль государства в осуществлении программ инновационного и финансового развития российских промышленных компаний, что выступает важнейшим инструментом обеспечения экономического роста.

Ключевые слова: государственная поддержка, ключевая ставка, инвестиционно-финансовая политика, инфляция, маркетинговые технологии репозиционирования производства, концепция «неоиндустриализации», новая модель развития промышленных компаний,

финансовые инструменты, продуктовый портфель промышленных компаний, субсидирование кредитной ставки.

Abstract. The article covers finance and marketing instruments of government support of Russian companies which participate in the new industrialism policy in the Russian machine-building complex. In order to implement the new model of Russian economy's growth it is necessary to provide the leading role of government in executing of innovation and financial development of Russian industrial companies. The very approach performs as important instruments of providing of economic growth.

Key words: governments support, key interest rate, investment and finance policy, inflation, marketing technologies of repositioning of production, the concept of the new industrialism, the new development model of industrial companies, financial instruments, product portfolio of industrial companies, interest rate subsidies.

Современная промышленная политика России нацелена на переход к модели неоиндустриализации на основе расширения государственного регулирования, устранения административных барьеров, снижения фискальной нагрузки на бизнес, замораживания тарифов естественных монополий, уменьшения стоимости привлечения ресурсов [1]. Комплексный подход при внедрении инноваций позволяет российским компаниям повышать свою эффективность, а также улучшать операционные и финансовые показатели.

Для реализации отмеченных направлений необходимо обеспечить лидирующую роль государства в осуществлении программ инновационного и финансового развития российских компаний, которые выступают важнейшими инструментами обеспечения экономического роста. Основой политики «неоиндустриализации», безусловно, должны стать компании машиностроительного комплекса. Государство, обеспечивая реализацию новой концепции развития промышленных компаний, должно поддерживать курс на формирование национальных чемпионов.

Для формирования компаний-чемпионов необходимы финансовые ресурсы, которые промышленные предприятия привлекают в качестве кредитов. Доля кредитных ресурсов в структуре инвестиций в основной капитал российских компаний после 2013 г. вновь стала сокращаться (рис. 1).

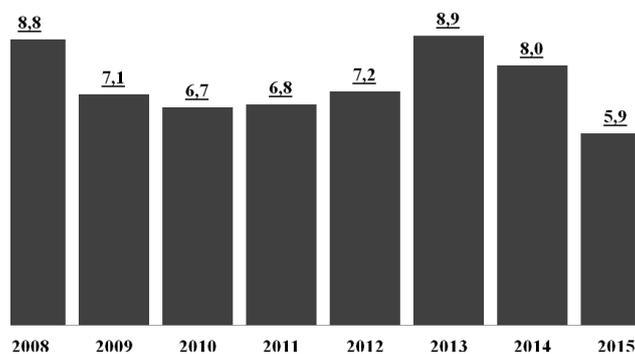

Рис. 1. Динамика кредитных ресурсов в структуре инвестиций в основной капитал российских компаний (%) [6]

В сложившихся экономических и геополитических условиях необходимы выверенная стратегия экономического развития, а также государственная поддержка промышленной политики, направленной на повышение потенциального роста. Реализация вектора развития такой политики возможна на основе комплекса финансовых и маркетинговых инструментов, обеспечивающих формирование факторов роста на основе более полного и эффективного использования финансовых, технических и трудовых ресурсов российских компаний, интенсивного использования лизинговых программ для развития промышленности в контексте неоиндустриализации и повышения производительности труда.

В настоящее время рабочая группа Правительства разрабатывает «Стратегию 2030». По мнению заместителя министра экономического развития Российской Федерации А. Ведева, в настоящее время потенциальные темпы роста ВВП нашей страны составляют 1,5% в год [2].

В мае 2016 г. на заседании президиума Экономического совета при Президенте Российской Федерации эксперты представили свое видение экономического развития России. Например, члены Столыпинского клуба, предложили финансировать развитие промышленности за счет денежной эмиссии и увеличения государственного долга. Для обеспечения устойчивого развития была разработана программа «Экономика роста», содержащая развернутые предложения по обеспечению финансовой поддержки российской промышленности. Для укрепления реального сектора экономики в программе «Экономика

роста» была обозначена необходимость ежегодного предоставления промышленным предприятиям долгосрочных и доступных кредитов на сумму 1,5 трлн р. по ставке не выше 5,5%. Основным источником и модератором предоставления денежных ресурсов, по мнению разработчиков программы (С. Глазьев, Б. Титов), должен был выступить Банк России.

Такая модель стимулирования роста национальной экономики сопоставима с системой энтропийного менеджмента, подробно описанной в статье профессора С.А. Дятлова [3].

Руководитель Центра стратегических разработок А. Кудрин считает, что рост российской экономики возможен в результате концентрации усилий для борьбы с инфляцией с помощью ограничения денежного предложения и сохранения текущего низкого уровня государственного долга. Вместе с тем аналитики Центра стратегических разработок не являются сторонниками реализации программы «новой индустриализации», объясняя сложности реализации такой программы ограниченностью ресурсов.

В прогнозе, подготовленном экспертами Центра стратегических разработок совместно с Минэкономразвития, аналитики опираются на реализацию комплекса мер, направленных на увеличение инвестиций, технологическое обновление, развитие конкурентоспособных секторов экономики, в том числе обусловленных развитием человеческого капитала и повышением производительности труда. Удвоение темпов потенциального роста российской экономики (выход на траекторию до 4%) является, по расчетам Минэкономразвития, вполне реальной задачей, а Центр стратегических разработок прогнозирует удвоение темпов роста отечественной экономики (до 4 — 4,4%) только в долгосрочной перспективе.

Согласно результатам исследования Центра, объем российского ВВП к 2035 г. должен увеличиться в два раза по сравнению с 2016 г. По мнению же А. Кудрина, еще до глобального экономического кризиса 2008 г. темпы экономического роста в России позволяли реализовать задачи ускоренного роста промышленного производства. Прогноз предполагает выход российской экономики на траекторию устойчивого роста темпами не ниже среднемировых при обеспечении макроэкономической сбалансированности: рост ВВП будет ускоряться примерно с 2 — 2,5% в среднесрочной перспективе до 4 — 4,4% в 2025 — 2030 гг. К 2025 г. по сравнению с 2016 г. ВВП вырастет на 30%, а в 2035 г. по сравнению с 2016 г. — в 2 раза [5].

Переход к такому экономическому росту, по оценке экспертов Центра стратегических разработок, предполагает увеличение инвести-

ционных вложений в развитие новых технологий и повышение качества и отдачи человеческого капитала, в образование, здравоохранение и науку.

Рост промышленного производства будет обеспечиваться, по мнению экспертов Центра стратегических разработок, за счет роста обрабатывающих отраслей, при этом темп роста обрабатывающих производств превысит 3,5%, по сравнению с 2016 г. промышленное производство в России к 2025 г. предположительно вырастет на 28%, а к 2035 г. — на 70% [5].

Вследствие проводимой политики Банка России, связанной с уровнем ключевой ставки, в 2016 г. российский рубль стал самой доходной валютой среди валют формирующихся финансовых рынков развивающихся стран.

Денежно-кредитная политика Банка России находится в определенной противофазе с системой финансового регулирования стран финансового центра. Российский рубль может и в перспективе оставаться достаточно привлекательным инструментом для финансовых инвесторов. Центробанки стран с развитыми денежно-финансовыми рынками для стимулирования роста экономики установили и поддерживают либо близкие к нулю, либо даже отрицательные ключевые ставки, а ключевая ставка Банка России составляет в настоящее время 10%. Именно в связи с этим российский финансовый рынок является привлекательным инструментом для проведения спекулятивных операций инвесторов.

Иностранные хедж-фонды значительно увеличили количество открытых длинных рублевых позиций, что, в свою очередь, способствовало росту рыночных рисков современной финансово-кредитной системы России. Денежно-кредитная политика Банка России, связанная с высоким уровнем ключевой ставки, косвенным образом стимулирует приток на отечественный финансовый рынок спекулятивного капитала. За счет быстрого притока спекулятивного капитала Банк России стремится не только поддерживать курс рубля, но и способствует снижению инфляционных ожиданий экономических агентов. Приток спекулятивного капитала стимулируется существующей разницей процентных ставок.

Сложившаяся ситуация на денежно-кредитном рынке нивелирует уровень финансовых рисков, но создает инвестиционные риски для реального сектора российской экономики, прежде всего, для отечественных машиностроительных компаний, реализующих политику импортозамещения в рамках программы неоиндустриализации.

В настоящее время Министерство финансов активно разрабатывает финансовые и маркетинговые инструменты, обеспечивающие высокую доходность инвесторам по российским финансовым инструментам, прежде всего, по облигациям федерального займа (ОФЗ). Такие инструменты необходимы для привлечения долгосрочных финансовых инвестиций, которые, в свою очередь, способствуют определенному снижению курсовых колебаний национальной денежной единицы.

Экспертный совет Фонда развития промышленности, который занимается финансовой государственной поддержкой промышленных предприятий, развивающихся по модели неоиндустриализации, 25 августа 2016 г. принял решение о выдаче первого займа по программе поддержки промышленного лизинга. В схеме участвуют уполномоченный коммерческий банк, кредитующий лизингодателя на покупку оборудования, и лизинговая компания, предоставляющая новые линии лизингополучателю на условии регулярных платежей. Фонд развития промышленности на основе маркетингового управления отбирает участников программы, предоставляя лизингополучателю финансовые средства на проведение первого платежа.

Вместе с тем долгосрочная финансовая политика нуждается также в разработке и использовании действенных инструментов инновационного маркетинга, направленных на привлечение в российскую экономику новых индустриальных технологий. Применение технологий инновационного маркетинга в транспортно-промышленном комплексе страны способствовало появлению вагонов-хопперов из алюминевых сплавов.

Планирование перехода российской хозяйственной системы к новой модели развития определило необходимость совершенствования технологических параметров транспортных и машиностроительных компаний, поиска новых финансовых и маркетинговых инструментов управления этим развитием. В качестве результата использования этих технологий можно представить разработанные компанией «РМ Рейл» образцы вагонов-хопперов, которые проходят в настоящее время сертификационные испытания.

Инновационные вагоны, разработанные «РМ-Рейл» совместно с компаниями «РУСАЛ» и «Арконик СМЗ», представляют собой промышленную продукцию с высокой долей инновационной составляющей и предназначены в основном для перевозки сыпучих грузов. Такие вагоны многофункциональны, поэтому стали быстро пользоваться спросом у российских грузоперевозчиков, входящих в холдинг ОАО «Российские железные дороги». Компании холдинга уже заключили с компаниями-производителями долгосрочные контракты по широкому

применению алюминиевых хопперов в системе железнодорожных перевозок. Вагоны-хопперы являются отечественной конструкторской разработкой, обладающей набором уникальных характеристик, позволяющих продуцировать высокий спрос со стороны потребителей.

Система маркетингового управления продвижением этой продукции основана на применении новых технологий финансирования, связанных с применением системы лизинговых, кредитных и страховых инструментов. Важно отметить, что в отличие от высокоскоростных пассажирских поездов («Сапсан» и «Ласточка»), которые были произведены с привлечением зарубежных технологий на основе инновационных алюминиевых материалов, вагоны-хопперы производятся только в нашей стране.

В качестве институтов государственной поддержки, обеспечивающих процесс неоиндустриализации, выступает Фонд развития промышленности, который разработал систему инструментов продвижения лизинговых контрактов, осуществил выбор партнеров для российских производителей промышленных предприятий для реализации лизинговых программ. Партнерами Фонда развития промышленности выступили банки, лизинговые и страховые компании. Лизинг выступает маркетинговым инструментом расширения спроса на отечественное промышленное оборудование. Инструменты финансовой и маркетинговой поддержки применяются для развития национальных промышленных компаний, но при отсутствии отечественных аналогов можно купить и зарубежное оборудование. Лизинговая программа направлена на реализацию проектов со стоимостью более 20 млн р., процентная ставка не должна превышать ставку по кредиту участвующего в программе банка лизингодателю более чем на 2,5 процентного пункта. Разработан также специализированный механизм рефинансирования кредитов [4].

В программах импортозамещения активно заняты российские предприятия сельскохозяйственного машиностроения, оказывающие прямое влияние на темпы реализации неоиндустриальной стратегии роста, на развитие агропромышленного комплекса (АПК) и перерабатывающей промышленности.

Инструменты государственной поддержки стали доступнее для российских компаний, производящих сельскохозяйственную технику и оборудование вследствие того, что снижен минимальный порог требований для получения финансовой помощи от государства. По новым условиям для получения финансовой поддержки требуемый объем выручки для компаний, производящих новую машиностроительную продукцию, сократился в 4 раза (с 1 млрд р. до 250 млн р.), а необхо-

димый уровень работников, занятых непосредственно в процессе производства машиностроительной продукции, сократился практически в 2 раза (с 250 человек до 130 человек).

В России существуют и успешно работают крупные компании (годовой доход более 1 млрд р.), производящие машиностроительную продукцию сельскохозяйственного назначения; к этим предприятиям относятся корпорация «Евротехника», «Комбайновый завод “Ростсельмаш”», концерн «Тракторные заводы», Петербургский тракторный завод. Для инновационных машиностроительных компаний разработаны инструменты маркетинговой и финансовой поддержки, связанные с госпрограммой субсидирования скидок производителям на новую технику, а также кредитных ставок (две трети ставки Центробанка, но не более 75 млн р. в квартал) на пополнение оборотных средств и (или) финансирование производственной деятельности.

Важной составляющей перехода к модели неоиндустриального роста является усиление экспортного потенциала российских предприятий машиностроительной отрасли. Например, реализация продукции «Комбайновый завод “Ростсельмаш”» осуществляется в настоящее время на рынках 26 стран на основе применения маркетингового инструментария через 512 сервисных центров и филиалов группы компаний «Ростсельмаш».

Группа «Ростсельмаш» разработала новую маркетинговую стратегию, направленную на разработку и реализацию продукции с высокой долей инновационного производства. Эта стратегия обеспечила компании финансовую устойчивость на основе маркетингового управления и формирование более качественного продуктового портфеля. Компания успешно реализовала программу оптимизации издержек, осуществив в условиях снижения курса рубля плановый перенос производственных мощностей из Канады в г. Ростов-на-Дону в 2015 — 2016 гг., повысив тем самым уровень локализации промышленного производства.

Приоритетность задач развития российских компаний сельхозмашиностроения на основе новой модели определяется тем, что более 60% машин и оборудования агропромышленных предприятий эксплуатируются в производстве более 10 лет. В связи с удорожанием стоимости техники и запасных частей у агропромышленных фирм нет достаточных средств для приобретения новых машин и оборудования, а ресурсы амортизационных фондов недостаточны для осуществления модернизационных программ.

«Комбайновый завод “Ростсельмаш”» в 2015 г. экспортировал 20% произведенной техники, а в 2016 г. с учетом программ государ-

ственной поддержки объем экспорта продукции вырос до 38%. Завод также производит высокотехнологичные машины «Тогиш» и «Асгос», но значительную часть комплектующих закупает на зарубежных рынках, что увеличивает валютные риски предприятия и снижает финансовую устойчивость. Для программ модернизации необходимы маркетинговые инструменты, стимулирующие иностранных партнеров к развитию сотрудничества с российскими фирмами.

Привлечение иностранных технологий и инвестиций обеспечит более высокий уровень локализации промышленного производства. Для развития российских промышленных компаний государство должно содействовать обеспечению их финансовой устойчивости, способствуя привлечению недорогих кредитов и заключению эффективных экспортных контрактов на основе инструментов поддержки развития бизнеса.

Литература

1. *Андреева, О.В.* Концептуальные основы новой промышленной политики: проблемы и противоречия // *Философия хозяйства*. 2015. № 3. С. 105 — 112.
2. В Минэкономразвития назвали реальным удвоение темпов роста ВВП России // *republic.ru* — 2016 от 8 ноября // <https://republic.ru/posts/75912> (дата обращения 09.11.2016).
3. *Дятлов С.А.* Энтропийная экономика: теоретико-методологический аспект // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
4. *Крючкова Е., Сапожков О.* ФРП вписался в лизинг // *Коммерсантъ*. 2016. 26 авг. // <http://www.kommersant.ru/doc/3072657> (дата обращения: 20.10.2016).
5. Кудрин пообещал увеличить ВВП России вдвое за 20 лет // <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kudrin-poobeshchal-velichit-vvp-rossii-vdvoe-za-20-let-1001504278> (дата обращения 30.10.2016).
6. *Фурсова И.* Над золотом чахнут: Бизнес и банки не спешат вкладывать средства в реальный сектор // *Российская газета*. Спецвыпуск. 2016. № 6997 (129). 15 июн. // <https://rg.ru/2016/06/15/rossii-prividetsia-izyskat-sobstvennye-rezervy-dlia-investicij.html> (дата обращения 01.11.2016).

References

1. *Andreeva O.V.* The concept basics of the new industrial policy: problems and contradictions // *The journal of philosophy of economy*. 2015. No. 3 (99). Pp. 105 — 112.

2. The Ministry of Economic Development called real doubling of growth rates of GDP of Russia // Republic Journal — Issue from November, 8, 2016. // <https://republic.ru/posts/75912> (Access date: November, 9, 2016).
3. *Dyatlov S.A.* Entropy economy: theory and methodology aspect // The journal of philosophy of economy. 2012. No. 4.
4. *Kryuchkova E., Sapozhkov O.* FRP fitted into leasing. Kommersant Newspaper. Issue from August, 26, 2016. // <http://www.kommersant.ru/doc/3072657> (Access date: October, 20, 2016).
5. Kudrin promised to double GDP of Russia in 20 years // <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kudrin-poobeshchal-velichit-vvp-rossii-vdvoe-za-20-let-1001504278> (Access date: October, 30, 2016).
6. *Fursova I.* Taking care of the gold: banks and business hesitates to invest in real sector of economy. // Russian Newspaper. Issue # №6997 (129) from June, 15, 2016. // <https://rg.ru/2016/06/15/rossii-pridetsia-izyskat-sobstvennye-rezervy-dlia-investicij.html> (Access date: November, 1, 2016).

Ю.К. ВОЛКОВ, М.А. ЗУБАНОВ

Историческое и логическое в определении специфики деятельности потребления

Аннотация. В статье доказывается, что в определении видовой специфики потребления логическая процедура содержательной спецификации должна предшествовать историческому анализу форм потребления, поскольку отношения между понятиями не выводятся непосредственно из эмпирической практики. В данном методологическом контексте деятельность потребления рассматривается в двух основных аспектах — процессуальном, в котором используется произведенный продукт или услуга и удовлетворяются личные и социальные потребности, и результирующем, направленном на производство жизненных сил и способностей индивидов. С позиции рассмотренной концепции оцениваются предлагаемые российскими мыслителями конца XIX — первой четверти XX в. натуралистические и антинатуралистические модели организации производства, распределения и потребления социальных и жизненных благ.

Ключевые слова: историческое, логическое, спецификация, деятельность потребления, производство, труд, распределение,

потребности, интересы, богатство, нравственность, хозяйственная трансцендентность.

Abstract. In the article is argues that in defining the specifics of the consumption activities logical procedure must be preceded the historical analysis of consumption patterns since the relationship between the concepts are not displayed directly out of empirical practice. This methodological context consumption is discussed in two major aspectsthe — processual in which manufactured product or service are used and the personal and social needs are catered and rezultitational at the production of the vital forces and abilities of the individuals is directional. Frome the position of the reviewed concept the naturalistic and antinaturalistic modeles of organization of production, distribution and consumption of social and living benefits proposed Russian thinkers of the end of the XIX — the first quarter of the XX century personal are proposed.

Key words: historical, logical, specification, consumption activities, production, labor, desobjectivation, needs, interests, wealth, morality, economic transcendence.

Один из главных постулатов марксистской экономической теории о несоответствии общественного характера капиталистического производства частной форме присвоения его результатов породил целую серию социальных проектов, реализованных сначала в виде локальных примеров создания потребительских ассоциаций, а затем в советской массовой практике коммунизации быта. Почему же сегодня эти и другие похожие проекты рассматриваются как неудавшиеся исторические примеры, несмотря на активно продолжающуюся в мире унификацию форм потребительской активности?

В соответствии с традиционной для нашего обществознания марксистской методологией для ответа на подобные вопросы обычно используются два изначально взаимосвязанных методологических подхода: исторический и логический. С позиции гегелевского панлогизма, напротив, эти два потенциально синтезируемых подхода первоначально разделяются, уступив первое место логико-диалектическому принципу, который включает в себя не только эмпирическое, но и теоретическое конкретное. Историческое же в данной схеме выступает как фактический материал для эмпирических обобщений и иллюстрирования теоретических конструкций. С учетом высказанных предварительных замечаний воспользуемся эвристическими возможностями содержательной спецификации для развернутого определения понятия деятельности потребления.

В нашей литературе уже достаточно давно сложилось расширительное определение потребления, при котором данная форма активности рассматривается не просто как процесс усвоения, использования, расходования различных потребительских стоимостей [16, 50], но также как некий результат изменений, полученных в потребностной сфере самого субъекта потребления [17, 26].

Субъектно-объектная трактовка потребления как формы целесообразной активности привела к тому, что к понятию потребления стали присоединять максимально абстрактную общесоциологическую категорию «деятельность». Однако, как оказалось, выбор категории деятельности в качестве соотносимой исходной категории не дает искомого результата, предполагающего выявление видовой специфики различных форм и стадий потребительской активности. Причины такого переноса смыслов, на наш взгляд, связаны с результатом непосредственной субординации понятий «потребление» и «деятельность» по признаку родо-видовых отношений, что представляется ошибочным в силу следующих соображений.

Во-первых, деятельность как логически первая исходная категория, которая призвана выражать целостность исследуемого объекта с точки зрения наличия в нем разнообразных свойств, вплоть до уровня соединения сущностных противоречий, акцентирует внимание исключительно на целесообразной и совместно осуществляемой стороне процесса потребления. В то время как личностно ориентированная потребительская активность вполне может обладать признаками поведения, не подчиненного предварительно поставленной цели [14, 59].

Во-вторых, обладая способностью к объективно-логической самопричинности и самодостаточности, исходная категория должна также определять генетические и функциональные характеристики идеализированного объекта исследования. В силу этого обстоятельства она не может быть непосредственно дедуцирована из другой более развитой теоретической системы, но предполагает введение новых опосредующих понятий.

Обнаружение таких привходящих звеньев, отражающих различные стороны социальной действительности, составляет главную трудность процедуры определения отношений между понятиями, поскольку не исключает соблазна отождествления идеальных и реальных отношений. Более того, замена телесно-вещественной сущности взаимодействующих между собой объектов их идеальными отношениями может привести к фактическому отказу от онтологического статуса самих объектов. Доказательством реальности существования сущности самотождественной вещи, по мнению защищающего метафизический

принцип тождественности бытия В.А. Кутырёва, является ее чувственное восприятие, в то время как различающиеся между собой отношения можно только мыслить [10, 39—40].

С этой точки зрения, связи и взаимосвязи объектов и обозначающих их понятий, действительно, актуально существуют только как изолированные чувственно воспринимаемые и взаимодействующие между собой тела. В то время как мысленно фиксируемые сознанием познающего субъекта отношения между потенциальными идеями этих тел не только способны выходить за пределы своей чувственной ограниченности, но могут даже не возвращаться в границы своего прежнего существования.

Объясняя преимущества диалектической логики в ее сравнении с метафизикой, эмпиризмом и критической философией, Гегель отмечал, что «в отличие от указанных разновидностей философской рефлексии, мысленно выходящей за пределы изолированной определенности, но сохраняющей свою прежнюю изолированную значимость, диалектика это есть имманентный переход одного определения в другое» [4, 205].

Возвращаясь к специфике метанаучного определения деятельности потребления отметим, что особенность социального познания на уровне его теоретической рефлексии как раз и заключается в фиксируемой и реконструируемой сознанием типизации переходов событийной формы проявления причинно-следственных отношений. Иными словами, признание категории деятельности в качестве общего родового признака понятия потребления не позволяет сразу обнаружить всю совокупность его других отличительных признаков, поскольку является всего лишь одним из индикаторов поиска связей с другими семантически сравнимыми понятиями, отражающими объективно существующую тенденцию — опосредованность отношений причинности.

На роль основных категориальных конструкторов-посредников, гипотетически способных претендовать на роль промежуточных этапов содержательной конкретизации понятия деятельности потребления, по нашему мнению, прежде всего, могут претендовать такие категории, как «производство», «распредмечивание», «труд», «потребности», «интерес».

Безусловно, самым близкородственным для категории «потребление», хотя и противоположным по смыслу понятием, является категория «производство». Более того, как это принято в диалектической логике, видовая противоположность указанных понятий допускает возможность их неформального отождествления. В нашем случае диа-

лектическая нетождественность производства и потребления определяется тем, что в производстве проявляются такие его существенно отличительные признаки, как первичность и социальность. В то время как специфика потребления по сравнению с производством, напротив, заключена в его вторичности и приоритетности человеческого начала [12, 521].

С позиции анализа внутренней структуры предметной деятельности это означает разрыв структурной синхронии процессов опредмечивания и распредмечивания произведенного продукта. Именно так, при помощи разграничения направленности субъект-объектной связи, пытаются иногда объяснить специфику личного потребления, в котором движение произведенного продукта, в отличие от фазы производства, происходит от объекта к субъекту [7, 76—77]. Однако, как обнаруживается при повторном рассмотрении акта распредмечивания овеществленных в продукте способностей производителя, одновременно с этим действием происходит обратное исходящее от продукта и опредмечивающее потребителя движение.

Отмеченный принцип структурной взаимосвязи актов опредмечивания и распредмечивания обнаруживается в процессе удовлетворения любых, а не только постматериальных потребностей. Потребители массовой и элитарной культуры в равной степени, хотя и по-разному, попадают в зависимость от вещественной формы распредмечиваемого ими содержания [8, 58—59]. Таким образом, акт распредмечивания не исчерпывает собой всей содержательной специфики деятельности потребления, фиксируя лишь один ее структурно несамостоятельный компонент, институционально закреплённый исторически сложившимся разделением сферы труда и быта.

Категориальный анализ трудовой активности представляет собой достаточно традиционное для нашего обществознания исследовательское направление. В рамках данного направления в меньшей степени изучена проблема соотношения в труде конструктивных и деструктивных процессов, что в свою очередь обусловлено сохраняющейся традицией отнесения к труду преимущественно созидательных, а значит, уже по умолчанию общественно полезных видов социальной деятельности.

Разумеется, общество как любая открытая система объективно стремится избежать процессов, нарушающих его целостность. Однако из того очевидного утверждения, что труд имманентно включает в себя потребление лишь в качестве условий достижения конструктивных целей, вовсе не следует невозможность замены средств целями и наоборот [3, 208—209].

Соотнесенность производства и потребления в трудовой деятельности всецело зависит от их места в процессе труда и постоянно меняется до момента его внешне установленной продуктивности. В этом, прежде всего, заключается всеобщий характер трудовой деятельности, способной, например, в отличие от игры, в действительности удовлетворять самый широкий круг социальных и индивидуальных потребностей, в том числе несозидательной направленности, за редкими цивилизационно установленными исключениями [13, 240—241]. Другое дело, что труд при такой его характеристике предстает лишь одной своей стороной, как «живой» и пока еще не подчиненный специфическим законам сферы материального производства процесс.

Предметный и субъектный компоненты деятельности потребления, обеспечивая цели и результаты адаптации индивидов к условиям общественного производства, выражают не только меру зависимости субъекта от произведенного предмета, но и степень овладения им. В системе общесоциологических категорий на роль понятий, выражающих диалектическое единство свободы и необходимости, более всего подходят две взаимосвязанные между собой категории: потребности и интересы. В этой логической связке потребности как основной детерминирующий фактор потребления отображают обусловленное объемом, уровнем и качеством производства состояние необходимости и нужды.

Однако, поскольку потребностная ситуация не может актуализироваться без участия действующего субъекта, выбор средств удовлетворения становится возможным лишь при наличии их превращения в такую особую разновидность субъектно-объектной модальности, как осознанные потребности, или интересы. Объективным ограничением этого относительно свободного и осознанного субъективного выбора в деятельности потребления выступает не только предметная форма произведенного продукта, но и общественная форма удовлетворения личных потребностей. Вместе с тем следует признать, что исторически сложившаяся и продолжающаяся развиваться в условиях индивидуализации форм потребления тенденция к возникновению квазипотребностей на первое место ставит уже не столько общественные интересы, сколько личные желания, детерминантами которых могут выступать иррациональные факторы.

Специфика зависимости субъекта потребления от окружающего его предметного мира заключается в том, что, не будучи опосредована целями и средствами деятельности самореализации, такая связь порождает полное безразличие первого к любым свойствам предмета за исключением их утилитарной полезности. Лишь наличие особого мо-

мента «свернутого» потребления, представленного субъективным состоянием потребностной удовлетворенности или неудовлетворенности, обеспечивает подвижность границ простого воспроизводства способностей индивида. Но отнюдь не гарантирует, как полагали идеологи эпохи Просвещения и гуманисты Новейшего времени, самопроизвольное восхождение потребностей.

Итак, в отличие от процесса материального производства, где выбираемые субъектом средства реализации производственной цели обусловлены, в конечном счете, объективными свойствами произведенного предмета или услуги в деятельности потребления на первый план выходят субъективные и интересубъективные оценки созданных потребительских ценностей. Однако подобная относительная вторичность потребления еще не позволяет до конца определить его сущностную специфику. На наш взгляд, глубинная сущность процесса потребления как особой формы человеческой деятельности в ее сравнении с другими фазами процесса общественного воспроизводства, по всей видимости, состоит в выходе результатов потребления за пределы «чистой» социальности. Именно в личном потреблении, составляющем для абсолютного большинства людей главное содержание и смысл их повседневности, индивид получает непосредственную и простую возможность сохранить и реализовать себя в качестве мирского Я-модуса [6, 224—225]. Лишь за пределами обремененной наиндивидуальным содержанием деятельностной рефлексии индивидуальный результат этой завершенности оценивается как конструктивный или деструктивный, просоциальный или асоциальный. В этом смысле потребление выступает как своеобразное гуманитарное производство, суть которого в создании необходимых условий для всех других видов социальной деятельности.

Таковы, на наш взгляд, начальные этапы концептуализации понятия «деятельность потребления», связанные с рассмотрением ее внутренней структуры и сущностного противоречия. Следующие стадии логического восхождения исходных понятий, специфицирующих концепт потребления, вытекают из различий материального и духовного потребления. Наконец, последний наиболее конкретный этап концептуализации деятельности потребления предполагает рассмотрение исторических форм потребления. Обнаруженные здесь совместно-групповые и семейно-индивидуальные формы потребления не противоречат антропоцентрической специфике личного потребления, поскольку лишь добавляет к акту потребления исторически сложившиеся отношения пользования жизненными благами [9]. Завершением уже ставшего историческим логического анализа является рассмотрение

потребления как особой социальной сферы и синонима всего современного общества в целом, где потребление все более приобретает знаково-мифологический характер, наслаждение от потребления становится «принуждением», а человек окончательно превращается в Homo Economicus [1, 42—44].

Разумеется, в столь беглом обзоре реальных изменений, связанных с деятельностью потребления, невозможно более подробно остановиться на всех аспектах, вытекающих из требования полноты социально-исторического анализа, в состав которого входят не только ассоциации макро-и-мезо-теоретического уровня, но также микроуровни анализа, лимитируемые устойчивыми признаками персональных паттернов [6, 165—176]. Поэтому мы завершаем наш теоретический анализ кратким перечислением основных авторских подходов к роскоши, собственности, богатству и потреблению, сложившихся в российской социальной мысли конца XIX — первой четверти XX в.

В самом общем виде эти, в значительной степени футурологические ориентации, можно отнести, прежде всего, к двум противоборствующим идейным направлениям российской социально-философской мысли: русскому марксизму и русскому религиозному ренессансу. При этом реализовать идеальные модели организации хозяйственной жизни на практике попытались лишь представители марксистской школы, получившие в свои руки реальную политическую и экономическую власть [5; 11]. В то время как русская религиозная метафизика, как дореволюционного, так и постреволюционного периода, когда она по большей части продолжала свои традиции за рубежом, так и осталась в лоне своих идеальных проектов.

Как следует из ссылок, взятых из трудов представителей русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, В.Ф. Эрнста, социально-экономические проблемы, связанные с производством, распределением и потреблением социальных и жизненных благ, а также с отношением к собственности и богатству связываются в защищаемой ими парадигме антинатурализма и антиэкономизма, прежде всего, с решением духовно-нравственных проблем, вытекающих из противоречивой природы человека как единственного посредника между миром идей и миром вещей [18, 417—427; 20, 312—320; 21, 195 — 224;]. «О человеке в современном экономизме, — отмечает С.Н. Булгаков, — утверждается сразу и слишком много и слишком мало... Одно отсутствует ... бесповоротно, это чувство греха и трагедия греховности, поврежденности мира и человека при создании высшей природы последнего» [2, 236 — 237]. «Есть два мира, — писал П.А. Флоренский,

завершая в своем “Столпе и утверждении истины” рассмотрение вопросов греховности и телесности человеческого бытия, — и мир этот весь рассыпается в противоречиях, — если только не живёшь силами того мира ... Эта противоборственность конечности и бесконечности в греховном разуме, или рассудке, есть выражение глубочайшего противоречия коренных норм самого разума в его современном, падшем состоянии» [19, 483 — 484].

Означает ли это, что в мире для человека и человечества нет и не может быть «потребительского рая», а вся деятельность людей в сфере потребления есть постоянная борьба с собственной греховностью и телесностью? Частично ответ на этот вопрос, на наш взгляд, можно найти в рассуждениях тех современных мыслителей, которые ясно видят в иррациональном характере ведения мирового хозяйства, частью которого является Россия, признаки исторической бессмысленности любых социальных экспериментов по созданию общества рационального производства и потребления, не затрагивающих сферу сознания.

Как пишет в одной из своих знаковых статей Ю.М. Осипов, хозяйство — это реализация сознания, в том числе выходящего за пределы индивидуального чувственного бытия, поскольку хозяйство расположено в пограничной области между сознанием и бытием. Человек в силу своей причастности к фундаментальной трансцендентности ведет хозяйство трансцендентным способом, т. е. не осознавая его конечной цели, а потому производит не только и не столько необходимое для жизни. В итоге в современном потребительском обществе создан уже целый арт-мир.

В этих условиях у человечества уже не остается резервов для античеловеческих экспериментов, даже социалистической направленности. Как нет резервов и для «успешного» капитализма. Человеческий мир, как отмечает Ю.М. Осипов, сегодня уже целиком захвачен и освоен, а впереди у нас только античеловеческий мир. На этом пути к антимиру, по мнению Ю.М. Осипова, возможны два основных пути исторического движения. Первый путь связан с тем, что, современная мировая коллизия, возможно, все-таки сформирует нужное для спасения человека и человечества уникальное апокалиптическое-апокастатическое сознание, которое сработает хотя бы для части человекообразного населения планеты. Второй путь — путь в историческое небытие. Этот трагически финальный путь может осуществиться, если разворачивающаяся на наших глазах мировая коллизия наберет полную силу и останется единственной в своём роде причиной гибели

человечества, при этом даже не попав в анналы истории, потому что дальнейшей истории человечества уже не будет [15, 12—13].

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
2. *Булгаков С.Н.* История экономической мысли, основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве, понимание в христианстве вопроса о собственности // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII—XX вв.). СПб: СП Ганза, 1993.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т.2 // Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1939.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
5. *Григорьев Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. Изд. 2-е доп. и испр. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927.
6. *Ильин В.В.* Философия: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 1999.
7. *Коган Л.Н., Сесюнина И.Б.* Духовное воспроизводство: Методологические и социологические проблемы. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986.
8. *Кукаркин А.В.* Буржуазная массовая культура: теории, идеи, разновидности, образцы, техника, бизнес. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Политиздат, 1985.
9. *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Изд. 8-е, перераб. и доп. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1931.
10. *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015.
11. *Ларин Ю.* Строительство социализма и коллективизация быта. Л.: Прибой, 1930.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3.
13. *Момджян К.Х.* Категории исторического материализма: системность, развитие (начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
14. *Никифоров А.Л.* Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990.
15. *Осипов Ю.М.* Сознание как феномен человека и фактор его бытия // Философия хозяйства. 2015. № 5.

16. *Первушин С.А.* Очерки по теории массового потребления // Экономист. 1922. № 4 — 5.
17. *Сидорович А.В.* Курс экономической теории: Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Дело и сервис», 2001. 832 с.
18. *Соловьёв В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
19. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Изд-во Правда, 1990.
20. *Франк С.Л.* Собственность и социализм // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII— XX вв.). СПб.: СП Ганза, 1993.
21. *Эрн В.Ф.* Христианское отношение к собственности (Посвящается памяти Вл. Соловьёва) // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII — XX вв.). СПб.: СП Ганза, 1993.

References

1. *Pervushin S.A.* Essays on the theory of mass consumption // the Economist. 1922. № 4 — 5.
2. *Sidorovich V.A.* The course of economic theory: General principles of economic theory. Microeconomics. Macroeconomics. Fundamentals of the national economy. Textbook - 2nd ed. modified and supplemented M.: «Delo i Servis» (Business and Service), 2001. p. 832.
3. *Nikiforov A.L.* Activity, behavior, creativity // Activity: theory, methodology, problems. M.: Politizdat, 1990.
4. *Kutyrev V.A.* The last kiss. A man as a tradition. St. Petersburg: Aletheia, 2015.
5. *Hegel G.W.F.* Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 1. The science of logic. – M.: «Mysl'» (Thought), 1974.
6. *Marx K., Engels F.* The german ideology. Op. 2nd ed. Vol. 3. Pp.7 — 544.
7. *Kogan L.N., Sesyunina I.B.* Spiritual reproduction: Method. and sociologic. problems. Tomsk: Tomsk University Publishing, 1986.
8. *Kukarkin A.V.* Bourgeois mass culture: Theories, ideas, varieties, specimens, technology, business. 2nd ed. modified and supplemented. M.: Politizdat, 1985.
9. *Hegel G.V.F.* Science of logic. – Т. 2. Op. Vol. 6. – М., 1939.
10. *Momjan, K.H.* Category of historical materialism: consistency, development (initial stages of the ascent from the abstract to the concrete). – М.: Mosk. University press, 1986.

11. *Ilyin V.V.* Philosophy: Textbook for universities. M.: Academic Project, 1999.
12. *Kulisher I.M.* History of economic life in Western Europe. Ed. 8. vol. 1. M.; L.: Gosizdat, 1931.
13. *Baudrillard J.* The consumer Society. Its myths and structures. – M.: «Kul'turnaya revolyuciya» (the Cultural revolution), Respublika «the Republic», 2006.
14. *Grigorov G., Scotov S.* Old and new life. Ed. 2nd EXT. and Rev. – M., L.: «Molodaya gvardiya» (the Young guard), 1927.
15. *Larin Y.* The Construction of socialism and the collectivization of everyday life. Leningrad: «Priboi» (Surf), 1930.
16. *Solovyov V.S.* Op. 2 t. T. 1. M.: «Mysl'» (Thought), 1990.
17. *Ern V.F.* Christian attitude to the property (Dedicated to the memory of VL. Solovyov) // K. Isupov I. Savkin. Russian philosophy of ownership (XVII — XX centuries). St. Petersburg: SP Ganza, 1993.
18. *Frank S.L.* The Property and socialism // K. Isupov I. Savkin. Russian philosophy of ownership (XVII — XX centuries). St. Petersburg: SP Ganza, 1993.
19. *Bulgakov S.N.* History of economic thought, the main motives of the philosophy of management in Platonism and early Christianity, understanding Christianity over the question of ownership // K. Isupov I. Savkin. Russian philosophy of ownership (XVII — XX centuries). St. Petersburg: SP Ganza, 1993.
20. *Florensky P.A.* The Pillar and ground of the truth. Vol. 1. M.: Pravda, 1990.
21. *Osipov Yu. M.* Consciousness as a Human Phenomenon and Factor of Human Being // Philosophy of economy. The almanac of the Center for social Sciences and economic faculty of MSU named after M.V. Lomonosov.

Р.И. ХАБИБУЛЛИН

**Концептуальные основы самоуправляемой фирмы:
в поисках сбалансированной модели хозяйствования***

Аннотация. В работе проанализированы теоретические основы самоуправляемых (коллективных) фирм, находящихся в собственности

*Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ, проект № 14-18-02294.

работников. Показано, что коллективные предприятия имеют большой потенциал в обеспечении устойчивого развития экономики. Целью данной статьи является определение базовых характеристик сбалансированной модели самоуправляемой фирмы. Результаты исследования могут быть применены в разработке программ развития коллективных форм хозяйствования на территориях соответствующих субъектов РФ.

Ключевые слова: самоуправляемая фирма, коллективное предприятие, акционерное общество работников, кооператив, солидарность, самоуправление.

Abstract. This paper analyzes the theoretical basis of labor managed firms (collective enterprises) based on the employee ownership. It has been shown that the collective enterprises have great potential in promoting sustainable economic development. The goal of this article is to identify basic characteristics of a balanced model of labor managed firms. The results of research can be used in elaboration of programs for the development of labor managed firms on the territories of the Russian Federation.

Key words: labor managed firm, collective enterprise, company with employees as shareholders, cooperative, solidarity, self-government.

Преодоление дисбаланса интересов различных участников производства; авторитарного характера хозяйствования, присущего современным российским фирмам; участие работников в управлении наиболее полно проявляются на самоуправляемых (или коллективных) предприятиях с демократической системой хозяйствования. А.И. Колганов отмечает «специфические преимущества коллективных предприятий, связанные с улучшением социально-психологического климата внутри коллектива, развитием трудовой взаимопомощи, внутриколлективной солидарности, с возрастанием эффективности организации производства и управления на основе самоуправления» [26, 355].

Многие сторонники коллективных форм хозяйствования главным «индикатором» самоуправляемой фирмы (далее — СФ) считают коллективную форму собственности. Однако важно отметить, что участие в собственности (например, через владение акциями своей фирмы) не является единственным и решающим фактором, обуславливающим высокий уровень трудовой этики, мотивации и производительности [12, 160].

Суть СФ заключается в реализации хозяйственной власти трудового коллектива и принципов самоуправления [3]. Данный подход находит отражение и в работах современных авторов по менеджменту. Например, в книге Ф. Лалу «Открывая организации будущего» гово-

рится о так называемой «бирюзовой организации», основой организационной культуры которой является самоуправление [17]. Изучив практику функционирования таких компаний, Лалу приходит к выводу о том, что в подобных самоуправляющихся организациях существует набор из правил, которые и позволяют функционировать им в качестве самоуправляющихся, создавая соответствующую организационную культуру. Среди них: а) внутреннее консультирование (the advice process); б) механизм разрешения конфликтов (a conflict resolution mechanism); в) оценка результатов деятельности и определение размеров заработной платы на основе обсуждения (peer-based evaluation and salary process) и др.

Среди других характеристик, отличающих коллективные предприятия от других форм организации хозяйственной деятельности, можно выделить прежде всего *добровольный характер объединения физических лиц*, в рамках которого участники коллективного хозяйствования вовлечены в процессы самоуправления.

Таким образом, с одной стороны, СФ можно рассматривать как объединение (или *коалицию*) «заинтересованных в результатах ее деятельности участников, в которой решения принимаются ее членами» [22, 39]. С другой стороны, согласно А.В. Бузгалину и А.И. Колганову, в добровольных союзах или объединениях имеет место феномен «ассоциированного социального творчества» [1, 465], т. е. СФ можно трактовать как ассоциированных работников на микроэкономическом уровне. «Атрибутами такого союза становятся самоуправление и общественная (равнодоступная для каждого участвующего в деятельности) собственность. Условием участия в управлении ассоциацией и использования факторов труда становится участие в ее деятельности» [1, 467].

Многие современные разработчики концепции самоуправляемого предприятия с коллективной формой собственности полагают, что данная форма способствует повышению эффективности работы предприятия, идентификации интересов субъектов корпоративных отношений, стимулирует экономический рост; может создать объективные предпосылки для существенного повышения эффективности функционирования предприятий, на которых работники выступают их совладельцами [21, 103].

При этом различают два типа СФ: во-первых, в кооперативной форме и, во-вторых, на базе акционерной собственности работников [3].

Проблемам самоуправляемого предприятия с коллективной формой собственности были посвящены еще труды социалистов-утопистов XVI—XVIII вв. — Мора, Кампанеллы, Бабефа и др., а также произведе-

дения мыслителей XIX в. — Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. Например, к заслуге Р. Оуэна, помимо разработки программы создания Федерации кооперативов, управляемых непосредственными производителями, следует отнести его предложения об учреждении такой важной опорной структуры кооперативов, как *постоянно действующая система обучения и просвещения их членов*.

В первой половине XIX в. П.-Ж. Прудон характеризовал общество будущего как совокупность *самоуправляемых «рабочих ассоциаций»*, основанных на коллективно-неделимой собственности общин, артелей, кооперативов, использующих систему участия работника «в продуктах и в прибыли соразмерно выполненному им труду» [23, 88]. Близких позиций придерживался Ф. Бюше, который предлагал план создания самоуправляемых «рабочих ассоциаций» — прототипов современных производственных кооперативов.

Дж.С. Милль писал: «...если прогресс человечества будет продолжаться и в дальнейшем, то, в конечном счете, станет преобладать не та форма объединения, которая может существовать между капиталистом, как главою предприятия, и рабочими, не оказывающими никакого влияния на процесс управления, а та, когда сами рабочие объединяются на условиях равенства и коллективного владения капиталом, посредством которого они осуществляют производство, а работы ведутся под руководством управляющих, назначаемых и смещаемых ими самими» [19, 112]. При этом он отмечал, что возражение, обычно выдвигаемое против коллективной формы собственности, заключается в том, что каждый работник коллективного предприятия постоянно будет стараться увильнуть от положенной ему по справедливости доли труда. Но, как справедливо заявлял Дж.С. Милль, те, кто постоянно повторяют этот тезис, почему-то забывают о том, что подобные трудности стоят и перед работниками *частнокапиталистических предприятий*. В обычной фирме работник имеет еще меньшую личную заинтересованность в своем труде, нежели рабочей ассоциации, поскольку в отличие от участника такой ассоциации он не работает на благо СФ, членом которого является сам.

Английский экономист, основоположник неоклассического направления в экономической науке А. Маршалл, называя акционерное общество лучшей формой организации производства, отмечал, что акционерам трудно установить эффективный контроль над общим управлением предприятия. Решить эту проблему Маршалл считал возможным путем введения «*кооперативной ассоциации*», где «часть или все из тех акционеров, кто берет на себя риск за предприятие, сами работают на нем» [18, 388].

В трактовке Дж. Данна основными принципами и целями СФ в кооперативной форме являются: (1) статус собственника и инвестора

лиц, участвующих в деятельности кооператива; (2) управление кооперативом лицами, участвующими в его деятельности; (3) цель кооператива — извлечение и распределение выгод от его деятельности между участвующими в ней [35, 83].

По мнению Боулза и Гинтиса, СФ в кооперативной форме — предприятие, трудовой коллектив которого самостоятельно выбирает себе руководство и формирует административные структуры в соответствии с принципами самоуправления [34].

Российская экономическая мысль также обращалась к вопросу о СФ, прежде всего, в кооперативной форме. Идеи кооперативного устройства экономики разрабатывало большинство русских ученых-экономистов еще на рубеже XIX—XX вв. (табл. 1).

Таблица 1

Основные идеи российских экономистов по СФ в кооперативной форме

Исследователь	Основные идеи
Н.Г. Чернышевский	Считал, что трудящиеся только тогда освободятся от эксплуатации, когда они сами станут хозяевами производства. Капитализму он противопоставляет общественный строй, в котором не будет наемных рабочих и «нанимателей труда», собственник, хозяин и работник будут соединены в одном лице — общество трудящихся, организованное во имя их интересов [31, 487]. Вслед за Ш. Фурье Чернышевский полагал, что только свободный труд (когда он совершается человеком «не по внешнему принуждению», а по «собственным соображениям о его надобности и пользе для него самого») способен изменить отношение людей к своему труду, станет творческим и высокопроизводительным.
Н.И. Зибер	Полагал, что альтернативной мануфактуре, базирующейся на «господстве одного капиталиста», является форма концентрации производства на кооперативной основе, где разделение труда «осуществляется исключительно между самостоятельными владельцами товаров» [11, 647]. Н.И. Зибер видел в кооперации союз, которым достигается согласование интересов, социальная гармония, т.н. «кооперация труда и капитала». Однако ученый не считал, что повсеместное развитие производственных рабочих ассоциаций приведет к изменению самого общества.

Продолжение табл. 1

Н.В. Калачев	Первый из русских исследователей, кто по существу описал все формы кооперативных отношений в России с древних времен до 1860-х гг. Его труд «Артели в древней и нынешней России» остается до сих пор ценным и единственным наиболее полным источником по истории русских артелей. Рассматривая артель как форму организации хозяйства, Н.В. Калачев писал, что это есть «добровольное соглашение членов на равный труд для общего заработка». И вытекающее из этого «основное начало», определяющее существо артели, которое «заключается в равенстве взаимных отношений между членами артели и вместе с тем в участии их во всех действиях, а также в выгодах и убытках составленного ими товарищества, соразмерно капиталу и труду, внесенным каждым из них в общее дело» [29, 306].
Ф.Г. Тернер	Впервые обратил внимание на то, что производственная кооперация в промышленности присуща отраслям и производствам «более простым, требующим меньшего капитала» [27, 247]. При этом он рассматривал кооперативные предприятия как закономерную форму организации экономики наряду с частнокапиталистической [9, 20].
В.С. Садовский	Автор одной из первых в России книг, посвященных кооперации, подчеркивал, что «не всякое соединение производительных сил может быть названо кооперацией», а лишь то, которое связано с образованием новой хозяйственной формы, предполагающей отношения взаимности, солидарности, особую «нравственную связь со смыслом и духом предприятия» [24, 20]. Садовский считал, что коллективное хозяйствование способно снять социальную невозможность для фабричного работника «сделаться фабрикантом», существенно повлиять на процесс «скопления капитала и сосредоточения собственности в руках немногих» [24, 5]. Признавая важность развития кооперативных форм хозяйствования, Садовский обращал внимание на то, что необходимо разработать систему для их поддержки и развития, что обеспечило бы перспективность и прочность коллективного хозяйствования

Н. Шеллер-Михайлов	Придавал большое значение «производительным ассоциациям», которые по мнению исследователя, должны сыграть ведущую роль в достижении социального согласия и упрочнения общественных устоев, ибо «отдельное хорошее жилище — задача строительной ассоциации... удешевление жизненных припасов — задача потребительных обществ... производительные же ассоциации прямо заставляют рабочего быть нравственным и развивают его ум, образуют его. Производительная ассоциация требует, чтобы ее член вел трезвую, порядочную и трудолюбивую жизнь, заставляет его уважать интересы его сочленов... Здесь он научается общественной жизни». В конечном итоге «в производственной ассоциации каждый отдельный член в сущности есть в то же время и хозяин целой фабрики» [32, 345].
А.А. Исаев	Утверждал, что в коллективном предприятии происходит соединение труда и капитала. Коллективные формы хозяйствования влияют на материальное благосостояние своих членов-участников, способствуют их нравственному совершенствованию и умственному развитию, оттачиванию навыков управления производством. Что касается непосредственно артелей, то А.А. Исаев указывал на несколько их отличительных признаков: равноправность их членов, круговую хозяйственную поруку, добровольный договор при создании и разнообразие артелей [13, 335]. Важным теоретическим положением трудов Исаева является то, что кооперативные предприятия, находясь в среде капиталистических отношений, приобретают потенциальную возможность превращения в обычные фирмы. И, напротив, «в тех отраслях деятельности, где капитал незначителен, артельный труд имеет почти безграничное приложение: здесь артели не имеют опасных соперников» [14, 4].

Продолжение табл. 1

М.И. Туган-Барановский	Одним из первых в российской литературе определил кооператив именно как добровольное объединение лиц, т.е. указал на необходимость создания кооперативов не в разрешительном порядке, а нормативно-явочном. По мнению ученого, кооператив возникает с целью получения выгод его участниками, но при этом «кооперативное предприятие, в отличие от капиталистического предприятия, никогда не преследует цели получения капиталистической прибыли» [28, 57]. Общество должно превратиться в добровольный союз свободных людей — стать «насквозь» свободным кооперативом [16, 23].
К.А. Пажитнов (1879 — 1964)	«Добровольческим соединением нескольких лиц» определял кооператив и К.А. Пажитнов. Целью функционирования кооператива является совместная борьба участников с эксплуатацией со стороны капитала и улучшение положения своих членов [20, 37].
А.В. Чаянов (1888 — 1937)	Характерная черта кооперативного предприятия, по мнению А.В. Чаянова, состоит в том, что «оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними» [30, 243]. Чаянов отмечал также ряд проблем, с которыми неизбежно должно столкнуться коллективное хозяйство: 1) необходимость изменять организационный план из-за различной загруженности работников в течение года и из-за невозможности привлекать наемников; 2) при соблюдении принципа равноправия организовать учет труда, принимая при этом в расчет разницу в квалификации работников и оплате их труда, распределять обязанности и стимулировать их труд; 3) осуществлять руководство и поддерживать трудовую дисциплину при учете зависимости руководителя от избирателей и невозможности дисциплинарного исключения [30, 384].

Несомненным достоинством определений М.И. Туган-Барановского и К.А. Пажитнова было то, что от них отталкивались большинство последующих исследователей, стараясь их дополнить или синтезировать [25, 27].

Теоретические основы функционирования самоуправляемых предприятий на базе не кооперативной, а *рабочей акционерной собственности* – заложены в теории бинарной экономики, авторами которой являются Луис Келсо, а также Р. Ашфорд, Р. Шекспир, Дж. Лоуг, Н. Курланд, Д. Эллерман и другие экономисты.

Суть теории бинарной экономики «...заключается в том, что все члены общества, а не только ограниченное меньшинство существующих частных собственников имеют право участвовать в процессе производства посредством не только труда, но и капитала и присваивать результаты его растущей продуктивности на основе рыночных принципов» [10, 6].

Рабочая акционерная собственность имеет ряд *преимуществ*: (1) она содействует повышению, по меньшей мере, потенциально, положительной мотивации труда и, как следствие, его производительности и качества; (2) приобретение работниками акций предприятия, на котором они заняты в качестве наемных работников, путем мобилизации их сбережений для инвестирования и модернизации производства, может содействовать решению проблемы финансирования (инвестирования) предприятия; (3) владение работниками акциями позволяет им участвовать в реализации системы накопительной пенсии; (4) наделение работников акциями является одним из эффективных инструментов защиты предприятия от рейдерских захватов и недружественных поглощений; (5) владение имуществом предприятия работниками повышает социальную устойчивость производственной единицы национальной экономики [2]; (6) собственность работников часто рассматривается как механизм решения агентской проблемы между менеджером и работником, т. е. классического конфликта между трудом и капиталом [8, 415].

Относительно теоретической конструкции наделения работников акциями своего предприятия следует отметить классификацию Г. Демидовой, которая выделяет рабочую акционерную собственность первого и второго типа [7, 81].

Первый тип описывает ситуацию, когда 100% работников владеют 100% акций предприятия и осуществляют полный контроль управления им. *Второй тип* — случай, когда работники владеют большей частью капитала предприятия.

Характерными признаками того, что Демидова называет народным предприятием, функционирующим на основе акционерной собственности работников, являются следующие: (1) работники такого пред-

приятия обладают контрольным (не менее 51%) пакетом акций; (2) более 50% членов трудового коллектива обладают акциями своего предприятия, соответственно, допускается ограниченное использование наемного труда; (3) основная часть акционеров участвуют в производственном процессе; (4) распределение доходов между работниками осуществляется пропорционально их трудовому вкладу и количеству акций, принадлежащих им, внешние акционеры получают доход пропорционально только доле акций; (5) работник не может свободно распоряжаться своей долей акций. Вопросы по распоряжению акциями решаются на общих собраниях акционеров; (6) один работник-акционер не может иметь долю уставного капитала, превышающего 5% его величины; (7) при уходе с предприятия работник обязан продать свои акции коллективу, который выплачивает ему стоимость акций исходя их рыночной стоимости; (8) участие в управлении допускается на основе двух принципов: «один человек — один голос», «одна акция — один голос»; (9) рабочие-акционеры контролируют процесс управления предприятием, а самоуправление может осуществляться наемными менеджерами; (10) преимущественная форма хозяйствования — закрытое акционерное общество.

Таким образом, согласно подходу Т. Демидовой, работники-акционеры в императивном порядке осуществляют только контрольные функции в управлении предприятием.

Взвешенную позицию в рассматриваемом вопросе занимает и А.И. Колганов. Автор, анализируя американский опыт формирования СФ на базе акционерной собственности, указывает на то, что передача акций в руки работников в большинстве случаев отнюдь не приводит к созданию модели СФ с рабочей акционерной собственностью. Ситуация может измениться только тогда, когда трудовой коллектив сосредоточит в своих руках контрольный пакет или всю сумму акций компании. Как правило, именно в этих случаях на предприятии реализуется демократическая схема управления, означающая реальную возможность для каждого работника не только владеть акциями, но и участвовать в принятии хозяйственных решений [15, 75].

Вопросы функционирования самоуправляемых предприятий с коллективной формой собственности в академической литературе рассматриваются с разных позиций. С одной стороны, собственность работников часто идентифицируется как средство повышения производительности труда за счет «встроенных» эффектов стимулирования. С другой стороны, собственность работников рассматривается как инструмент, используемый менеджментом компаний для сохранения своей власти [33, 423]. Последнее утверждение находит поддержку и со стороны российских исследователей. В частности, Т.В. Гаврилова, описывая механизм «окапывания» менеджеров, пишет, что «на пред-

приятнях, где доминирует собственность работников, у менеджеров нет стимулов заботиться о долгосрочных интересах компании из-за недостаточного размера принадлежащей им доли акций. При желании акционеры могут добиться отставки неэффективного менеджера. Однако, опасаясь столкновения с аутсайдерами, работники предпочитают поддерживать менеджеров. Собственность работников, защищая предприятие от вторжения внешних инвесторов, также может способствовать «окапыванию» менеджеров и, как результат, снижению эффективности деятельности предприятия» [4, 643].

Теоретическое обоснование неэффективности самоуправляемых предприятий с коллективной формой собственности встречается в ряде работ современных западных экономистов [36; 38; 39; 40; 42]. Некоторые экономисты склонны утверждать, что уровень участия работников на таких предприятиях низкий или вовсе отсутствует. Например, Питегофф считает, что «большая часть функционирующих в мире самоуправляемых предприятий с коллективной формой собственности имеет мало общего с рабочим контролем на таких предприятиях и практически исключает практику включения работников в принятии корпоративных решений» [41, 245]. Другие, напротив, видят позитивный потенциал таких форм хозяйствования [37, 307].

Существуют, наконец, различные суждения относительно сравнительных преимуществ и недостатков СФ на базе акционерной и кооперативной форм собственности. Так, по мнению А. Глушецкого, производственный кооператив, будучи, по определению, объединением труда в корне отличается от объединений капитала, каким, по его мнению, является предприятие, основанное на акционерной форме собственности работников, конструкция которого искусственна и нежизнеспособна. «Общественный прогресс селективно отобрал два типа предприятий, жизнеспособных в условиях рыночной экономики, — акционерное общество как объединение капиталов и кооператив как объединение труда. Эти типы предприятий реально сосуществуют в национальных хозяйствах развитых стран (причем второй дееспособен лишь в определенных народнохозяйственных сферах), но попытки «скрестить» их фундаментальные начала и вывести некую «акционерную артель» обречены на неудачу» [5, 16].

На наш взгляд, позиция Глушецкого уязвима. В теоретическом плане, по меньшей мере, спорным является определение любого самоуправляемого предприятия, функционирующего на основе акционерной собственности работников, включая те из них, в которых наделение акций обуславливается личным трудовым участием, как объединения капиталов. В практическом плане, немалая часть таких предприятий показала в мире свою жизнеспособность [6].

Сформулируем базовые характеристики сбалансированной модели управления СФ в контексте гармонизации интересов предприятия с интересами трудового коллектива.

1. *Создание и функционирование СФ.* Создание СФ вне зависимости от формы собственности и организационно-правовых форм на основе признания такими предприятиями концептуальных положений коллективного хозяйствования и отражения их во внутренних нормативных документах предприятия. Функционирование СФ в различных организационно-правовых формах предприятий при условии признания и реализации на практике такими предприятиями принципов производственной демократии расширяет поле создания и хозяйственной деятельности коллективных форм организации производства.

2. *Характер объединения физических лиц.* Добровольный характер объединения физических лиц при создании СФ. Это предполагает осознанное стремление людей работать на принципах коллективного хозяйствования. Данное обстоятельство, прежде всего, меняет положение человека труда на производстве, содействует максимальному сближению интересов работников и предприятия, повышению положительной мотивации труда — важнейшего средства обеспечения экономической и социальной устойчивости субъекта хозяйствования и доверия к менеджменту и среди работников, а также снижению масштабов и остроты производственных конфликтов.

3. *Членство в СФ.* Членом СФ может быть исключительно физическое лицо, принимающее непосредственное личное участие в деятельности СФ и принятии стратегических и оперативных (на низовом уровне) решений в СФ по принципу: «один человек — один голос» либо делегирующее это право своему представителю. Это обеспечивает демократический характер принятия управленческих решений, независимо от величины пая или пакета акций.

4. *Участие в СФ.* Участником СФ может быть лицо, опосредовано участвующее в деятельности СФ в качестве инвестора, вкладчика, носителя интеллектуальной собственности. Данное обстоятельство способствует решению проблемы внешних инвестиций в СФ, расширению круга лиц, заинтересованных в развитии СФ, повышению качества управления в СФ. Участники СФ обладают правом участия в управлении им, при условии сохранения за членами СФ «контрольного пакета» при принятии управленческих решений.

5. *Форма используемого капитала.* Использование СФ собственнорядного или заемного капитала на возмездной основе, что расширяет возможности создания СФ, особенно в случае дефицита средств у потенциальных членов и участников СФ. Предоставление работникам государственных и муниципальных предприятий возможность их трансформации в коллективные посредством взятия их в аренду и иные, не

связанные с отчуждением имущества формы хозяйствования, выкупа имущества в рассрочку в случае, когда государственные или муниципальные предприятия подлежат приватизации либо находятся на грани неплатежеспособности или банкротства.

6. *Делегирование прав.* Делегирование права оперативного управления СФ наемному менеджменту, избираемому на общем собрании СФ или назначаемому членами и участниками СФ и подконтрольного им и/или их представителям, что повышает компетентность принятия управленческих решений.

7. *Участие институтов гражданского общества в управлении.* Вхождение в состав коллективных органов управления СФ представителей органов власти различного уровня, профсоюзов, защитников окружающей среды, организаций защиты прав потребителей, экспертного сообщества, других институтов гражданского общества. Это обеспечивает учет в деятельности СФ интересов государства, муниципальных и других территориальных образований, на территории которых функционирует СФ, гражданского общества и их институтов, а также контроль деятельности менеджмента СФ, в первую очередь, высшего, с целью предотвращения ими своими управленческими полномочиями и противодействия коррупционным связям.

8. *Оплата труда.* Ограничение размеров оплаты труда всех занятых в СФ (принцип внутренней солидарности) с целью достижения сотрудничества, доверия и справедливости в отношениях между рядовыми членами СФ и менеджментом, а также самими рядовыми членами СФ.

9. *Открытый менеджмент.* Реализация принципов открытого менеджмента, обеспечивающего прозрачность в отношении информации о социально-экономической деятельности для работников, в принятии управленческих решений, что, прежде всего, повышает их качество, доверие участников его хозяйственной деятельности к менеджменту и между самими участниками, служит средством противодействия злоупотреблениям и коррупции.

10. *Долговременный наем членов и кадрового ядра наемных работников СФ.* Долговременный наем членов и кадрового ядра наемных работников СФ способствует идентификации их собственных целей и СФ в целом, а также расширяющего временной горизонт при принятии ими управленческих решений стратегического характера, уменьшает масштабы и остроту конфликтов на производстве.

11. *Ограничение наемного труда.* Ограничение наемного труда в СФ с целью сохранения сущности такой формы хозяйствования и предотвращения его трансформации в предприятия традиционного типа.

12. *Участие наемных работников в управлении.* Предоставление наемным работникам СФ права участия в управлении и распределения результатов деятельности СФ в порядке, определенном его внутренними нормативными документами. Данное право, во-первых, является неотъемлемым правом любого участника хозяйственной деятельности СФ, а также способствует сближению его интересов с интересами предприятия и защите законных прав и интересов работников на производстве. В условиях коллективного хозяйствования важно также предусмотреть возможность наемных работников стать членами СФ при условии признания ими принципов производственной демократии.

13. *Система обучения.* Непрерывная по времени, неразрывная по уровням и дифференцированная по профессиональным категориям работников система образования, просвещения и воспитания членов СФ, участников СФ и наемных работников СФ, а также их представителей, в качестве одного из главных условий обеспечения компетентности при принятии управленческих решений.

14. *Ориентация СФ на удовлетворение нужд внешнего социума.* Ориентация СФ на удовлетворение нужд внешнего социума, чему способствует предоставление им льготных кредитов, налоговых и иных льгот, приоритета в получении государственных и муниципальных заказов и т.п. в качестве компенсации его затрат на эти цели, а также средства, стимулирующие СФ исполнять социально полезные функции за его границами.

15. *Солидаризм СФ.* Солидаризм СФ, выражающийся во взаимодействии и взаимопомощи такого типа предприятий в создании ассоциаций, союзов, иных форм их объединений и т. п., главным образом, в целях повышения их экономической и социальной устойчивости, имиджа и влияния в обществе. Кроме того, важную роль в этом процессе может играть заключение соглашений с партиями, профсоюзами, другими организациями, поддерживающих идею коллективного предпринимательства на демократической основе, о стратегическом взаимодействии, взаимопомощи и взаимоподдержки. Сотрудничая между собой, СФ в свою очередь могут перенести такой же уровень взаимоотношений на более высокую ступень и стать реальной основой для демократизации не только экономики, но и других сфер общества.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.

2. Букреев В.В. Социальная устойчивость предприятия: вопросы становления. М.: ВШПП, 2007.

3. Букреев В.В., Рудык Э.Н., Хабибуллин Р.И. Коллективное предприятие: к теории вопроса // Вопросы политической экономии. 2015. № 4.
4. Гаврилова Т.В. Акционерная собственность и корпоративное управление // Собственность в XX столетии. М.: РОССПЭН, 2001.
5. Глушецкий А. Конструкция «народного предприятия» искусственна и нежизнеспособна // Российский экономический журнал. 1998. № 2.
6. Дементьев В.Е., Хабибуллин Р.И. Коллективные предприятия: анализ зарубежного опыта // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 123 — 135.
7. Демидова Г.Л. Коллективная собственность в перспективе и ретроспективе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1999.
8. Дубровский В.Ж., Романова О.А., Татаркин А.И., Ткаченко И.Н. Динамика корпоративного развития. М.: Наука, 2004.
9. Егоров В.Г. Кооперация в современной России. СПб.: Алетейя, 2013.
10. Еришова Т.В. Эффект бинарного роста в условиях открытой системы частной собственности: постановка проблемы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
11. Зибер Н. Разбор общественной кооперации // Кооперация: Страницы истории. Т. 1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Кн. 1. 30—40-е гг. XIX—начала XX века. Предыстория. М.: Наука, 1998.
12. Игнацкая М.А. Новая экономика: опыт структурно-функционального анализа. М.: КомКнига, 2006.
13. Исаев А.А. Артели в России. Ярославль: Печатня Губернского правления, 1881.
14. Исаев А.А. О мерах к развитию артельного производства. СПб.: Тип. А.В. Суворина, 1882.
15. Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993.
16. Корнейчук Б.В. Экономические воззрения М.И. Туган-Барановского. СПб.: Наука, 2008.
17. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
18. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс, 1993.
19. Милль Дж. С. Основы политической экономии. Пер. с англ. Т. 3. М.: Прогресс, 1980.
20. Пажитнов К.А. Основы кооперативизма. М., 1917.

21. *Парамонов А.Ф., Парамонов Ф.И., Харламович О.Я.* Механизм формирования и управления предприятиями с коллективной формой собственности. М.: «Фазатрон» — НИИР, 1999.
22. *Пресняков В.Ф.* Модель поведения предприятия. М.: Наука, 1991.
23. *Прудон П.-Ж.* Что такое частная собственность? Пер. с франц. М.: Республика, 1998.
24. *Садовский В.С.* О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства. М.: Тип. Л. Нитче, 1867.
25. *Семеусов В.А., Тюкавкин-Плотников А.А.* Производственный кооператив как субъект предпринимательской деятельности. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006.
26. Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. М.: ТЕИС, 1998.
27. *Тернер Ф.Г.* Ассоциации работников для потребления и для производства // Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Т. 3. М.: Наука, 2001.
28. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. 2-е изд. М.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1918.
29. *Фигуровская Н.К.* Калачев Н.В. Об истории артелей в России: Н.В. Калачев (1819 — 1885) // Кооперация: страницы истории: В 3 т. М.: Наука, 1998.
30. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991.
31. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. М., 1939—1953. Т. IX.
32. *Шеллер-Михайлов А.К.* Ассоциации: Очерк практического применения принципа кооперации в Германии, в Англии и во Франции. СПб.: Тип. А. Котомина, 1871.
33. *Aubert N., Garnotel G., Lapied A., Rousseau P.* Employee ownership: A theoretical and empirical investigation of management entrenchment vs. reward management // *Economic Modelling*. 2014. № 40.
34. *Bowles S., Gintis H.* The distribution of wealth and the viability of the democratic firm. // Ugo, Pagano, Robert, Rowthorn (eds.), *Democracy and Efficiency in the Economic Enterprise*. / N. Y.: Routledge, 1996, P. 64–81 (Ch. 5).
35. *Dunn J.R.* Basic cooperative Principles and their Relationship to Selected Practices // *Journal of Agricultural Corporation*. 1988. No. 3.
36. *Frydman R., Rapaczynski A.* A Privatization in Eastern Europe: Is the State Withering Away? Central European Univ. Press, in co-operation with Oxford Univ. Press, 1994.

37. *Hansmann H.* When does Worker Ownership Work? ESOPs, Law Firms. Codetermination and Economic Democracy // *The Yale Law Journal*. 1990. Vol. 99. No. 8.
38. *Jensen M.C., William K.M.* Rights and Production Functions: An Application to LMF and Codetermination // *Journal of Business*. 1979. No. 52. P. 469 — 506.
39. *Miyazaki H.* On Success and Dissolution of the Labor-Managed Firm in Capitalist Economy // *Journal of Political Economy*. 1984. V. 92. 1984. P. 909 — 931.
40. *Neary H.* The Labor-Managed Firm in Monopolistic Competition // *Economica*. Vol. 52. 1985. P. 435 — 448.
41. *Pitegoff, P.* Worker Ownership in Enron's Wake-Revisiting a Community Development Tactic // *Journal of Small and Emerging Business Law*. 2004. No. 8.
42. *Poroush J., Kahana N.* Price Uncertainty and the Co-operative Firm // *American Economic Review*. 1980. Vol. 70.

References

1. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital. V 2-h tt. T. 1. Metodologija: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i jekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded). Izdanie 3-e, ispr. i sushh. dop. M.: LENAND, 2015.
2. *Bukreev V.V.* Social'naja ustojchivost' predpriyatija: voprosy stanovlenija. M.: VShPP, 2007.
3. *Bukreev V.V., Rudyk Je.N., Habibullin R.I.* Kollektivnoe predpriyatje: k teorii voprosa // *Voprosy politicheskij ekonomii*. 2015. № 4.
4. *Gavrilova T.V.* Akcionernaja sobstvennost' i korporativnoe upravljenie. V Kn. *Sobstvennost' v XX stoletii*. M. : ROSSPJeN, 2001.
5. *Glusheckij A.* Konstrukcija «narodnogo predpriyatija» iskusstvenna i nezhhiznesposobna // *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*. 1998. № 2.
6. *Dement'ev V.E., Habibullin R.I.* Kollektivnye predpriyatija: analiz zarubezhnogo opyta // *Rossija i sovremennyj mir*. 2016. № 2. S.123 — 135.
7. *Demidova T.L.* Kollektivnaja sobstvennost' v perspektive i retrospektive. SPb., 1999.
8. *Dubrovskij V.Zh., Romanova O.A., Tatarkin A.I., Tkachenkov I.N.* Dinamika korporativnogo razvitija. M.: Nauka, 2004.
9. *Egorov V.G.* Kooperacija v sovremennoj Rossii. SPb.: Aletejja. 2013.
10. *Ershova T.V.* Jeffekt binarnogo rosta v uslovijah otkrytoj sistemy chastnoj sobstvennosti: postanovka problemy. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2002.
11. *Ziber N.* Razbor obshhestvennoj kooperacii // *Kooperacija: Stranicy istorii*. T 1. Izbrannye trudy rossijskih jekonomistov, obshhestven-

nyh dejatelej, kooperatorov-praktikov. Kn. 1. 30 — 40-e gg. XIX — nachala XX veka. Predistorija. M.: Nauka, 1998.

12. *Ignackaja M.A.* Novaja jekonomika: opyt strukturno-funkcional'nogo analiza. M.: KomKniga, 2006.

13. *Isaev A.A.* Arteli v Rossii. Jaroslavl', 1881.

14. *Isaev A.A.* O merah k razvitiju artel'nogo proizvodstva. SPb., 1882.

15. *Kolganov A.I.* Kollektivnaja sobstvennost' i kolektivnoe predprinimatel'stvo. M.: Jekonomicheskaja demokratija, 1993.

16. *Kornejchuk B.V.* Jekonomicheski vozzrenija M.I. Tugan-Baranovskogo. SPb., Nauka, 2008.

17. *Lalu F.* Otkryvaja organizacii budushhego. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016.

18. *Marshall A.* Principy jekonomicheskoy nauki. M., 1993. T. 1.

19. *Mill' Dzh. S.* Osnovy politicheskoy jekonomii. Per. s angl. T. 3. M.: Progress. 1980.

20. *Pazhitnov K.A.* Osnovy kooperativizma. M., 1917.

21. *Paramonov A.F., Paramonov F.I., Harlamovich O.Ja.* Mehanizm formirovanija i upravljenija predpriyatijami s kolektivnoj formoj sobstvennosti. «Fazatron» — NIIR, 1999.

22. *Presnkov V.F.* Model' povedenija predpriyatija. M.: Nauka, 1991.

23. *Prudon P.-Zh.* Chto takoe chastnaja sobstvennost'? Per. s franc. M.: Respublika, 1998.

24. *Sadovskij V.S.* O razvitii rabochih asociacij kak mery gosudarstvennogo blagoustrojstva. M., 1867.

25. *Semeusov V.A., Tjukavkin-Plotnikov A.A.* Proizvodstvennyj kooperativ kak sub`ekt predprinimatel'skoj dejatel'nosti. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2006.

26. Sobstvennost' v jekonomicheskoy sisteme Rossii / Pod red. V.N. Cherkovca i V.M.Kul'kova. M.: TEIS. 1998.

27. *Terner F.G.* Asociacii rabotnikov dlja potreblenija i dlja proizvodstva // Kooperacija. Stranicy istorii. Izbrannye trudy rossijskih jekonomistov, obshhestvennyh dejatelej, kooperatorov-praktikov. T. 3. M.: Nauka, 2001.

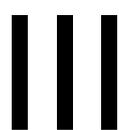
28. *Tugan-Baranovskij M.I.* Social'nye osnovy kooperacii. 2-e izd. M., 1918.

29. *Figurovskaja N.K. Kalachev N.V.* ob istorii artelej v Rossii. V Kn. Kooperacija: stranicy istorii.

30. *Chajanov A.V.* Osnovnye idei i formy organizacii sel'skohozjajstvennoj kooperacii. M., 1991.

31. *Chernyshevskij N.G.* Polnoe sobranie sochinenij. M., 1939 — 1953. T. IX.

32. *Sheller-Mihajlov A.* Asociacii: Oчерk prakticheskogo primenjenija principa kooperacii v Germanii, v Anglii i vo Francii. SPb, 1871.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЁВ

**Прогресс транстехнологий как отрицание человека:
критические точки взаимодействия**

Tefal, ты думаешь о нас!
(Реклама на дорогах)

Аннотация. Если определять не перечислением, а по историческому смыслу, то новейшие нано-, био-, инфо-, когно- (NBİK) технологии являются транстехнологиями. Потому что выводят человечество за пределы его жизненного мира. Но люди боятся видеть их опасный характер. В статье обсуждаются болевые точки прогресса. Развитие компьютерной техники к 2045 г. приведет к превращению земной цивилизации в один Большой компьютер. Однако это никого не беспокоит. Мы готовы потерять свою самость, без попыток что-то изменить. Созываются конференции по проблемам сексуального общения людей с роботами. Ни протестов, ни скандала эти так называемые интимные технологии не вызывают. Нарастает крик о необходимости скорейшего перехода к «шестому технологическому укладу», суть которого в автоматизации любой деятельности. О перспективе превращения людей в паразитов никаких мыслей у энтузиастов лишь бы нового — нет. В июле 2016 г. над адронным коллайдером появились пунцовые облака и вихри, но никто не предложил остановить эксперименты, и игра с Вселенной в русскую рулетку продолжается. В гуманитаристике идет кампания диффамации человека — отпора ей, кроме нескольких одиноких голосов, не слышно. И т. д. до точки погружения в Трансверсум Абсолютного Техноса. С-ума-шедшая цивилизация обслуживает техногенное развитие, не пытаясь соотнести его с собственной судьбой. Мы в процессе эвтанизации и не будем знать, когда нас не будет. *Нужно (бы) Движение Сопротивления.*

Ключевые слова: прогресс, транстехнологии, компьютеры, цивилизация, опасность, деградация, коллайдер, апокалипсис, эвтанизация, сопротивление.

Abstract. Determine not transfer, but in fact, the latest nano, bio, info, cogne (NBİK) technologies are trans-technology. They take humanity beyond its life-world. People are afraid to see their dangerous nature. The

paper discusses the painful point of progress. The development of computer technology by 2045 will lead to the transformation of Earth's civilization in one large computer. People will become its members. We are ready to lose their self, without trying to change something. Convene a conference on sexual intercourse between people with robots. No protests, no scandal, these so-called intimate technology do not cause. There is growing need to cry for a speedy transition to the «sixth technological order», the essence of which is to automate all activities. On the long term transformation of the people in any thoughts parasites enthusiasts have a new - no. In July 2016 there were over Hadron Collider crimson clouds and whirlwinds, but no one offered to stop the experiments. The game with the universe of Russian roulette continues. In the humanities is the campaign of defamation of a person — resistance to it, except some the single voices not heard. Etc. Before point immersion in the Transversum of Absolute Technos. C-mind-came down technogenic civilization serves development without trying to relate it to own destiny. We are in the process of euthanasia and will not know when we will not. We need (to) resistance movement.

Key words: progress, trans-technology, computers, civilization, danger, degradation, Collider, apocalypse, euthanasia, resistance.

Иллюстрируя неразумие низших форм жизни, обычно говорят о мышах, которые лезут за сыром в мышеловку, о мотыльках, летящих на свет, чтобы сгореть, о леммингах, стадами несущихся к Ледовитому океану, чтобы утонуть. В отличие от них люди могут гордо заявить: мы sapiens, мы мыслим. Да, но как и насколько далеко мы ушли от этих гонимых желанием будто бы блага, а на самом деле влекущихся к гибели существ. Если взглянуть на очевидные факты, хотя бы последнего времени, то придется сказать, что мыслим довольно ограниченно, ущербно и «не в своем уме». Без осознания, без оценки последствий создаваемого, без его соотнесения со своим реальным положением в мире и истории. Сквородка «тефаль» — этот символ синтеза технологий и потребления начинает думать не только о нас, но и за нас. Вместо нас. Примеры множатся, куда ни посмотри, о чем ни подумай, если, конечно, хотеть видеть дальше своего носа и пытаться рассуждать дальше хода Е-2 — Е-4. При господствующем подходе к научно-техническому прогрессу, особенно к нано-био-инфо-когнитотехнологиям микро- и мегамиров, сложившемуся отношению к ним, люди, теряя собственную телесно-духовную идентичность и свой «макромир», исчезнут, не заметив этого.

Вот некоторые явления, мягко их можно назвать болевыми, критическими точками в достижениях нашей цивилизации, но если

принципиально — это точки смертельной угрозы человеку как Genus Homo. Самая, пожалуй, известная и практически обоснованная: знаменитый футуролог, но не просто теоретик, а технический директор Google Рей Курцвейл по годам и этапам рассчитал, что к 2045 г. мир превратится в Большой компьютер. А все вещи и сущие станут его элементами [7]. Глядя на эти графики, кто-нибудь думает о возникающих здесь роковых для настоящих еще живых людей проблемах, о том, что с нами будет, когда превратимся, наряду с другими вещами, в минимальные, ничтожные узелки информации Internet of Everything? Уже сейчас реально мы находимся на стадии, когда Big Brother is watching (Большой Брат наблюдает за вами). В московском метро отслеживают людей с «нестандартным поведением». Готовятся к тому, чтобы сделать это на улицах по программе «безопасный город», когда за людьми будут следить вещи, особенно мусорные урны: если вы мимо нее бросили бумажку, она выпишет вам штраф. Не говоря о детях, на которых в «лучших школах» вполне конкретно надевают электронные браслеты для контроля поведения, вплоть до определения того, что они едят. Где восстание психологов или хотя бы заявление психологической ассоциации России, объясняющее взрослым идиотам, что они тем самым формируют людей без самости, инициативы, способности к риску, а значит, и творчеству? Многие ли, особенно либеральные борцы за свободу и прайвеси, рвут на себе волосы? Хотя бы попрощались с идеалами Просвещения, столетними толками о свободе и личном достоинстве человека. К сожалению, они по инерции критичны к морально-политическим регуляторам, техногенный тоталитаризм у них в зоне слепого пятна. А ведь такого манипулирования со стороны не было даже в тяжелых антиутопиях. Телескрины Дж. Оруэлла стояли только в комнатах, да и доставали не до каждого угла. Где дискуссии о столь принципиальном изменении положения человека, когда вместо долга, совести, ответственности, других духовных состояний личности, норм религии и морали оно регулируется бессубъектно, извне? То есть о нашем переходе к жизни, в сущности, в концлагере, только контроль в нем не прямой, надзирателями через глазок и на вышках, а электронный, надзирателями у экранов?

Параллельно в образовании начали пропагандировать, а к 2020 г. в передовых университетах предполагается ввести deep elearning — глубинное электронное обучение. *Глубинное*, т. е. не через сознание личности, а закачивая информацию в бессознательное, программируя через подкорку. Естественно, с помощью чипов. Роботизируя людей изнутри. Сначала до состояния зомби, потом до киборга. Кем, после того как к 2045 г. превратимся в элементы компьютера и

люден-роботов (не) мы будем к 2070, к 2100 г.? Кибером без «орга»(низма)? Кто-нибудь озабочен подобной, вполне действительной, прорабатываемой министерскими инструкциями перспективой? Это не точка, а восклицательный знак, своеобразный расчетный час конца света, который работающие над его приближением трансгуманисты и другие суицидно мыслящие представители человечества ласково называют «Большим антропологическим переходом» — в небытие = в бессмертно-силиконового *постчеловека*. А пока подготовка к этому событию. Распространенное среди преподавателей мнение, что управленческо-бюрократический садизм, которому Министерство образования подвергает высшую школу, является намеренным вредительством, справедливо лишь отчасти. За требованием перевода внутреннего содержания преподавания, его органично связанных смыслов, индивидуальной и творческой спонтанности во внешне формулируемый список компетенций стоит запрос на формализацию образования, которая является «кустарным этапом» его подготовки к превращению в программирование, с последующей автоматизацией. Этот процесс задается ростом возможностей компьютерной техники, которым люди не способны сказать «нет». Мы становимся ее под-данными.

Или другое достижение, точка самая интимная и скандальная. 7 сентября 2016 г. в Лондоне в Салфордском университете прошла первая в мире международная научная конференция, посвященная сексу с роботами. Конференция носила название «Технологии и близость: Выбор или принуждение?». «Ученые со всего мира, как радостно писали новостные агентства, обсуждали проблемы «романтических отношений» с искусственным интеллектом, а также дискутировали о возможности любви и брака между людьми и роботами» [8]. Отмечалось, что в Европе все больше мужчин начинают жить с компьютеризированными куклами женщин, которые выполняют все пожелания «супруга», притом «без фокусов», а в Голландии уже открыт бордель, где такую девушку можно заказать на определенное время. Ну, если можно девушку, то почему для любителей не создать робота девочку-мальчика или кибер-садиста — очень перспективно (если кто подумал, что я преувеличиваю, то вот девиз этих сексуально безжизненных людей: «Машины удовлетворят всех»). И никакого шока в обществе их пропаганда не вызывает. Жалости к ним как неполноценным — тоже. Напротив, подчеркивается необходимость дальнейшего развития «интимных технологий». Развертывается целое направление их исследований. Ну, ладно технократы, ученые, особенно «британские», а где крики негодования оскорбленных технолеством философов и гуманистов, верующих (в любых богов), просто живых людей, еще не по-

терявших здравый смысл? Или человечество утратило его вместе с чувством собственного достоинства окончательно?

Роботофилия и техносексуализм вряд ли должны так нейтрально, «толерантно» обсуждаться. Их даже нельзя поставить в один ряд со скотоложеством и мужеложеством, другими органическими девиациями, которые как-никак находятся еще в пределах живого. Техноложество уже не извращение жизни, тем более не норма, это принципиальный отказ от нее, смертоложество. Не разврат, не перверсии, а субстратно иная, «суицидальная любовь» — к виртуальному, искусственному, мертвому. *Mortido*. Мертвая сущность сущего проникает в последние укромные места человеческого бытия. В воспроизводство рода. Некрофилия. Естественное вытесняется противоестественным, которое заменяется пост-естественным. По линии чистого интеллекта, подчинив себе человека как более слабого своего носителя, оно сделает его материалом. Как в «Матрице». В том числе, а может, прежде всего, через имитацию влечения и любви. На этом фоне парасексуализм становится традицией, а любовь мужчины и женщины, да еще с рождением детей — глубокой архаикой. Горе тебе, *undead modern-men* (если бы ты, не мертвый, но и не живой, понимал, что творишь, или с тобой творится).

Однако зря все эти наши нападки на новации в виде техноложества. Оно тоже вот-вот будет старомодным. Мировые агентства, кто еще нейтрально, кто уже ликующе от очередных достижений прогресса, сообщают, что «через пару десятков лет сексуальные отношения могут стать слишком обременительным занятием для человечества: радости создаваемой высокими технологиями виртуальной реальности заменят людям настоящее соитие, полагает профессор Стэнфордского университета Генри Грили, написавший книгу «Конец секса и будущее человечества» [9]. (Про любовь так стыдно и вспоминать, разве только в скобках.) Самоотрицание человека, происходящее в связи с возникновением искусственного интеллекта в сфере духа, завершается его сексуальным самоотрицанием. Его самоубийством как родового существа.

Впрочем, после появления трансгуманизма с идеями сначала «усовершенствования», а потом и вовсе замены человека нелюдьми, люденами, голограммой, информационными ландшафтами и т. д. удивляться больше нечему. Кроме одного: кто еще в здравом уме, тот не может не поражаться легкомыслию, а точнее, происходящему сумасшествию людей по-научному. Например, некий будто бы философ с восторгом рас(пере)сказывает об успехах и, правда, еще остающихся трудностях по конструированию гибридов живого и неживого, кото-

рые науке надо преодолеть. «Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы как сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя... В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается стратегия индустриальной капитализации живого» [1, 29]. Такое оно, светлое будущее человека! Тем более можно «получить любой вариант преобразования живого организма. Только не путем видового скрещивания, а путем перепрограммирования клеток... В частности, Проект Гал-Бен-Анри in potentia 2012, когда художник преобразует клетки крайней плоти обрезанного полового члена в нейронные клетки мозга...» [1, 33].

По-видимому, у автора статьи подобное преобразование клеток уже произошло. Куда там традиционным злодеям старой научной фантастики типа Големов и Франкенштейна или инженера Гарина до достижений нынешней, сорвавшейся с цепи человека, технонауки! Как страстно ее творцы стремятся к (само)уничтожению людей. Кажется, это их последняя страсть. Как будто мыслят не люди, а «мозги в банке». Предпочитают толковать о жизни в компьютере, превращении в гибриды, «бессмертии» или счастливой смерти и т. п. Слепые вожди слепых. И никто за эти призывы к «геноциду по-научному», в отличие от того, как если бы они призывали «просто к геноциду» или террору, их не преследует. Даже не критикуют. И мы не будем. Томского доктора философии надо даже поблагодарить: за последовательность. Это кристально чистый пример вырождения мышления: из способности целостного духа оно превратилось в чистую функцию одностороннего технического образования и таких же профессиональных занятий, которое не может преодолеть никакая последующая причастность к философии. Ученость без благодати. Дьявольская. Как невинный младенец, без каких-либо сомнений он показал направление, конечный результат, куда движется main stream ненаправляемого транстехнологического прогресса. *Люди, чей ум еще имеет глаза (является сознанием), смотрите: нашу/вашу планету захватывают техноиды и мутанты, ликвидаторы человечества, его враги и (само)убийцы. Возникает религия по-научному, ино(го)низм. Трансианство.*

И вот, наконец, точка, не такая патологически точная, более обобщающая, скорее клякса, но расплывается она все в том же направлении. В научно-предпринимательских кругах начали говорить о наступлении шестого технологического уклада, или четвертой промышленной революции. Суть этого последнего новационного обеща-

ния прогресса в том, что все производство будет автоматизировано и роботизировано, что все будет делаться без людей. Которые де-факто останутся на некоторое время, но в статусе паразитов, со всеми вытекающими из подобного статуса последствиями. Вот-вот эти гипотезы и проекты переднего края технауки превратятся в действия и, набирая силу, по миру покатится истерический вал криков о том, как это хорошо и что надо «инновационировать-ся» как можно скорее. Но кто читал какие-то исследования, слышал обсуждения на конференциях — как жить (или не жить) в такой роли и качестве человеку? Как личности, как экзистенциальному, телесно-духовному существу. Кроме мелких примитивно экономических опасений в связи с «возможной нехваткой рабочих мест». О смысле и бессмысленности саморазвития экономики и производства у нас размышляют, кажется, единственно в рамках исследовательского направления по философии хозяйства, куда и можно еще предложить на эту тему дискуссионный текст: «Философия хозяйства, воспринимая и философию экономики, способна раскрыть не одни возможности экономики, но и опасности, от нее исходящие. Показать ее противоречия, увидеть тупики, в которые она попадает, заметить историческую временность» [6, 490]. Как иронически предсказывал Ст. Ежи Лец, «техника так совершенствуется, что скоро человек сможет обойтись без самого себя». Все признаки, что дело идет туда без тормозов и осмысления. Без попыток подумать, что для вида *Homo sapiens* это трагедия и надвигающимся на нас стихийным пост(транс)человеческим технологическим процессом надо бы управлять. Подчинять человеку как целостному существу, а не включаться в новый тур дикой, бессмысленной гонки «ради роста ВВП». За счет самого человека, его сведения до «человеческого капитала» как средства. Его деградации, а потом и полного отрицания.

С победой шестого технологического уклада эта гонка окончательно выйдет за рамки человеческого начала, «переедет (через) нас». Не в замыслах и не на передовых рубежах новационизма, как сейчас, а массово, практически. Возникает не просто потребительское общество, а *общество потребления человека*. Точки сливаются в сплошную линию, обозначая дорожную карту нашего самоотрицания. *Все совпадает, все достраивается до целостности*. «Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от собственной глупости», — с горечью говорил А.А. Зиновьев [3, 521]. Все так и происходит, только глупость эта не в отсутствии знания и информации, а в превращении нашего сознания в формальное, не связанное с жизнью, с самим собой мышление. В конце концов, в машинный интеллект. Интеллект машин. Соответственно личности пре-

вращаются в зомби, интеллигенты сначала в интеллектуалов, а потом в интеллагентов. Их все больше у власти. Человек перестает быть носителем собственных целей. Из пешехода и водителя, и(е)дущего по дороге, он становится материалом этой дороги, ведущей к трансформации покрытой жизнью Земли в безжизненную планету. Бионоосферы в ноотехносферу. Без людей и других популяций сущего.

Логично, что на фоне подобных достижений, на подоплеке вытеснения человека из техно-хозяйственного предметного бытия и замены жизненных отношений социальными и виртуальными технологиями, разворачивается вытесняющая гуманизм контргуманистическая, анти/постчеловеческая идеология, антропофобия и антропофагия — против самих себя. Находящиеся на передовых рубежах прогресса антропологи (наверное, теперь правильнее сказать: находящиеся на передовых рубежах деградации антропофобы) толкуют о нищете естественного человеческого мозга, уродстве его тела, вообще о нем как вырожденке эволюции и т. п. [5]. Фактически подводится мировоззренческая база (мина) под исчезновение человека, его замену сначала киборгами, потом роботами, а потом — «поствитализмом», уничтожение всего живого. Об этом направлении на Западе есть при(за)мечательная статья П.С. Гуревича с характерным названием «Мизантропология как метанойя» [2], где вопрос об отказе от гуманизма и постчеловеческом перевороте подробно рассмотрен, но кого он обеспокоил, кто подхватил тревогу, где развернувшиеся яростные споры? Хотя бы среди гуманитарной общественности. Без последствий. Как нет и понимания, что переход философии на категориальный аппарат, в основу которого кладется не бытие, а ничто, не реальное, а трансцендентальное, не сознание, а мышление, не логос, а матезис (и даже в математике не единица, а ноль), отказ от субъекта и призывы к смерти человека вообще, есть выражение нашего исхода из феноменологического мира, где мы можем жить. Транс-формация в «Иное». Условная постепенность которой может (готовятся предпосылки) прерваться внезапным вселенским взрывом. Апокалипсисом без апостасиса (последующего спасения праведных).

В своей радикальности, этот взрыв поставит Окончательную Точку, точнее, восклицательный знак, уже перевернутый вниз головой в судьбе не только человечества, но и нашей, населенной другими живыми существами Земли. Люди, будто бы сапиенс, готовы уничтожать не только себя, естественную природу, заменяя ее искусственной, а свой интеллект машинным, «который будет мощнее в миллионы раз», *но и всю планету, а может быть, и Вселенную*. Чтобы это направление без(д)умной деятельности человечества конкретизировать, надо

вспомнить (уже начали забывать при таком обилии информации, когда ничего не помнят на другой день) об адронном коллайдере. Вспомним об этом событии и о реакции на него так называемой общественности в виде неких миниатюрных зарисовок в жанре художественного мышления («эсфоризмов»). Для этого есть конкретный физический повод, о котором я скажу ниже.

В последний час

Появились творцы и идеологи прямого светопредставления. Создали адронный коллайдер, его проектировщики признают, что из-за этого эксперимента в принципе возможны цепная реакция и неконтролируемое развитие процессов. Одновременно утверждают, что «этот эксперимент не должен уничтожить Землю, так как пучки такой интенсивности ранее запускались на других ускорителях. Однако в мире немало и тех, кто готовится к концу света» (сообщение Интерфакса от 10 сентября 2008 г.) [10]. (*Не должен*, какое фундаментальное основание для уверенности!). Другие физики (сами физики!) признают, что хотя некая вероятность цепной реакции есть, она очень, очень мала. Так «проговаривались» и физики, соорудившие коллайдер (двое из них подали в суд из-за его возможной опасности, кажется, швейцарский), правда, потом, когда кто-то позволил себе поразмышлять более глубоко, все участники этого проекта стали утверждать, что нет, «все будет нормально».

Согласимся, что опасность мала, однако, есть, это признается, так зачем же играть в безумную игру? Ставка-то какая! «Науке интересно». Но чтобы до конца понять явление, его надо воспроизвести. Хотят воспроизвести рождение нашей Вселенной. В принципе, это значит, что моделируется = создается «новая Вселенная». А две Вселенных сразу быть не может. Значит, какая-то из них должна исчезнуть. Может быть это будет «старая». Если ее сразу не взорвут, разыскивая одну «частицу Бога», то к этому будут двигаться, решая следующие, более сложные задачи. О том, что игра продолжится, говорят как об очевидном. Аппетит приходит во время еды. В проектах новый — более мощный — коллайдер. И вероятность «неконтролируемого процесса» будет возрастать. Философское осмысление данной ситуации обязывает сказать, что *человечество приступило к экспериментам по самоуничтожению*. Адрес Универсальной Машины (УМ-а) смерти: Европа, граница Швейцарии — Франции; время начала ее работы: сентябрь 2008 года. Отсчет пошел, рано или поздно этот УМ сработает. И ничего его/ее не остановит. Крики 3 — 5% экологически озабоченных, философски понимающих, что происходит людей, жующе-

шопингующая толпа и «немыслящие» технонаучные фанатики не услышат.

«Однако в среду вряд ли удастся стать свидетелями конца света, поскольку образование новых частиц возможно лишь тогда, когда протонные пучки будут сталкивать. Пока же их запустят в одном направлении», — продолжает Интерфакс 13 сентября 2008 г. «Вряд ли удастся стать свидетелями конца света» — в этом чудовищном выражении официального сообщения — бессознательное «все» нашей безнадежно оглупевшей цивилизации. Ее «осв(я)етителей», готовых ерничать над самой трагичной перспективой. Хотят быть свидетелями (!) конца света и жалеют, что «в среду» он еще не случится, а если случится, «в четверг?», то это недостаточно скоро! При этом хотят остаться наблюдателями, как в телевизоре или перед компьютером. Если люди могут так беззаботно балаболить о возможности собственной смерти, то придется поверить, что когда фантасты объясняют причины отсутствия в космосе сигналов разума неизбежностью гибели цивилизаций в результате самоубийства, они не такие уж фантазеры. Оказывается, описанный в Библии конец света — вот он, рукой подать (потрогать). *Конец света (будет) по-научному.*

Первая (не)удача

А теперь проба пера. Не философия, не символизм, и как *физическое Событие*. В начале июля 2016 г., т. е. через 8 лет после запуска и работы, информационные агентства мира с минимальными вариациями передавали сообщения примерно следующего характера: «Во время планового эксперимента в лаборатории высоких энергий CERN на Адронном коллайдере жители Женевы наблюдали небывалое зрелище: небо над лабораторией приобрело пурпурный (некоторые писали — пунцовый) оттенок (некоторые писали — цвет), а облака начали закручиваться в воронку, передает портал “РИА Новости”. Многие из тех, кому посчастливилось (! — *В.К.*) стать свидетелями (опять свидетелями. — *В.К.*) этого явления, не на шутку испугались. Газета The Sun сообщает, что любители сверхъестественного предположили, что открылся портал в другое измерение» [10]. Эти сообщения на лентах новостей шли в течение трех дней, с 3- по 5 июля. Потом все утихло. Потому что «ученые успокоили население, объяснив, что это были не инопланетяне, не стихийное бедствие, а что необычное явление стало результатом эксперимента, в ходе которого предпринималась попытка собрать вместе микрочастицы» [11].

Поражает не только поведение обывателей, но и примерно одинаковая лексика мировых агентств: посчастливилось — испугались —

успокоились. Как в детском саду. А чего не успокоиться, посмотрели в окно на Тот свет и — закрыли. «Сеть гудит» об инопланетянах, но о том, что инопланетяне возникают на самой Земле, в виртуале, и ставят над нами эксперименты, т.е. о явлении, которое действительно заслуживает внимания, — ничего. Ученые — они профессионалы, острые специалисты, а в остальном люди увлеченно-недальновидные, безответственные. Только Великие прошлого века еще понимали амбивалентность прогресса. А. Эйнштейн мог сказать, что «достижения науки — это ящик Пандоры, завернутый в скатерть самобранку». И призывали к осторожности в использовании энергии частиц микромира. Теперь Ящик-гроб раскрывают ничтоже сумняшеся, без оглядки. Ну, похулиганили немного в поисках «частицы Бога», кто говорит, нашли, кто — не нашли, впрочем, это неважно. Главное, крутанули разок русскую рулетку, поставив на кон Вселенную. Пока сошло, тем более не зря, а для науки. Любопытно все-таки. Ультра-микро-физики сами теперь признают, что работают не ради истины, а «для раздражения мысли». Да и облака, закрутившиеся в воронки (некоторые писали — вихри), были еще не черные, да и земной поверхности не достигли. Только ноги свесили. Вот если бы...

Это вместо того, чтобы правительства Швейцарии и Франции немедленно остановили эксперименты, если надо окружили сооружение войсками, назначили международную Комиссию, любые другие страны потребовали обсудить ситуацию на Совете Европы или созвать Совет безопасности ООН. Ничего не было. Будут ждать, когда воронка утянет Швейцарию, Европу, а может, и всю планету куда-нибудь в никуда. Эксперименты-то по большому взрыву Вселенной не просто около Женевы, а на планете Земля. Цепная реакция в микромире на макроуровне непредсказуема и может принять любые масштабы. Это будет последняя инновация человечества!

Вторая попытка

В подмосковной Дубне начали строить «наш, российский» коллаيدر, чтобы произвести собственный конец света = «маленький Большой взрыв Вселенной в лаборатории» — буквально так формулируется цель работ. Другими словами, повторить сотворение мира; Техно-боги; вместо старого и его насельников; безумная гордыня и радость трех или пятилетнего ребенка (ну и что, что в звании член-корреспондента или действительного академика) от чиркания спичками раз за разом, пока не загорится.

Скажем, на мини-величину вероятности провоцирования при этом реального взрыва, который тоже допускается некоторыми авто-

рами проекта (но не больше, чем «падение на Землю очень, в несколько километров, крупного астероида», против чего космологи почему-то предлагают строить защиту). Жалко все-таки москвичей, иллюзия, что их защитит противоракетная оборона как при обычной, или даже ядерной войне в данном случае неуместна. Ведь этот взрыв не извне, да и в тысячи, миллионы раз мощнее любого ядерно-водородного. Только что в столько же раз мгновеннее. Но вдруг на миллимиллисекунду передержат(ся). Он будет физически действительный, не в компьютере... Если только Москвой обойдется. Утешает одно: никто ничего не почувствует. Не успеем. Как сейчас, ни о чем не думают/ем. Ни тени сомнения. Не только у ученых, но и у будто бы философов (науки). Что поделаешь — Большая Наука. Требует, в масштабах Вселенной, хотя бы «маленьких» жертв. Хотя бы в виде человечества. Предельный, (не)мыслимый авантюризм — и никого не волнует. Мыши любят сыр, особенно сладко отравленный, а мотыльки огонь, потребляют, летят, радуются.

Третья спичка

Потом может быть четвертая, до тех пор, пока эксперимент не доведут до победного конца. Какого? (Света) и он завершится полным успехом. Само-апокалипсис. Все равно взорвут! Это будет наша последняя инновация. Тем более, что разрабатываются новые проекты и «фабрики «очарованных» частиц» начинают расплзаться по миру. Предупреждения об опасности без(д)умной активности и призывы при-задуматься — глас вопиющего в пустыне, в чем можно убедиться здесь и сейчас: даже если читатели признают, что факты не выдуманы, логика доказательная, абсолютное большинство, не пытаясь противостоять темным силам новационизма и прогресса, скажет для утешения: это алармизм; да, но еще не...; или: он — консерватор. И забудут. Чтобы продолжать жить во сне, с комфортом. Идя по пути *Mortido* с широко закрытыми глазами. Оскопленное прогрессом, не желающее видеть своего действительного положения, богатое, самодовольное человечество. (Не) Про(щай)сти им, Господи, ибо не ведают, что творят.

* * *

Так кто тут хвалился перед мышами и мотыльками, что люди, их политики и ученые — мыслящие существа? С глубоким прискорбием надо признать, что в своем стратегическом поведении мы на стадии низших животных. До высших не доросли. Они более дальновидны, строят жилища так, чтобы весеннее половодье их не достало, а перед взрывом вулкана заранее уходят в другое место. Современный человек

развил ум, но утратил мудрость и теряет сознание. Того, что делает. Обслуживает техногенное развитие, не пытаясь соотнести его с собственной судьбой. Живет без веры и любви, значит, и понимания, встроен в него как элемент, а не субъект, его рефлекс, а не рефлексия. Трансгуманисты и все больше присоединяющихся к ним бывших гуманистов и антропологов, прикрываясь демагогией про «улучшение» человека вплоть до его бессмертия, прямо-таки охвачены азартом в обсуждении открываемых наукой вариантов самоуничтожения. Люди-андроиды с насадкой в виде компьютерных очков (насаженные на компьютер), находятся в «дополнительной реальности» и, как головы-сковородки, еще мыслят, но уже не в своем уме. Их поведение точно подпадает под юридическое определение невменяемости: «не осознает смысла своих действий и не способен руководить ими». Tefal, ты думаешь (о, за, в) нас!

И все под лозунгом: прогресс не остановишь. Как от смерти не уйдешь. Это теперь главный аргумент тех, кто, подняв голову над потоком, еще остаточно рассуждает. Но если прогресс неумолим как смерть, то чего ей/ему радоваться и к нему торопиться. Чудовищный фатализм, характерный скорее для вещей, нежели человека. Не будем напоминать, сколько Великих верили в его свободу, эту, возможно, тоже иллюзию, но даже без нее жить и умирать можно по-разному. Да, нельзя плыть против ветра, если прямо, однако есть же косые паруса, движение галсами, другие приемы борьбы со стихийностью. Или хотя бы уйти мужественно, как сознающим существам, не про-пав без понимания, что и почему. А пока диагноз: дошли до точки погружения в Трансверсум Абсолютного Техноса. Вялотекущий самоапокалипсис, мы в процессе эвтаназии и не будем знать, когда нас не будет. С-ума-шедшая цивилизация. Ослепленное прогрессом, бедное, несчастное человечество. *Vae victis* (горе побежденным)! Трансцендентализмом и когнитивизмом = субстанциальной деменцией, по(за)развившей разум после его отрыва от «вещи-в-себе» и выхода за пределы жизненного мира человека.

* * *

Нужно (бы) Движение Сопротивления. И/или Спаситель. Мессия. (Не) обязательно в дыму и пламени. Где Он?! [4]...

Литература

1. Галкин Д.В. Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегии гибридизации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370.

2. *Гуревич П.С.* Мизантропология как метанойя // Человек. 2014. № 6.
3. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006.
4. *Кутырёв В.А.* Унесенные прогрессом (эсхатология жизни в техногенном мире). СПб.: Изд-во Алетея, 2016.
5. *Маркус Г.* Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга и ее последствия. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
6. *Философ хозяйства — 2* / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург: Изд-во УрТИСИ, 2009.
7. <https://m.inforesist.org/technicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/>.
8. http://mignews.com/news/lifestyle/070916_142359_74678.html.
9. news.sputnik.ru/.../2a8bb75ea57f22efec189f064197a6b86014b95
10. www.interfax.ru/news/2008/09/10/all/page_2.
11. <https://www.ridus.ru/news/225414.ht>.

References

1. *Galkin D.V.* Iskusstvennaya zhizn' kak nizverzhenie ploti: strategii gibrizatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 370.
2. *Gurevich P.S.* Mizantropologiya kak metanojya // CHelovek. 2014. № 6.
3. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. M.: Algoritm, EKSMO, 2006.
4. *Kutyrev V.A.* Unesennye progressom (esxatologiya zhizni v tehnogennom mire). SPb.: Izd-vo Aleteya, 2016.
5. *Markus G.* Nesovershennyj chelovek. Sluchajnost' ehvoljucii mozga i ee posledstviya. M.: Alpina non-fiction, 2011.
6. *Filosof hozyajstva — 2*. M.; Ekaterinburg: Izd-vj UrTISI, 2009.

Ф.И. ГИРЕНОК

Сладкое и соленое: философия социального

Аннотация. В статье анализируется с точки зрения философии несколько психологических экспериментов. В этих экспериментах раскрывается социальная сущность человека, а также суггестивная роль языка. Автор делает вывод о том, что социальное предполагает

самообман и возникающее на его основе галлюцинаторное состояние. Фигура другого поддерживает этот эффект. В статье раскрывается понятие наблюдателя. Автор приходит к выводу о том, что сознание не относится к серийным объектам. Оно никогда не отсылает к другому сознанию. Оно в каждый момент отсылает только к самому себе. В статье также различается понятийное сознание и клиповое.

Ключевые слова: социальное, язык, сознание, наблюдатель, другой, Ф. Соболев, мысль, клиповое сознание.

Abstract. In article some psychological experiments are analyzed from the point of view of philosophy. In these experiments the social essence of the person, and also a suggestive role of language reveals. The author draws a conclusion that the social assumes self-deception and the hallucinatory state arising on its basis. The figure of another supports this effect. In article the concept of the observer reveals. The author comes to a conclusion that the consciousness doesn't belong to serial objects. It never sends to other consciousness. It at every moment sends only to itself. In article the conceptual consciousness and clip also differs.

Key words: social, language, consciousness, observer, another, F. Sobolev, thought, clip consciousness.

В 1926 г. В. Пудовкин снял научно-популярный фильм «Механика головного мозга», в котором рассказывалось о научных достижениях школы академика И.П. Павлова и утверждалась мысль о том, что человек ничем не отличается от животного. Рефлекс человека на слово ничем не отличается от рефлекса собаки на метроном. У человека формируются такие же условные рефлексы, как и у собак, на которых проводил свои опыты И.П. Павлов. В подтверждение этой мысли показывалось выделение слюны у подопытного ребенка. Опыты, которые сотрудники Павлова проводили на детях, шокируют своей маниакальной уверенностью в том, что нет границы для науки в исследовании человека. В школе Павлова не принято было говорить о том, чем человек все-таки отличается от животного. Об этом рассказал позднее Лурия. На его взгляд, работать с человеком гораздо легче, чем с животными. Животного надо все время подкармливать, его условный рефлекс требует подкрепления. А человека подкармливать не надо. Ему достаточно слов, вербальных инструкций, и условный рефлекс у него будет сохраняться. Суггестивное действие речи обсуждается в другом учебном фильме, в котором антропологическая реальность растворяется в социальности, в доминирующей роли другого.

В 1971 г. режиссер Ф. Соболев снял научно-популярный фильм «Я и другие», в котором рассказывалось о влиянии на человека мнения других людей. В доказательство этой мысли в фильме было показано несколько психологических этюдов, среди которых выделялся эпизод с детьми, которые едят кашу.

Сюжет

Сюжет эпизода прост. За столом сидит пять детей в возрасте около шести лет. Они ждут кашу. Экспериментатор ставит на стол тарелку с кашей, которая с одной стороны сладкая, а с другой — соленая, но дети об этом не знают. Затем исследователь поочередно предлагает детям попробовать эту кашу и сказать, какая она. Первым четверым детям он дает сладкую кашу, и дети говорят, что она сладкая. А пятому ребенку предлагается соленая каша, и, хотя по выражению лица ребенка видно, что кашу ему дали соленую и она ему не нравится, он вслед за остальными детьми говорит, что она сладкая. Разрыв между тем, что говорил ребенок, и тем, что он чувствовал, как раз и должен был подчеркнуть, что человек — это существо социальное и зависит от мнения других. Что же на самом деле следует из этих экспериментов?

Асоциальность мысли

Мысль — это всегда новая мысль. Что значит новая? Это значит не зависима от того, что думают другие. Если мы хотим быть вместе с другими, нам нужно согласовывать с ними свои мысли. Если же мы хотим думать сами, нам не нужно быть вместе с другими. Мысль — это не согласованное с другими путешествие в воображаемое, в котором может оказаться истина. Согласованная мысль — это не мысль, а коллективная галлюцинация. Почему это галлюцинация? Потому что она строится на неразличении в коллективе подлинного и симуляции. В коллективе можно делать вид, можно казаться. В нем думают, что думают, хотя не думают, а делают вид. И отличить одно от другого нельзя. Несогласованные мысли разрушают коллективные галлюцинации. Согласованные мысли разрушают мышление. Вывод: думать самому очень трудно, потому что любая мысль асоциальна по своей природе.

Единочество людей

Все мы сначала видим, а потом говорим. Даже слепоглухонемые. Мы видим, не открывая глаз, ибо спать для нас — это значит ви-

деть сны. Каждый из нас видит свой сон. Нельзя подсмотреть сон другого. Этому не могут сделать даже нейрофизиологи.

Между тем все дети спят одинаково. Что значит то, что они спят одинаково? Это значит, что все дети видят один и тот же сон. Они переживают одни и те же галлюцинации. Когда дети заговорят, они проснутся. И каждый из них начнет видеть свой сон. Язык, как свидетельствует об этом миф о строительстве людьми вавилонской башни, разрушил единичество людей. И сны у нас перестали сбываться. Потому что вместе с языком к нам пришло время. И вещие сны стали пониматься не как следствие отсутствия времени в работе нашего сознания, а как необходимость нашего путешествия по времени.

Слепое зрение

Социальное есть не что иное, как непрерывно делящаяся согласованная галлюцинация. В эксперименте с детьми проясняется вопрос о смысле слова «социальное». Кажется, что социальное — это некое коллективное действие, предполагающее коллективную чувствительность. То есть ребенок для того чтобы вместе со всеми сказать «сладкое», должен проигнорировать факт, зарегистрированный чувствами, т. е. закрыть глаза на «соленое». Человек отличается от животного тем, что может игнорировать чувственность, обращенную к внешнему миру. Это игнорирование является условием существования воображаемого, которое может отсылать человека к самому себе, а может отсылать к коллективу, средством вхождения в который является симуляция. В любом случае человек вступает в конфликт с реальностью. В результате этого конфликта возникает момент, когда язык заставляет человека видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть. В этот момент возникает и длится социальное как согласованная галлюцинация.

Слепое зрение является условием существования социальности у человека, которая, следовательно, принципиально отличается от социальности у животного. У животного не существует разрыва между тем, что оно чувствует, и тем, как оно себя ведет. У человека социальное является результатом игры воображаемого, симулируемого и реального. Первые четыре ребенка, которые сказали, что каша сладкая, это еще не социум. Это повторение одного и того же. Они сказали то, что чувствуют. А чувствуют они одно и то же. Последний ребенок учреждает социальное, в основе которого лежит самообман. Для того чтобы быть вместе с другими людьми, для того чтобы стать элементом порядка целого, последнему ребенку приходится отказываться от своей чувственности и создавать галлюцинаторное состояние, находясь в котором он видит соленое как «сладкое». Социальность мог учредить

и экспериментатор, приказав соленое называть сладким. Социум — это не просто коллективное действие, групповая ментальность. Вывод: социум это делящаяся посредством языка галлюцинация, в основе которой лежит непрерывно возобновляемый самообман человека.

Конфликт языка и чувственности

В основе любого общества лежит конфликт между языком и чувственностью. Язык говорит о том, чего нет. Чувственность говорит о том, что есть. Язык говорит о прошлом и будущем. Чувственность говорит о настоящем, которое не знает внутри себя перемен. Язык рефлексивен. Чувственность аффективна. Если бы язык предшествовал чувственности, то у человека она не могла бы появиться. Но человек сначала видит, а потом уже говорит. Он сначала рисует, а затем рассказывает нарисованное. Общество пытается разрешить этот конфликт, найти некий компромисс, прибегая к услугам другого.

Другой

Когда другой молчит, он приемлем. Когда другой говорит, он невыносим. Другой заставляет тебя симулировать, делать вид. В нем коренится источник неподлинного. Он заполняет все поры социального своим бредом, если под бредом понимать согласованные друг с другом слова, которые не имеют никакого отношения к воображаемому. Избавиться от языка, а значит и от времени, можно только в вещих снах.

Человек грезящий

Человеку социальному всегда предшествует человек грезящий, т. е. человек, на поведении которого сказывается не столько действие внешних сил, сколько действие внутренних образов. Если бы не было действия этих внутренних образов, то человек, рождаясь, не кричал бы так жутко. Чем меньше человек грезит, тем менее прочными являются скрепы социальности, тем больше в мире множится одиночество одиноких, тем меньше в нем одиночества. Социум нуждается не в языке, а в грезах, в антропологической реальности. Что это значит? Это значит, как говорит мой знакомый, все мы галлюцинируем. Никто не знает, как устроен мир на самом деле. Язык без воображаемого теряет смысл и может быть заменен неантропологическим программированием.

Разорванное сознание

У детей, которые избежали разрыва между тем, что они говорят, и тем, что чувствуют, целостное сознание. Они могут сопровождать

свои действия словами: «у меня есть сознание». То есть, когда они говорят «эта каша сладкая», они говорят «у меня есть сознание, что эта каша сладкая». Сознание этих детей может носить понятийный характер. У последнего ребенка сознание разорванное, шизофреническое. Он не может сказать, что у него есть сознание, что каша, которую он съел, сладкая. У него происходит разрыв между сознанием и языком. У него нет сознания того, что каша сладкая, но он может сказать вместе со всеми, что она сладкая. Иметь сознание и говорить — это разные вещи. В последнем случае язык встает на место сознания, которое в свою очередь распадается на множество дискурсов.

Бумажки с крестиком

Последний ребенок из опыта с кашей ничем не отличается от тех людей, которых гипнотизировал Пьер Жане. Под гипнозом он внушал участникам эксперимента, что бумажки с крестиками нельзя увидеть. Затем Жане раскладывал перед испытуемыми десять бумажек, шесть из которых были без крестов. На вопрос: сколько перед ними бумажек? — участники эксперимента говорили: шесть. Иногда Жане писал на бумажке слово «невидимый» и получал тот же результат. То есть испытуемый видел начертание слова «невидимый» и отменял свое зрение, чтобы исполнить в пространстве галлюцинации идеальное содержание слова.

Слепое зрение запрещает человеку видеть что-либо целостное, ибо оно не учреждает предметы, а своей слепотой платит за то, чтобы быть вместе с другими, и платит за это тем, что видит симулякр вместо предмета.

Наблюдатель

За детьми, которые первыми едят кашу, наблюдает последний ребенок. Он наблюдает за ними и подражает им, показывая силу их языковой суггестии. За наблюдателем наблюдает экспериментатор. Первые дети включены в план сознания последнего ребенка. Они расширяют его сознание, и в этом расширении он не зависит уже от реальности внешних воздействий. Последний ребенок включен в план сознания экспериментатора. Но это включение не расширяет сознание экспериментатора, который, как говорит Дюрренмат, наблюдает за наблюдающим за наблюдателем. Разного порядка наблюдатели не могут находиться внутри одного сознания. У них разные сознания. Наблюдая за наблюдателем, сознание не становится серийным объектом, не включается в матрешку. Оно никогда не отсылает к другому сознанию. Оно в каждый момент отсылает только к самому себе.

Флэш-моб

Современное сознание, как лоскутное одеяло, сшито из кусочков. В нем одна часть сознания наблюдает за другой, но не для того, чтобы получить целостную картинку. А для того, чтобы сознание перестало тормозить мышление. Ведь сегодня мыслить — значит быстро мыслить. А что мешает быстро мыслить? Язык. Отсюда следует, что язык нужно реформировать. В идеале, нужно попробовать отделить мысль от языка. Но отделяя мысль от языка, мы разрушаем языковое сознание. И на его место ставим клиповое сознание.

Для того чтобы в намеченное время собраться в определенном месте, не нужно понимать, для чего собираются. Нужно собраться, но за этот сбор никому не надо платить слепым зрением. Никому не надо становиться элементом порядка целого. Ведь собираются не для того, чтобы вместе галлюцинировать. А для того, чтобы неожиданно возникнуть и также неожиданно исчезнуть, сказав: мы есть. Собраться без разрыва между языком и чувственностью; не для того, чтобы увидеть то, что можно увидеть только вместе, не для расширения зрения, а для демонстрации существования многих одиноких.

К.В. МОЛЧАНОВ

Недостатки диалектического метода К. Маркса. Достоинства подхода К. Маркса

Аннотация. В статье рассматриваются недостатки диалектического метода К. Маркса и достоинства его подхода. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения знаний современной экономической науки. Основным результатом исследования являются выявление указанной проблемы, а также ряда методологических принципов современных социально-экономических исследований. Наше исследование ведет к развитию современной экономической науки и ее новых представлений. Результаты исследования могут быть использованы в фундаментальных социально-экономических исследованиях.

Ключевые слова: экономическая наука, диалектика, политическая экономия, современное мышление.

Abstract. The article discusses disadvantages of the K.Marx's dialectic method and advantages of the approach. The discussed problem determines the complex of the issues relating to status, development and application of knowledge of a modern economic science. The main result of the study is to identify this problem as well as some of the methodological principles of modern social and economic researches. Our research leads to the development of the modern economic science and its new comprehensions. The results of the study can be used in fundamental social-economic researches.

Key words: economic science, dialectics, political economy, contemporary thinking.

К. Маркс дает такое определение своему диалектическому методу: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является прямой его противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (создатель) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней... У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно... В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели...» [4, т. 23, 21 — 22].

Итак, Маркс вроде бы в целом дал понимание своего метода, в том числе указал его принцип и даже, пусть и косвенно, цель, которой он будет служить. По идее, дальше Марксов диалектический метод мог бы быть раскрыт и в соответствии с этим конкретно применен.

Однако, во-первых, Маркс так и не смог определить гегелевский метод — он так написал: «...Я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [4, т. 29, 212]. Более того, он даже не указал, про какой из методов философии Гегеля идет речь. А ведь от фиксации (выбора) того или иного метода из определенных Гегелем в его философии или же от применения той или иной логики (что также актуально в рамках указанных Марксовых слов) много чего зависит. Так что у Маркса не определено, об изменении *чего* идет речь, поэтому и само изменение чего-то неопределенного не

может быть *определенным* (хотя, как будет показано ниже, можно сделать ряд актуальных выводов, но не из нечто неопределенного, а из Марксовой попытки решения вопроса).

Во-вторых, в рассуждениях Маркса есть подмена понятий — процесса мышления на метод. Это принципиально важное положение. И речь тут даже не о том, что наукам даже сейчас, в XXI в., не известно, что такое мышление, о чем мы уже много раз писали. Речь идет о принципе познания: Маркс подменил развивающееся на конструирующем сам себя пути познание [1, т. 5, 4], присущее философии Гегеля и определяющее ее основные методы, на научный (материалистический) метод, который и по духу отличен от гегелевских методов и не имманентен предмету, а применяется к нему извне. Такая подмена понятна в силу рассуждений Маркса, проведенных им в критике гегелевской диалектики в его известной работе «Экономико-философские рукописи 1844 г.» [4, т. 42]. Там в основе рассуждений Маркса лежит смешивание понятий идеи и сознания. Но ведь такое смешивание не только не присуще философии Гегеля, но и ошибочно просто недопустимо. И если подменять гегелевские понятия (чем, кстати, активно грешила советская философия, потом удивляющаяся диковенности гегелевской философии), то и о гегелевском методе (о любом из методов гегелевской философии) нельзя говорить (быть может, поэтому Марксу пришлось сказать, что он перевернул диалектику?).

Кроме того, в-третьих, у К. Маркса сняты положения о том, что диалектика — в объективной действительности, и идея отлична от сознания (рассудка); эти положения не только очевидны, но и указаны в трудах В.И. Ленина (например, «диалектика не в рассудке человека, а в идее, т. е. в объективной действительности» [3, т. 29, 181]), поэтому в данной статье их можно не обсуждать — известных ленинских тезисов вполне достаточно для критики соответствующих Марксовых представлений¹ и развитых на их базе советских домыслов.

В-четвертых, по Гегелю, его метод (любой из методов гегелевской философии) и даже идея (!) не являются демиургом действительного, материального мира². Методы философии Гегеля служат познанию, конкретным и ярким свидетельством чего являются его труды; — другое дело, что ее основной предметный метод имманентен природе

¹Кстати, некоторые ошибки Марксовой теории были указаны в ее буржуазной критике, о чем мы уже писали [8].

²Такого рода приписки философии Гегеля были часты не только во времена СССР, но и в XIX в., и даже сейчас имеются. Они не только наивны, но и показывают степень непонимания трудов Гегеля.

вещей и их развитию, что до сих пор не понятно материалистичным наукам. Поэтому утверждение о создании процессом мышления всего существующего нельзя ни прямо, ни косвенно относить к философии Гегеля (чем, кстати, активно грешила советская философия). А говорить о том, что развитие есть и подчиняется некоторым закономерностям, так это не значит говорить о формировании мира идеями. Кроме того, и у самого Маркса развитие мира и общества подчинено тем или иным законам. Кстати, Гегель раньше Маркса определил, что «...не познается ничего, чего нет в *опыте*» [1, т. 4, 429], что труд *образует* человеческое общество [1, т. 4, 105], суть капитализма [2, 123], основные законы развития капитализма [2, 456] и др.³ Поэтому не верно будет сказать про философию Гегеля, что «процесс мышления... есть демиург (создатель) действительного» (быть может, поэтому Маркс не дал описания метода Гегеля?).

Кроме того, в-пятых, в смысле использования перевернутой диалектики *также* следует указать и то, что желанный (но не получившийся) Марксов метод (этот метод нигде Марксом не был описан) не мог иметь *самодвижения* или внутреннего источника развития, присущего методам диалектической философии, т. е. без *того или иного поддержания* был обречен не только на множественные ошибки (одну из самых существенных из которых муссировали буржуазные экономисты [8]). Главное, такой подход подвержен догматизации, что на практике и подтвердилось: в СССР вообще весь марксизм-ленинизм был возведен в ранг непререкаемого учения и поэтому был догматизирован, стал по сути *верой*. А ведь единственной, но архинеобходимой неизбежностью поддержания этого метода является неоднократно упоминаемое К. Марксом и В.И. Лениным постоянное обновление, как и *всего их учения*, и приведение в соответствие с текущими научными открытиями и исторической ситуацией, а не декларация этого, что имело место в СССР.

³К. Маркс сам писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [4, т. 28, 424 — 427]. А все остальное указанное и использованное в его трудах (по словам Ф. Энгельса, за исключением материалистического понимания истории и теории прибавочной стоимости) было известно и до трудов К. Маркса! — кстати, большей частью из трудов именно Гегеля.

В-шестых, и опорные положения диалектического метода К. Маркса имеют существенные недостатки. Например, (1) всеобщая связь и взаимозависимость явлений. Однако привязанное к материалистическому воззрению это положение и его аспекты оказываются в некотором, собственном, идеально представляемом пространстве, часто не соответствующем практике (например, помпезные домыслы советских ученых о неуклонном движении к коммунизму в одночасье прекратили свое существование в 1991 г.). Более того, что важно в диалектическом смысле, (2) они оказываются не связанными с аспектами *всеобщности*. Иными словами, перевернутая диалектика могла так или иначе исследовать лишь те моменты развития, которые были *видны* Марксовому взору. Но ни о чем более и ни о какой объективности выявления феноменов (из *явления*) не могло быть и речи. В этом смысле Марксов метод действительно является прямой противоположностью любого из гегелевских методов (и при этом обозначается аспект субъективности Марксова метода, что важно, см. ниже). А (3) так называемые «законы» диалектики! О них мы уже писали и говорили (см., напр.: [6]), поэтому сейчас повторяться не будем, а лишь укажем на то, что, согласно Гегелю, не борьба противоположностей, а *противоречие есть корень всякого движения и жизненности* [1, т. 5, 520].

Также следует сказать и о том, что а) метод Маркса является достаточно узким, неприменимым ко многим процессам (в частности, поэтому диалектический материализм не может оперировать объективными категориями и понятиями), и б) это привело к появлению в советских науках ряда диковенных понятий, например, *фонды* и *неантагонистические противоречия*.

Однако самой большой проблемой метода Маркса, в-седьмых, является его классовый (пролетарский) аспект, который, как видно из Марксовой цитаты, изначально присутствовал, но с исчезновением пролетариата (например, при объявлении в СССР общности советских людей — по сути, нового общества) должен был быть и сохранен⁴ и

⁴Например, в смысле того, что, как указывал В.И. Ленин, мелкобуржуазные элементы «пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию... Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т. е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, *рабочих* на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно всех тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму... И глубочайшей ошибкой, за которую неминуемо придется потом расплачиваться, является попытка отмахнуться, отгородиться от *одной* из "неприятных" задач или трудностей в одной отрасли работы. Надо учиться и научиться овла-

трансформирован в новую идеологию, но которая обрушила бы идеологические устои обсуждаемого метода (хотя должна была бы развить марксизм-ленинизм). Но ведь этого сделано не было...

Итак, Маркс не дал описание своего диалектического метода (и быть может поэтому, по словам Ленина, никто из марксистов не понял Маркса, [3, т. 29, 162]?), а дал изложение своих исследований и их результатов (но при этом не мог избежать ошибок, о чем уже было сказано выше). В этом смысле лучше, по всей видимости, говорить о Марксовом подходе к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики.

А в *диалектическом материализме* «диалектический метод Маркса» был почему-то забыт, но зато появился «диалектический метод», об огульности и никчемности которого мы уже писали (см., напр.: [7])...

Но зачем же мы привели критику Марксова метода, точнее — по сути, его подхода к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики, пусть который и не раскрыт, но все же хоть как-то обозначен? Не ради же критики — она малопродуктивна, особенно в условиях современного уровня экономического образования, тем более в тех странах, на экономику которых без улыбки и не взглянешь. Нет — для осмысления возможностей диалектического познания. И это раскрывается в следующем⁵.

Во-первых, в определениях диалектической философии Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики есть материалистический подход, не учитывающий основные диалектические принципы и по своему существу диалектическим не являющийся. Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики — материалистический, узко специализированный вариант познания, не учитывающий многих диалектических положений, например, богатство *сверхчувственности*, и не соотносящийся со *всеобщностью*. Именно поэтому Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики является достаточно узким, о чем уже было сказано выше, и неприемлемым для

девать всеми без изъятия областями работы и деятельности, побеждать все трудности и все буржуазные навыки, традиции, привычки везде и повсюду» [3, т. 41, 101 — 103].

⁵Для упрощения изложения логическую основу Марксовых методологических представлений мы в данной статье затрагивать не будем, упомянув лишь то, что Ленин марксистскую логику понимал как диалектическую логику.

изучения многих общественных процессов. Хотя его можно сравнить с прожектором: Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики позволяет сконцентрировать в некоторый период времени достаточно большие методологические ресурсы для обнаружения и решения конкретной научной или общественной проблемы материального характера⁶. И это его огромное достоинство, которое учтено современной диалектикой (диалектической гносеологией). Но все же Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики недостаточен для полного освещения и тем более понимания в их имплицитной сути многогранных объемных вопросов общественной жизни и даже только экономики.

Во-вторых, для диалектики (диалектической гносеологии) важным является то, что К. Маркс наглядно и объемно продемонстрировал идею о том, что *возможно частное субъектное использование диалектических принципов для решения конкретных задач в области общественного развития*. Именно это положение ценно для современной диалектики, для исследования в ней человека и общества (например, используется в сфере продолжения труда Гегеля «Феноменология духа» — в новодиалектическом феноменологии-духа-продолжении). Другое дело, что необходимо использование диалектики, а не ее *перевертыша*.

В-третьих, хотя Марксов подход к исследованию вопросов политической экономии на основе перевертывания диалектики и не основан на категории «движение», он все же изучает различные конкретные формы движения и даже позволил Марксу сделать открытие в политэкономии — рассматривать капитал в движении. (Кстати, именно *учет и изучение динамических характеристик капитала и ряда других политэкономических категорий* архи важно само по себе, а также выгодно отличает *современную политическую экономию* [5] от экономической науки, все еще привязанной к равновесию спроса и предложения и вообще обладающей множеством недостатков⁷.)

⁶Но из этого следует и неизбежность развития подхода и учения в целом, о чем и говорили классики марксизма-ленинизма, на чем было акцентировано внимание выше.

⁷О некоторых существенных недостатках современной экономической науки мы сделали доклад «Три из основных причин неудовлетворительности состояния и познания современной российской экономической науки» на Международной научной конференции «Ломоносовские чтения — 2016»: «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономи-

Но самое важное то, что, в-четвертых, материалистическое представление возможностей познания гегелевской философии, следующее даже из специфических из Марксовых определений, есть выражение идеи о том, что *теория может стать реальной силой*.

И хотя существо второго, третьего и четвертого положений и в принципе и по сути было известно и ранее — в отношении философии Гегеля⁸, но для современной диалектики (для ее теории и практики) крайне важны некоторые соответствующие стороны Марксова учения, его логики и подхода, которые являются методологическими положениями и позволяют концентрироваться на решении конкретных насущных задач, хотя и следуют из анализа его ошибок, выявленных буржуазной критикой, и из замечаний В.И. Ленина.

А в заключение статьи следует сказать следующее: материалистическое, перевернутое использование диалектики не верно, более того, может иметь негативные результаты, в том числе для общества. Только (сама) диалектика дает надлежащие возможности для осмысления жизни, мира и построения общества достойно живущих людей — тех вопросов, которые изучаются в современной диалектической философии и в ее подразделениях, включая современную политическую экономию.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
5. Молчанов К.В. Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

ческого факультета МГУ имени М.В. Ломоносова), МГУ, 18 — 20 апреля 2016 г.

⁸Например, английский историк Дж.Х. Стирлинг написал так: «...Гегелю и, в особенности, его философии этики и политики обязана Пруссия своим могуществом и организацией... в то время как в конституционной Англии обладатели преимущественных прав и правительственных облигаций разоряются господствующей коммерческой безнравственностью, то простые собственники акций прусских железных дорог могут рассчитывать на гарантированный средний доход 8,33%. Вот уж, воистину, аргумент в пользу Гегеля!» (цит. по: [9, 43 — 44]).

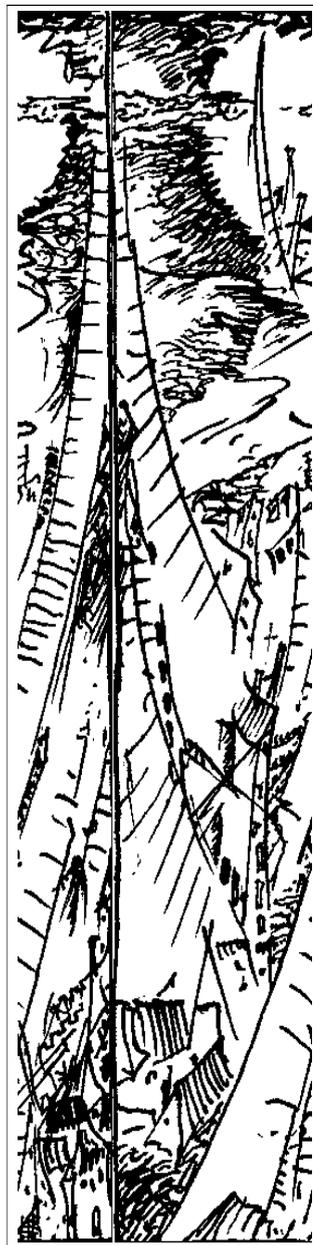
6. *Молчанов К.В.* «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // *Философия хозяйства*. 2013. № 6.
7. *Молчанов К.В.* Диалектический метод, или Диалектический метод Платона // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
8. *Молчанов К.В.* О категориальной недоопределенности стоимости // *Философия хозяйства*. 2016. № 3.
9. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2.

References.

1. *Gegel' G.V.F.* Soch.
2. *Gegel' G.V.F.* *Filosofija prava*. М., 1990.
3. *Lenin V.I.* PSS, 5-e izd.
4. *Marks K., Jengel's F.* Soch., 2-e izd.
5. *Molchanov K.V.* Vyjavlenie sovremennyh paradigmal'no-noseologicheskikh osnov politicheskoy jekonomii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. М., MGU im. M.V. Lomonosova, 2003.
6. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozhenija // *Filosofija hozjajstva*. 2013. № 6.
7. *Molchanov K.V.* Dialekticheskij metod, ili Dialekticheskij metod Platona // *Filosofija hozjajstva*. 2014. № 4.
8. *Molchanov K.V.* O kategorial'noj nedoopredelennosti stoimosti // *Filosofija hozjajstva*. 2016. № 3.
9. *Popper K.* *Otkrytoe obshhestvo i ego vragi*. М., 1992. Т. 2.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

**Размышления у непарадного подъезда
отечественного обществоведения
(по поводу необычной книги С.Г. Кара-Мурзы)***

Глубоко уважаемый мною известнейший в России и за рубежом мыслитель *Сергей Георгиевич Кара-Мурза* написал книгу, посвященную анализу истории и состояния отечественного (российского, советского, нынешнего) обществоведения, точнее, как он сам настаивает, бытующего в стране сообщества, а лучше бы сказать — бытующей в стране массы — обществоведов.

Автор приходит к неутешительному выводу: обществоведы вроде бы в стране всегда были и есть, а вот сколько-нибудь целостного, приближенного к реальности и социально эффективного обществоведения как не было в державе нашей, так и нет!

Вывод горький, но справедливый!

Будучи сам до мозга костей ученым, исповедующим беспристрастно фактологический научный метод познания, Кара-Мурза сетует, во-первых, на целостно-идеологическую зашоренность отечественного обществоведения, по большей части либо слишком сервильного, либо цензурно зажато и, как правило, усердно властями отрицаемого; во-вторых, на когнитивно-аналитическую фрагментарность родного обществоведения; в-третьих, на самую малую его пригодность.

Гонясь усердно за евроамериканской социологией, наш современный ученый обществоведческий корпус не только не догнал этой последней (точнее — *первой!*), оставаясь всего лишь периферийным ее задником, но и не смог сколько-нибудь адекватно ни трактовать текущую реальность, ни прогнозировать ее движение, ни предлагать органичных для страны перемен.

Разумеется, имеет место острая критика происходящего в России, есть безусловные вскрытия гноящихся проблем, есть и потребные для современной России альтернативные рекомендации. Нет только цельного и эффективного обществоведения национального разряда с высоким размыслительным полетом, того самого обществоведения,

**Кара-Мурза С.Г.* Российское обществоведение: становление, методология, кризис. — М.: ООО «ГД Алгоритм», 2016. — 480 с.

которое могло бы взять на себя ответственность за страну и оказаться способным проявлять диагностическую и конструктивную инициативу.

Критическая оценка автором отечественного обществоведения, обильно подкрепленная ссылками на зарубежные и отечественные источники, заслуживает, конечно, одобрения. Но есть тут все-таки одна мощная заковыка: во всем ли виновата наша отечественная ученость?

Дело в том, что в России XIX — XX вв., в СССР XX в. и в России XX — XXI вв. никогда не было и до сих пор нет спроса на объективное, адекватное и эффективное обществоведение со стороны верховной правящей власти, а потому если какое-то обществоведение и было, даже и есть, то любое, кроме нужного стране, ее населению, ее истории. Либо ущербное и по сути никакое, либо сервильно-фрагментарное, либо фрагментарно-диссидентское, либо попросту образовательно-просвещенческое, разумеется, вполне и подконтрольное.

Боюсь, что дело тут не в обществоведах и не в их обществоведении, а в особенностях страны, ее государства, ее власти. Какое-такое «правильное» обществоведение возможно в наше убойное реформическое время, когда осуществляется полусекретный социально-экономический переворот, совершенно не подлежащий никакому обществоведческому отражению, не то что объективному анализу и перереформатированию?

Есть, однако, и другое: Россия вообще не научная и не обществоведческая страна, а поэтому ежели что и есть в стране от умных и мудрых людей, то иное, совсем иное... не научное и не обществоведческое!

Вот так!

Что же касается большого и самоотверженного труда выдающегося моего современника С.Г. Кара-Мурзы, то труд этот крайне необходим, полезен и по-своему провиденциален — куда, как и с каким размыслительным отрывом идти России?

С.Г. КАРА-МУРЗА

Краткий экскурс в политэкономю*

Важный тезис в обществоведении состоял в том, что советская экономика была *невыгодна* для трудящихся. Начиная с 1960-х годов в нашей «полуподпольной» общественной мысли укрепилась, как нечто очевидное, идея, что государство эксплуатирует рабочих, изымая их прибавочный продукт. Отсюда вывод: сохранять советский строй — не в интересах рабочих. Этот строй — хуже «цивилизованного» капитализма. Эту мысль и стали интенсивно внушать самим рабочим.

Академик АН СССР и затем РАН, академик-секретарь отделения экономики РАН С.С. Шаталин так представлял отношение государства к рабочим в СССР: «Нужно снять абсолютно замшелый тезис об эксплуатации человека. Что лучше: эксплуатация человека человеком или сверхэксплуатация человека государством? Мы говорим об отчуждении человека от продукта труда. Но когда вы работаете на частного предпринимателя, вы практически не отчуждены от него. В нашем же государстве мы абсолютно отчуждены от продуктов труда» [5, 11].

Так же рассуждал член-корреспондент АН СССР П.Г. Бунич: «Почему же мы отбирали у работника стоимость его прибавочного продукта? Конечно, не Сталин, не Брежнев эксплуатировали. Ведь понятие “казна” было и раньше. Эксплуатировала не только частная собственность, но и казенная. Правда, нигде и никогда не было такой казенной собственности, чтобы она подчинила себе... всю страну. Это наше “достижение”. И мы не увидим здесь конкретного эксплуататора с алчной физиономией, с жадными и трясущимися руками. Все присваивает система в целом: она и проваливает, и пропивает. Она закладывает долгострой и грандиозные стройки века. Это те же египетские пирамиды. Они почти ничего не дали, кроме убытков и разорения. Это самый страшный эксплуататор — безлика и бездарная казенная система» [1].

Итак, академик С.С. Шаталин поставил такой вопрос: «Что лучше: эксплуатация человека человеком или сверхэксплуатация чело-

*Отрывок из кн.: *Кара-Мурза С.Г.* Российское обществоведение: становление, методология, кризис. — М.: ООО «ГД Алгоритм», 2016 — 480 с.

века государством?», — и сделал вывод, что для советских граждан лучше «эксплуатация человека человеком». Вывод кардинальный — это был призыв к смене государственной системы и общественного строя. Но этот вывод противоречит нормам рационального мышления. Ведь само понятие *эксплуатация* многозначно, и ученый обязан был объяснить его смыслы и ввести каждое определение в ясный контекст. Если понятие «эксплуатация человека человеком» как-то было объяснено в учебниках политэкономии, книгах и СМИ (пока неважно, верно или нет), то понятие «сверхэксплуатация человека государством» упало на головы советских граждан внезапно.

Сам С.С. Шаталин смысл обоих понятий не объяснил и даже не сказал, являются эти две сущности соизмеримыми между собой и можно ли их сравнивать друг с другом по критерию «что лучше»? Ведь сразу видно, что это сущности принципиально разные. Можно, например, сказать, что главное в сверхэксплуатации человека государством есть воинская повинность: человек рискует отдать свою жизнь навсегда, а при «эксплуатации человека человеком» работник всего лишь сдает в аренду частному предпринимателю свою рабочую силу. Оценка несоизмеримых ценностей и платы за них — фундаментальная проблема социальной и экономической философии, а что мы видим у философов российской реформы? Они эту проблему просто игнорируют.

Вспомним, что нам гласили словари и политэкономия, которую С.С. Шаталин, вероятно, знал досконально. Хотя, возможно, о некоторых основаниях политэкономии он умолчал. В российских словарях с 1907 г. утвердилось определение: «эксплуатация — извлечение выгод из к.-н. предприятия, из чужого труда». В Советском энциклопедическом словаре (1985) говорится: «эксплуатация — присвоение результатов чужого труда собственниками средств производства в классово-антагонистич. обществ. экон. формациях...». Так же и в Новом словаре иностранных слов (2009). Эти определения прямо или косвенно опираются на *трудовую теорию стоимости*. В Википедии прямо сказано: «Присвоение прибавочной стоимости Маркс считал формой эксплуатации работников».

Но это неверно! Первая ошибка С.С. Шаталина и П.Г. Бунича заключается в том, что они использовали авторитет Маркса, а Маркс писал *совсем другое*. Проблему «эксплуатации человека человеком» и «сверхэксплуатации человека государством» разжевал сам Маркс. И в обоих случаях Шаталин и Бунич исказили модель Маркса.

Начнем с «эксплуатации человека человеком». В политэкономии принято, что наемный рабочий производит стоимость, которая

разделяется на две части. Первая часть — стоимость *необходимого* продукта, которая отдается в форме зарплаты рабочему, как рыночную цену его рабочей силы. Его рабочая сила — товар, и он его добровольно продает капиталисту. Это честная купля-продажа, тут нет никакой эксплуатации. Вторая часть произведенной рабочим стоимости представлена *прибавочным* продуктом. Этот продукт капиталист продает на рынке и получает доход (*прибавочную стоимость*). Получение этой прибавочной стоимости наши обществоведы и называют *эксплуатацией работника*.

Искажение теории Маркса советскими профессорами и академиками поражает. Трудовая теория стоимости исходит из постулата равновесия рынка труда: необходимый труд оплачен зарплатой, эквивалентной стоимости рабочей силы. Никаких претензий на получение и прибавочной стоимости рабочий предъявлять не может. Он свободно заключил на рынке труда контракт купли-продажи его товара (рабочей силы). Работодатель предоставил другие ресурсы, необходимые для процесса труда и производства стоимости, в том числе и необходимого продукта, принимаемого форму зарплаты.

Маркс специально подчеркнул, что в норме при купле-продаже работнику дается согласованная цена его рабочей силы, и нет никакой несправедливости в том, что этот его товар производит прибавочную стоимость. Нет никакой несправедливости! Значит, нет и эксплуатации в том смысле, который нам навязало советское [а также досоветское и антисоветское] обществоведение.

Читаем «Капитал» Маркса: «Стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non* [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист...

То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу... Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного

обмена несколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость» [2, 204, 206].

Вернемся в начало наших рассуждений к исходной установке о том, что в СССР государство эксплуатирует рабочих, *изымая их прибавочный продукт*.

Но начнем с капиталистического государства, в котором наглядно есть рынок рабочей силы — здесь все на ладони. Государство отбирает и у капиталиста, и у рабочего часть их дохода посредством налогов. Значит ли это, что государство их эксплуатирует? Маркс объясняет на примере расходов государства на строительство дороги, что нет, *это не эксплуатация*.

Он пишет: «Правда, это есть прибавочный труд, который индивид обязан выполнить, будь то в форме повинности или опосредованной форме налога, сверх непосредственного труда, необходимого ему для поддержания своего существования. Но поскольку этот труд необходим как для общества, так и для каждого индивида *в качестве его члена*, то труд по сооружению дороги вовсе не есть выполняемый им прибавочный труд, а есть часть его *необходимого* труда, труда, который необходим для того, чтобы он воспроизводил себя как *члена общества*, а тем самым и общество в целом, что само является всеобщим производительной деятельности индивида» [4].

Сказано достаточно ясно. Таким образом, у Маркса никаких оснований для утверждения, будто советское государство было «сверхэксплуататором» населения СССР, нет. Ни С.С. Шаталин, ни другие обществоведы их не привели и даже не пытались, они ссылались на понятие «прибавочной стоимости». Эти эмоциональные всплески были вне разумных и тем более научных норм. Они были недовольны советским строем — это их право, но они вели антисоветскую пропаганду *с ложными аргументами*. Это для ученого недопустимо. Они не стали спорить с Марксом, а, наоборот, опирались на его авторитет, который был ими же внушен населению СССР.

Из контекста научных (а не идеологических) рассуждений Маркса можно выдвинуть тезис, что, изымая у рабочих прибавочный продукт, ни капиталист в рыночной экономике, ни государство в США или в СССР, не эксплуатируют рабочего. Противоречие между трудом и капиталом или между трудом и государством вызвано иными отношениями, а вовсе не присвоением прибавочной стоимости, здесь роль этой сущности представляется надуманной, как и сама категория при-

бавочного труда. Фундаментом модели антагонистического противоречия трудовая стоимость стала из-за того, что она порождена гипостазированием — ее представили реальной сущностью, и очень многие в ней запутались.

Выше мы привели объяснение Маркса того факта, что государство делает расходы из необходимого для работников продукта (дороги, школы, армия и пр.). Средства на это капиталист изымает у работника и передает государству в виде налогов. А в СССР государство было и работодателем, и предпринимателем, и организатором создания благ за рамками зарплаты, получая отчисления от предприятий и формируя общественные фонды. За 1985 г. при средней денежной зарплате работающего 2281 руб. один работающий отчислял в общественные фонды потребления 944 руб., из них на душу населения приходилось 530 руб. денежных выплат и льгот. Это — только общественные фонды *потребления*.

Статьи расходов этих фондов в 1985 г. были таковы (%): просвещение — 25,7; здравоохранение и физическая культура — 13,8; социальное обеспечение и социальное страхование (пенсии, пособия и др.) — 41,5; содержание жилищного фонда (в части, не покрываемой квартплатой) — 5,9. Динамика этих фондов представлена на рис. 1.

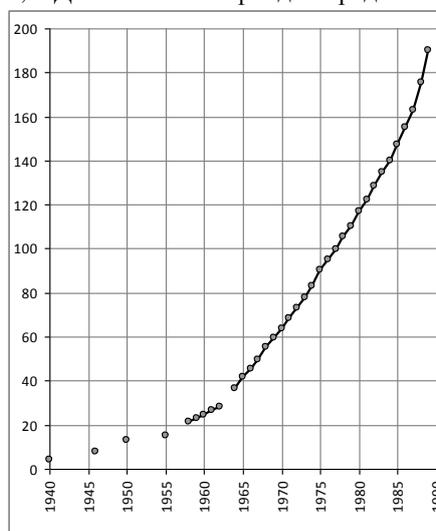

Рис. 1. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления в СССР, млрд р.

Куда же девается прибавочная стоимость? В СССР это было хорошо видно. Например, полет Ю. Гагарина и космическая программа выходили за рамки бытового потребления. П.Г. Бунич оценил подобные программы так: «Они почти ничего не дали, кроме убытков и разорения». Такова его картина мира, это его личное дело. Общественная проблема в том, что он занимал высокий пост в Комитете Верховного Совета СССР по экономической реформе.

А что в капиталистической экономике? Прибавочный продукт отчуждается капиталистом. Часть его стоимости капиталист отдает государству в виде налога. На эти деньги строят школы для детей рабочих, то есть вкладывают средства в воспроизводство рабочей силы. Следовательно, это стоимость не прибавочного продукта, а *необходимого*. Другую часть капиталист вкладывает в поддержание, расширение и улучшение производства. Разве это не расходы на воспроизводство рабочей силы? Значит, и «этот прибавочный труд есть часть *необходимого* труда».

Наконец, какую-то часть капиталист использует на свое потребление. Допустим, он потребляет скромно, как раз в меру своих усилий по организации производства. Но тогда выходит, что он всю прибавочную стоимость возвращает работникам — через государство или свое производство. Выходит, все зависит от нравственности капиталиста? Ездит на «мерседесе» — эксплуататор, ездит на «ауди» — товарищ рабочему?

Даже Ф. Энгельс так писал о трактовке эксплуатации как отчуждения прибавочной стоимости: «Как отмечает Маркс, в формально-экономическом смысле этот вывод ложен, так как представляет собой просто приложение морали к политической экономии». На этом основании Э. Бернштейн в статье «Возможен ли научный социализм?» резонно отвергал самостоятельное значение понятия прибавочной стоимости как обвинения капитализма.

Категории необходимого и прибавочного труда надуманны, а конфликт между трудом и капиталом возник потому, что капиталист платил рабочему не зарплату, необходимую для воспроизводства его рабочей силы, а в соответствии с *балансом сил на рынке*. В большинстве случаев на рынке побеждал капитал — прежде всего, создавая армию безработных, которые сбивали цену рабочей силы. Это совсем другая тема. Кстати, нередко на рынке труда рабочий ухитряется эксплуатировать буржуа — если есть дефицит рабочей силы для некоторых работ. Долгое время типичный предприниматель, собственник предприятий, был кровопийцей, так что это надолго врезалось в память.

Противоречия у Маркса возникают из-за того, что он смешивал абстрактную модель с идеологией, на которой он строил учение о пролетарской революции. Понятие «необходимый» труд, который оплачивается по эквиваленту стоимости рабочей силы, противоречит всей идеологии Маркса, когда он говорит о реальном положении рабочего класса как идеолог. Вот, он пишет в «Капитале» (гл. XIII, 8): «Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели...» [2, 616].

Как можно называть «необходимым» труд, если из его стоимости можно «грабить» большую часть — а рабочая сила все равно воспроизводится? И какая же это «прибавочная» стоимость, если она образуется не как свойство труда производить больше, чем стоимость рабочей силы, а за счет грабежа? Модель неадекватна реальности. Причем здесь трудовая теория стоимости и рабочей силы? Переходя к эмпирической реальности, сам Маркс рисует совсем другую картину, в которой и речи нет об эквивалентном обмене.

И на раннем этапе капитализма, и в настоящее время рабочий выступал и выступает (редко) вовсе не против «эксплуатации как изъятия прибавочной стоимости после эквивалентной оплаты стоимости рабочей силы», а именно против «грабежа» — когда этот грабеж становился нестерпимым. Маркс представил пролетарскую революцию как возмущение присвоением капиталистом «чистой» прибавочной стоимости именно в идеологии, а не в своих текстах, которые считал научными.

Пример — «Критика Готской программы», тоже текст идеологический. Там сказано: «Система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего» [3]. Что значит «безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего»? Значит, дело не в воровстве прибавочной стоимости! И почему академик С.С. Шаталин не сказал советским рабочим, что наемный труд на капиталиста — система рабства, даже если труд рабочего оплачивается хорошо? Ведь это грубая пропаганда.

Труд оплачивался в соответствии с балансом сил и давлением «резервной армии безработных». Окреп на Западе рабочий класс, наладили капиталисты стабильный поток ресурсов извне — и стали хорошо платить своим рабочим. И что же стало с борьбой рабочих против эксплуатации? Она превратилась в борьбу рабочего класса за

эксплуатацию. Самые массовые и протесты трудящихся вызывает попытка эксплуататоров сбежать от своих рабочих. Это и называется теперь «предательством интересов рабочего класса». В 1990 г. марш 4 тыс. рабочих из Андалусии на Мадрид в одних исподних трусах — потому, что фирма «Сузуки» решила перевести свой автомобилестроительный завод в Венгрию. Страсти настолько накалились, что правительство социалистов из госбюджета оплатило «Сузуки» утраченную выгоду — лишь бы эксплуататоры не обижали рабочих и не переставали их эксплуатировать.

Потому, кстати, и антиглобалисты кидают в министров тухлыми яйцами — чтобы они не отпускали своих капиталистов в Венгрию и Китай, не позволяли им предавать интересы своего рабочего класса. Это — реальность, а в модели — неувязка с идеологией. Куда девается основная масса прибавочной стоимости? Она превращается в капитал и идет на закупку машин и найм дополнительной рабочей силы (или повышение квалификации имеющейся). Маркс прикидочно оценивает долю этих затрат в 80% прибавочной стоимости. Об этом глава 22 «Капитала», «Преобразование прибавочной стоимости в капитал». Это значит, что основная масса прибавочной стоимости возвращается в процесс воспроизводства рабочей силы, и ее изъятие не может рассматриваться как эксплуатация.

Таким образом, «проедается» капиталистом очень небольшая часть прибавочной стоимости — и очень трудно оценить ту долю, которая проедается капиталистом несправедливо, больше чем стоит выполнение его функций в организации производства. Во всяком случае, никто не стал бы устраивать революции из-за такой мелочи.

Выйти в настоящее время к рабочим с моделью эксплуатации по Марксу было бы просто нелепо. Дело в том, что эта модель ошибочна в принципе. Поэтому ее пропаганда среди работников в СССР была ошибкой или делом недобросовестным.

Когда капиталисты научились вытапливать сало из рабочих «Юга», частный капитал и государство поделились с рабочими метрополией, и «антагонистическое противоречие» испарилось. Модель политэкономии привела к неверному выводу — могильщиком буржуазии пролетариат не стал.

Рассуждения о необходимом и прибавочном продукте казуистичны, а к тому же к западным экономическим системам (особенно к советской системе) они вообще не касаются. И Маркс об этом многократно предупреждал. Он писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие

ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов».

Еще он писал: «Стоимость есть отношение между двумя лицами, прикрытое вещной оболочкой» [2, 84]. Такое отношение возникает только на рынке, при купле-продаже. Но труд (рабочая сила) вовсе не всегда является товаром. В «Капитале» Маркс неоднократно напоминает, что стоимость есть категория *историческая* и возникает именно тогда, когда сама рабочая сила становится стоимостью. Он подчеркивает: «Труд в том виде, как он... существует в рабочем сам по себе, т.е. труд в своем непосредственном бытии, труд, отделенный от капитала, является непродуцируемым» [2, 262], т. е., он *не производит стоимости*.

Еще ближе к нашему случаю такое уточнение: «Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» [2, 49].

Именно таким и было производственное отношение советских работников: его продукт отчуждался в виде результата исполнения планового задания. Работник не продавал свою рабочую силу, а *служил* и получал *жалованье*.

Пристегивать категории трудовой теории стоимости к советскому хозяйству и создавать фантом изъятия прибавочной стоимости и образ эксплуатации рабочих государством — грубая неправомерная операция с тяжелыми последствиями. Сначала промыли мозги интеллигенции и студентам схоластической трудовой теорией стоимости, а потом применили эту теорию для разрушения жизнеустройства народа.

Не вникнув в важные оговорки Маркса, что труд *производит стоимость* только в конкретных социальных и культурных условиях западного капитализма, многие советские и постсоветские обществоведы совершают вторую ошибку: они прилагают категории абстрактной модели Маркса к обществам, не обладающим достаточным подобием с Западом. А во второй половине XX века эта модель воспринимается как неадекватная и на Западе. В 1990 гг. и в России уже нельзя было это игнорировать.

Один из ведущих антропологов США *М. Сахлинс* предупредил: «На уровне этнологии выяснилось, что в качестве посредника между объективным и субъективным выступает коллективная традиция, информирующая субъективное восприятие историческим представлением». Поэтому рациональная модель политэкономии не может верно описать реальную систему отношений, даже на Западе.

В книге «Культура и практические представления» (1978) он пишет: «Исторический материализм является истинным самосознанием буржуазного общества, ограниченным, однако, рамками самого этого общества. Рассматривая производство как натурально-прагматический процесс удовлетворения потребностей, вместе с буржуазной экономической наукой оно [буржуазное общество] рискует поднять отчуждение людей и вещей на более высокий когнитивный уровень. Обе эти теории могут объединиться в сокрытии смысловой системы праксиса, объясняя систему практическими соображениями. Если это произойдет, марксистская антропология будет неотличима от ортодоксальной экономики, как будто исследователь одурочен тем же товарным фетишизмом, который завораживает участников процесса.

Рассуждая о производстве и движении товаров исключительно с точки зрения их денежных выражений (меновых стоимостей), исследователь упускает из рассмотрения культурный код конкретных свойств, определяющий “полезность” и таким образом оказывается не способным понять, что собственно было произведено. Объяснение не идет дальше воспроизводства самообмана присущего тому обществу, к которому оно адресовано, в котором контуры подсознательной логической системы предметов и общественных отношений проявляются в виде основанных на цене предпочтений на рынке, создавая впечатление что производство кристаллизуется из просвещенной рациональности. Структура экономики представляется как объективный результат практического поведения, а не как социальная организация вещей хоть и через рыночные институты, но согласно культурному дизайну людей и товаров... В таком виде представляется наше буржуазное общество и типичная средняя мудрость его общественных наук» [6].

Как известно, исходной догмой политэкономии Маркса было разделение меновой стоимости — сущности товара как продукта абстрактного труда — и потребительной стоимости (вещей, т.е. культуры). Он писал в первом разделе «Капитала»: *«Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости... Раз мы отвлеклись от его [продукта] потреби-*

тельной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью... Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем» [2, 43].

Эта догма, включенная в когнитивную основу советского обществоведения, сыграла важную роль в том, что «мы не знали общества, в котором живем».

М. Сахлинс пишет: «Общеизвестная истина антропологии состоит в том, что “рациональная” и “объективная” схема любого человеческого общества никогда не является единственно возможной. Даже в очень похожих материальных условиях культурные порядки и реалии могут быть весьма различны... Даже капитализм, несмотря на его кажущуюся организацию ради прагматической выгоды, не может избежать этой культурной организации, казалось бы, объективного праксиса» [6].

В эпиграфе к главе «Западное общество как культура» Сахлинс привел фразу Бодрийера (1972): «Политэкономия, сконструированная на двух стоимостях — потребительской и меновой, — рассыпается в прах и должна быть переосмыслена в форме *обобщенной политической экономики*, которая оперирует производством символической меновой стоимости в процессе и в виде производства материальных товаров и экономической меновой стоимости».

Замкнувшись в скорлупе догм моделей XIX в., наше обществоведение оказалось несостоятельным при первом ударе мировоззренческого и культурного кризиса.

Литература

1. Бунич П.Г. Философия аренды // *Радикальная экономическая реформа. Истоки. Проблемы. Решения.* М.: Высшая школа, 1990. С. 286 — 287.
2. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23.
3. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 24.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 17.
5. Шаталин С.С. Вопросы перехода к рыночной экономике // *Рыночная экономика: выбор пути.* М.: Профиздат, 1991.
6. Sahlin M. *Culture and Practical Reason.* University of Chicago Press, 1978. Пер. А. Степанова.

References

1. *Bunich P.G.* Filosofiya arendy // Radikal'naya ehkonomicheskaya reforma. Istoki. Problemy. Resheniya. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 286 — 287.
2. *Marks K.* Kapital // K. Marks, F. Ehngel's. Soch. T. 23.
3. *Marks K.* Kritika Gotskoj programmy // Marks K., Ehngel's F. Soch. T. 19. S. 24.
4. *Marks K.* Ehkonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov // K. Marks, F. Ehngel's. Soch. T. 46. CH. II. S. 17.
5. *Shatalin S.S.* Voprosy perekhoda k rynochnoj ehkonomike // Rynoch'naya ehkonomika: vybor puti. M.: Profizdat, 1991.
6. *Sahlins M.* Culture and Practical Reason. University of Chicago Press, 1978. Per. A. Stepanova.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Скрижали экономической мысли*

Аннотация. Новая книга Ю.М. Осипова создает новую основу развития общественных наук. Формирует новое понимание природы человека, выявляет главную причину многовекового конфликта Запада и России.

Ключевые слова: человек, общество, современный мир, будущее.

Abstract. Osipov's new book creates new human science basics. It forms new understanding of man nature, makes clear the main reason of the conflict between West and Russia for centuries.

Key words: man, society, modern world, future.

Когда я впервые увидел название новой книги Ю.М. Осипова, сразу подумал, что оно не слишком удачно. В моем сознании скрижали ассоциировались с известным библейским сюжетом, перевернувшим ход мировой истории, — книга основателя школы философии хозяйства едва ли могла претендовать на столь всеобъемлющее влия-

*Отклик на кн.: *Осипов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Анти-учебник. — М.: ТЕИС, 2016. — 464 с.

ние. Но когда я перевернул первые страницы, сразу понял, что такое название автор выбрал не случайно...

Скрижали предполагают изложение пронизывающих всю ткань общественной жизни истин, неоднократное обращение к которым дает новое понимание происходящих в мире процессов. И хотя автор, как и любой другой человек, имеет свою личную, субъективную точку зрения на ход общественного развития, в книге превеликое множество идей, ясно и беспощадно высвечивающих конструкцию человеческого общества «сквозь накинутаю на человеческое сознание гносеологическую пелену — уже ментальную ирреальность» (С. 10).

Полное перечисление всего, чем обогатил автор науку, потребовало бы написания нескольких книг, сопоставимых по объему с монографией «Белые скрижали». Поэтому остановилось лишь на некоторых научных достижениях автора.

Из них самое важное — современное объяснение главной идеи Библии — «Бог есть любовь». Любовь не в смысле биологического совокупления, которое есть и в животном мире, а в смысле осознания людьми того, что все они являются частичками единого организма, даже если совсем и не осознают, а порой и яростно отрицают это. «Человек непременно с человеком, рядом, вместе, в дружбе, во вражде, но ... не врозь, не по одиночке, не “особливо”... Человек и человечество...одно и то же» (С. 39).

При этом главную роль в фактическом тождестве человека и человечества автор отводит человеческому сознанию как основному наблюдаемому и измеряемому современной наукой феномену, отличающему человека от животного. «Сознание, находясь в человеке-особи, одновременно находится и где-то там, вне человека, будучи сознанием общим, коллективным, общественным... общественное сознание = ноосфера, а человек ее раб» (С. 37).

Единство человека в человечестве дает понимание глубинных основ и двойственности природы таких масштабных явлений, как интернационализация капитала, развитие международной торговли, успех транснациональных корпораций, формирование норм международного права и многое другое. Мы являемся свидетелями формирования связанного мириадами нитей-взаимосвязей единой социальной, экономической, культурной, информационной ткани мира. Единство человека материализует себя, закономерно продвигаясь из сознательной сферы в сферу хозяйственную (в широком смысле этого слова): Земля — как «планета осознания бытия» (С. 39).

Но только ли человеческое сознание является демиургом происходящей величественной картины? Говоря уже об ином знании в са-

мом названии книги, автор последовательно проводит мысль об ином — внешнем по отношению к планете — Сознании. Библия дает однозначный ответ на этот вопрос: игнорирование морально-нравственных норм, отход от законов Божьих неизбежно приводят к тщетности человеческих усилий: «И напрасно будет истощаться сила ваша, и земля ваша не даст произрастений своих» (Лев. 26:20).

Печальный опыт построения Советского Союза, когда неисчислимые жертвы и подвиги миллионов в конечном итоге привели к позорному финалу 1990-х, до конца не осмыслен. Все было списано на происки внешних врагов, благо таковые всегда у России были в наличии. Никакая теория, никакие усилия и деньги не в состоянии дать долгосрочный позитивный результат при игнорировании Божьих законов — через 50, 100, 200 лет все равно неизбежен печальный итог. Ошибка, погубившая Союз, была воспроизведена «победителями» «холодной войны» уже в мировом масштабе, и глобализационные процессы стали стремительно превращать формирующееся единство человечества в омерзительную карикатуру.

Интернационализация производства привела к глобальной экологической катастрофе, к массовой потере рабочих мест в развитых странах, беспрецедентному искривлению пропорций народного хозяйства. Интернационализация финансов породила формирование паразитических экономик, безответственную финансовую политику, придала всей системе мирового хозяйства выраженный спекулятивный характер. Интернационализация культурных связей породила глобальное распространение массовой псевдокультуры и атаки диких орд, разъедающих культурную ткань Европы. «Западный Проект, восходящий если не к Древней Греции, то уж к европейскому Ренессансу, достигнув своей антигуманной кульминации, приступил к суицидной самоликвидации, таща за собой в небытие весь планетарный мир» (С. 382).

Развернутая в книге идея о тождественности человека и общества, о фактическом единстве людей как особенного планетарного организма дает понимание природы многовековой борьбы Запада с Россией. Все дело не в соревновательном геополитическом взаимодействии, когда одна сторона в силу сложившихся и далеко не всегда благоприятных исторических обстоятельств владеет сердцем двух континентов, а другая сторона стремится у нее это сердце вырвать. Главная причина в последовательном формировании на подготовленной Европой исторической почве мирового антихристианского государства и его неизбежном конфликте с неугасимым в течение веков христианством России.

Идет борьба за утверждение законов и принципов развития всего человечества. Россия не одинока в своей борьбе. Ее союзники разобщены и рассеяны по всему миру. Появление в Западной Европе политических течений, открыто симпатизирующих России, крепнущее союзничество с Китаем, провал на выборах в США активных сатанистов явственно указывают на склонившуюся в сторону России чашу весов истории. Но будет ли это всего лишь мимолетное колебание или начало нового этапа мирового развития в немалой степени зависит от того, какую повестку долгосрочного развития способна предложить Россия миру, сможет ли она реализовать принципы христианского социализма или пойдет по проторенной Советским Союзом дороге в никуда.

Книга задала высокую интеллектуальную планку для прыжка национальной элиты в будущее. Справится ли она с вызовом истории, покажет время. Надежда есть, поводов для оптимизма мало. Показательным является игнорирование достижений философии хозяйства, их фактическое забвение, несмотря на высокую оценку экспертного сообщества. Современный мир бежит от философии хозяйства, обнажающей его пустоту. Может быть, настало время остановиться и задать себе вопрос: «Куда и зачем?»

Н.Н. РОСТОВА

Философия быта*

Аннотация. В статье рецензируется книга Н. Рябчун «Философия быта: дом как средоточие Вселенной». По мнению автора статьи, Н. Рябчун продолжает традицию русской философии, которая относит быт к пространству подлинности. Автор обращает внимание на то, что ключевой идеей книги является противопоставление модели человека культурного и модели человека культа. Человек культуры — это человек, переживающий раскол тела и смысла, слова и его обеспеченности, реальности и быта. Человек культа — это цельный человек. Он вписан в символическое пространство существования, в котором нет деления

*Рецензия на книгу: *Рябчун Н.П.* Философия быта: Дом как средоточие Вселенной. — М.: Летний сад, 2016. — 136 с.

на «быт» и «подлинную реальность». Именно такая цельность является условием антропологического здоровья.

Ключевые слова: быт, культ, культура, человек, антропологическая катастрофа, урбанизация, подлинное, смысл.

Abstract. In article the book N. Ryabchun «Everyday life philosophy: house as center of the Universe» is reviewed. According to the author of article, N. Ryabchun carries on tradition of the Russian philosophy which carries everyday life to genuine space. The author pays attention that key idea of the book is opposition of model of the person cultural and model of the person of a cult. The person of culture is the person enduring split of a body and sense, the word and reality, reality and everyday life. The person of a cult is a balanced person. It is entered in symbolical space of existence in which there is no division into «everyday life» and «original reality». Such integrity is a condition of anthropological health.

Key words: everyday life, cult, culture, person, anthropological accident, urbanization, genuine space, sense.

Чем для современного человека является быт? Пространством комфорта, совокупностью вещей, призванных сделать жизнь более удобной. Или, иначе, быт — это область, которая обслуживает то, что мы считаем подлинным существованием. Смещение акцента на эту область превращает нашу жизнь в мещанство, сводит ее к «араукариям на подоконнике». Поскольку быт обслуживает некую подлинную жизнь, часть бытовых забот можно передать на аутсорсинг, на сторону, чтобы кто-то за определенную плату взял на себя функцию этого обслуживания. Книга «Философия быта: Дом как средоточие Вселенной» переворачивает логику этих рассуждений. Не быт есть эпифеномен бытия, говорит ее автор Наталья Рябчун, но, напротив, быт есть то, в чем единственно бытие себя обнаруживает.

Что это значит? Это значит, что можно выделить две модели человека. Согласно первой, человек — это противостояние тела и смысла, дословного и слова, «быта» и «бытия». Согласно второй, человек — это живое единство противоположностей. Первая модель описывает человека культуры. Вторая — человека культа, или, говоря словами автора книги, человека традиционного общества. Человек культа внутри себя имеет точку опоры, в которой дано органичное единство тела и смысла. Это цельный человек. Человек культуры — это человек, разорванный на две противоположные сферы. По мере выствывания культа, утраты связи между телом и смыслом, человек становится, как выразился бы П. Флоренский, шизофреником. Или, как иначе говорит Ж.

Бодрийяр, — светским. Все в жизни человека становится призрачным. Необеспеченным. Тела отныне не обеспечены смыслами, а смыслы — вещами. Мы рождаемся, едим, умираем, в отрыве от смысла, как животные, ибо из нашей жизни исчезла инициация, она стала личным делом, некоей периферией культуры. А потому сегодня мало кого смущает сравнение человека с животным. Как говорят классики психоанализа З. Фрейд и Ж. Лакан, человек — это говорящее животное. Мы мыслим, говорим в отрыве от тела мысли, ее наглядного гаранта в реальности. Слова превратились в болтовню. А потому неудивительно, что мы наблюдаем кризис слова. Современная культура закономерно объявляет о наступлении эпохи молчания, дословного, сменяющей эру, озаменованную словами «В начале было слово». Современный человек говорит: «Прощай, речь».

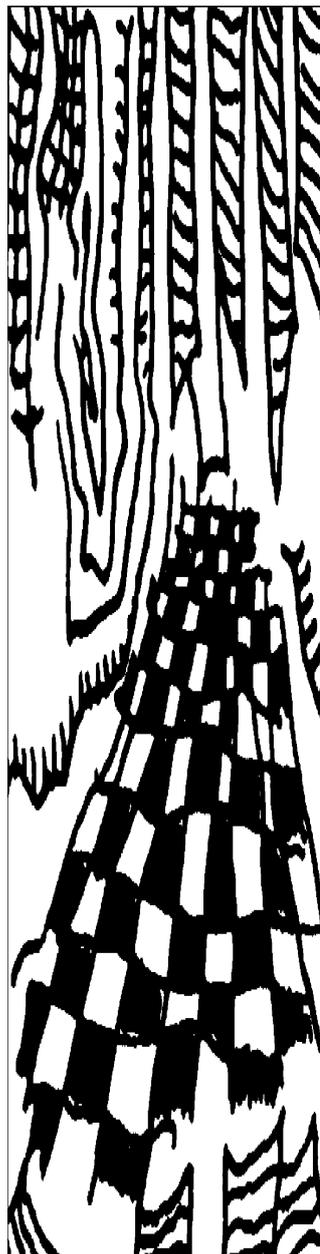
В начале XX в. быт как пространство подлинного рассматривается В. Розановым, в конце века — Ф. Гиренком. Автор книги Наталья Рябчун продолжает эту традицию, но движется иным путем. В качестве аргументации она предлагает нам обратиться к фактуре — посмотреть на специфику понимания быта и человека в традиционных культурах славян и в том числе в крестьянской культуре. Приводя массу фактических свидетельств, Рябчун показывает, что для традиционных обществ антропологическое здоровье человека было обеспечено организацией быта. Человек традиционных культур был вписан в символическое пространство существования, в котором не было деления на «быт» и «подлинную реальность». Жизнь воспринималась как единое осмысленное пространство, по отношению к которому не было ничего незначительного, неважного, неучтенного, не пропущенного через понимание. Важна была каждая деталь, которая своей краской вносила свой штрих в насыщенную картину реальности. Реальность обживалась символически, и всякое тело соотносилось со смыслом, а всякий смысл был явлен. Человек традиционных обществ, а точнее было бы сказать обществ с мистериальным укладом, был здоров, ибо его жизнь не разрывалась на самодовлеющие, сами по себе призрачные сферы искусства, политики, семейной жизни и т. п. В укладе таких обществ, как сказал бы Ж. Батай, была простота удара топора. Речь идет о простоте как тотальной полноте. Полноте, которая самоценна и не отсылает к чему-то извне.

Наталья Рябчун видит одну из главных причин «раскола нашего я» в урбанизации. Здесь стоит вспомнить Г. Успенского, который писал о том, что город оторвал нас от органики жизни, и поэтому человек стал бессмысленным и даже отвратительным. Посмотрите, говорил Успенский, на крестьянина в деревне — он красив, ибо на своем месте.

Посмотрите на крестьянина в городе — он безобразен и глуп, ибо утратил органику жизненного ритма, непосредственно данного ему землей, природой и трудом.

Книга «Философия быта» ставит нам вопрос о нас самих и наших основаниях, размышление над которым может послужить тем, что соберет нас из рассеяния.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

1 ноября 2016 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Философия хозяйства как иное знание» — презентация книги Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания». На семинаре выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Л.А. Асланов, Ф.И. Гиренок, В.М. Кульков, Г.Р. Наумова, В.А. Твердислов, К.А. Хубиев, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, преподаватель И.А. Горюнов, соискатель И.И. Рудяк.

* * *

С.С. НИПА, Т.С. СУХИНА

Философия хозяйства как иное знание

Аннотация. Представлен обзор научной дискуссии на тему: «Философия хозяйства как иное знание» и презентации монографии Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания», состоявшихся 1 ноября 2016 г. на экономическом факультете МГУ.

Ключевые слова: философия хозяйства, софиасофия, человек, философия, метафизика, иное знание.

Abstract. The article presents the review of the scientific discussion on the topic «Philosophy of Economy as Different Notion» and the presentation of the monograph by Yu.M. Osipov «White Tables. The Amount of Different Notion», which had taken place at 1 November 2016 on faculty of economics of MSU.

Key words: philosophy of economy, sophiosophia, human, philosophy, metaphysics, different notion.

1 ноября 2016 г. на экономическом факультете МГУ в рамках работы теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» состоялась научная дискуссия на тему: «Философия хозяйства как иное знание» и презентация монографии Ю.М. Осипова «Белые скрижали. Сумма иного знания».

Открыл заседание д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов:**

«Уважаемые коллеги! Поводом для сегодняшнего собрания и возможной дискуссии послужили, с одной стороны, некая юбилейная

дата, застигшая вашего покорного слугу, а с другой — подготовленная в связи с этим итоговая работа, вам как раз здесь и презентуемая.

Хорошо известно, что содержательно-смысловым ядром моей размыслительной деятельности с рубежа 1970—1980-х гг. стала философия хозяйства, мною некогда открытая и веско подтвержденная и обогащенная великим трудом С.Н. Булгакова. Не скрою, что Булгаков внес существенные коррективы в мои изыскания, обеспечив мое обращение к метафизике и софиологии, хотя я не стал ни булгаковистом, ни булгаковедом, а всего лишь, как я полагаю, его сомышленником. Давшаяся мне философия хозяйства — не продолжение булгаковской, а вполне самостоятельная мысль, о которой я и поведал в презентуемой книге.

Замечу сразу, что сия книга — не систематическое изложение собственно философии хозяйства, а лишь вольная презентация познавательных, мировоззренческих и концептуальных возможностей философии хозяйства, причем практически по всему спектру обществоведческого контекста. В книге преподнесен взгляд на мир, человека, социум, хозяйство, историю, культуру, экономику и т. д. через философско-хозяйственную призму, причем не так исследовательский взгляд, как, скажем, откровенческий.

Это, безусловно, *иной* взгляд на реальность, включая и ирреальность, не собственно научный, не традиционно философский и, тем более, не богословский, как не какой-то синтезированный из имеющихся знаний, — это вполне оригинальный взгляд, дающийся не через синтез наук, философии и богословия, а скорее вопреки им, тот самый взгляд, который можно назвать метадогматическим.

Отсюда и предложенная для обсуждения тема “Философия хозяйства как иное знание”.

Вокруг велико стремление либо подверстать философию хозяйства под уже бытующие и в целом сформировавшиеся знания, либо вообще отбросить философию хозяйства как неудовлетворительное знание, не имеющее необходимой для настоящего-де знания предметно-содержательно-структурной законченности.

Имеющиеся понимание и неприятие философии хозяйства, ее недопущение в разряд признанных знаний — проблема не вольного открытого знания-размышления, каким является философия хозяйства (кстати, весьма и практическая, хотя и не прикладываемая в обычном представлении), а, увы, существующего ученого контекста, совершенно не склонного к самоотрицательной новизне и довольствующегося бесконечной и вполне безопасной для себя “игрой в бисер” в гуще устоявшихся когнитивных конструкций.

Философия хозяйства “впивается” в реальность, ничего в ней априорно не отрицая, как и не отрицая никакие существующие о реальности знания, а лишь при необходимости их вежливо обходя. Перед философией хозяйства раскрывается в итоге воистину *иная* реальность, включая и ее трансцендентальную сферу. Философия хозяйства не чурается трансцендентного, наоборот, она включает его как в сам объект освоения, так и в свое его трактование. Для философии хозяйства важна не так логика (простой Логос), как металогика (высший Логос), не так фактология, как метасмыслология, а потому и не так Логос, как София. София — премудрость, протомудрость, первоумдрость. Она не очень-то известна человеку, в принципе она — Тайна, а потому и Страх Божий. Однако она кое в чем открывается человеку, ежели он стремится не Софию познавать, а себя через посредство Софии. Отсюда наша философия хозяйства тяготеет не к софиологии, а к софиасофии, преодолевая не только софиологию, открытую русской софийной философией, но и саму по себе философию.

Софиасофия, когда первоумдрость действительно впереди, а мудрость человеческая лишь следом за ней — первостепенное достижение нынешней философии хозяйства, залог ее инаковости и «вышести».

И последнее: презентруемое произведение названо “Белые скрижали. Сумма иного знания”, что вполне обоснуется софиасофией, при этом книга еще и обозначена как антиучебник, что тоже восходит к софиасофии. Книга сия никого и ничего не учит, ничего и никому не докладывает, она лишь призывает к размышлению, оправдываемому как раз обращением к Софии, поддерживаемому и направляемому софиасофией. Есть, я полагаю, о чем нам сегодня поговорить, так давайте и поговорим!».

Далее д.х.н., профессор, заведующий кафедрой химического факультета МГУ, **Л.А. Асланов** в своем выступлении отметил: «Из “Опыта философии хозяйства” я запомнил: философия хозяйства — это сама жизнь. Если это так, то соотносить философию хозяйства и науку можно именно так: сумма науки, знания и незнания и есть философия хозяйства. Наука — лоскутное одеяло, которое мы набрасываем на поверхность нашего бытия, на то, что мы знаем. Но чтобы покрыть все, времени человечеству может не хватить».

Современные университеты, продолжил Асланов, в том числе и классические, все больше и больше уходят в технологии. Но есть и другие процессы: к примеру, на химическом факультете уже третий год работает семинар по социофизике, на котором естествоиспытатели, применяя методы естественных наук, пытаются осмыслить в есте-

ественнонаучных категориях исключительно гуманитарные проблемы. Они не просто занимаются копированием. Философия хозяйства привлекает метафизику, чтобы каким-то образом покрыть незнание, включить в ту мудрость, которая является совокупностью незнания и знания. У естественников другой подход.

Например, на предпоследнем семинаре, посвященном сознанию, рассматривались вопросы сознания. Не мышления, не работы мозга, а именно сознания. Сейчас естественники отчетливо отделили мозг от сознания. Мозг — это физическая структура, которую можно описать. А сознание — совсем не то же самое. Теперь процессы работы мозга поддаются физическому исследованию, измерению — они отчетливо видны на компьютерной томографии. Появились принципиально новые инструменты для изучения работы мозга, которые открыли перед естественниками новые горизонты для того, чтобы вторгнуться со своими знаниями в гуманитарную область.

Л.А. Асланов обратил внимание, что движение, которое заключается в представлениях философии хозяйства, и в самой идеологии, имеет встречное движение. Оно не то же самое, что философия хозяйства, некоторая оппозиция ему, но тем не менее конструктивно следует той же цели. Это заход с другой стороны.

Не все пессимистично. В Московском университете есть центры, которые не оставляют предписанного им предназначения. Они занимаются поиском решений тех застарелых проблем, которые всегда волновали и будут волновать еще долго.

Д.э.н., профессор кафедры политэкономии экономического факультета МГУ **К.А. Хубиев** в начале своего выступления предложил поразмышлять о сути учения Ю.М. Осипова и о перспективах развития: «Чего здесь больше: философии или хозяйства? Дрейф в сторону философии за последнее время очевиден, хозяйство немножко остается в тени. Если поставить вопрос более конкретно: отношение к этому хозяйству научное или нет? Философия тоже наука. Отношение с точки зрения любознательности или науки? Тоже вопрос».

«Если все-таки говорить о хозяйстве, — продолжил К.А. Хубиев, — то какая реальность в виде хозяйства имеется в виду? Где такая модель хозяйства существует, которую Юрий Михайлович не критикует, а предполагает в качестве некой модели? Эти вопросы тоже требуют размышления».

Далее Хубиев предположил, что на каком-то этапе развития этого подхода философия может быть сфокусирована вокруг каких-то важных не только для экономики, но и для жизни вещей. Например, не разработана еще философия труда, а это основа всего. Основа не только экономики, а основа всего эволюционного развития, всего челове-

чества. Но ее нет. Если допустить, что наше правительство занималось бы только трудом — его вооружением, его условиями, его оснащением, обозначением его роли, возвышением труда — его действия были бы более целенаправленными, продуктивными и результативными.

Можно избрать другие объекты, чтобы весь накопленный арсенал размыслительных конструкций можно было бы направить на вещи достаточно актуальные, жизненные, важные.

Во всяком случае, заключил Хубиев, о дальнейшем развитии того, что уже сделал Юрий Михайлович, нужно думать, размышлять, обсуждать, в том числе для того, чтобы больше людей вовлекалось в это, чтобы учение превращалось в парадигму, направление. Для этого нужны ученики, последователи в расширенном формате.

В завершение своего выступления К.А. Хубиев поздравил Ю.М. Осипова с достигнутым, пожелал здоровья и новых успехов и призвал к тому, чтобы подумать об актуальном развитии и направлении того, что уже сделано.

В.А. Твердислов, д.ф.н., заведующий кафедрой биофизики физического факультета МГУ, обратил внимание, что фундаментальная и прикладная области наук естественным образом сменяют друг друга, а точнее, волновым образом развиваются с определенным запаздыванием по фазе. Первая половина XX в. завершила этап системного развития фундаментального знания во всех естественных науках — физике, химии, биологии, геологии и т. д. Вторая половина ознаменовалась бурным ростом узкоспециализированных применений этих достижений в инженерии и технологиях, становившихся конкретными экономическими инновациями.

В настоящий момент вновь начинается новый полупериод подъема фундаментальных исследований. При этом успешны науки, где соединяются в подходах разномасштабные, ранее изолированные, области теоретического знания: в физике соединяются теория элементарных частиц с моделями зарождения и эволюции Вселенной, в биологии — геномика с теорией эволюции и т. д.

Универсальный теоретический подход «философия хозяйства», подчеркнул Твердислов, представляется эффективным инструментом в осмыслении нового цивилизационного этапа интеграции науки, инновационных разработок и глобальной экономики.

Г.Р. Наумова, д.и.н., профессор исторического факультета МГУ, обратила внимание на современность, а значит, и на актуальность тех тем, которые поднимает Ю.М. Осипов. В том числе темы трудовой ориентации этносов России. Оценивая новый труд Ю.М. Осипова «Белые скрижали», она подчеркнула важность авторского анализа трех типов исторического научного творчества — через созда-

ние нарративов, через мифотворчество и обслуживание идеологии. Выводы Ю.М. Осипова могут стать отправной точкой, в том числе и в интерпретации накопленных исторических знаний, подчеркнула Наумова

Ф.И. Гиренок, д.ф.н., профессор философского факультета МГУ, начал свое выступление с вопроса: «Что есть человек?». Этот вопрос поставил Ю.М. Осипов в книге «Белые скрижали». Западная культура такой вопрос вообще не ставит. Человек существовал только в классификациях как биологический вид. Впервые вопрос о человеке поставил И. Кант 200 лет назад, и в дальнейшем в европейской философии он был закрыт. Есть гуманизм — но это реакция на отсутствие человека. И только сейчас европейская культура осознала, что место человека пустое, человек отсутствует. Кто человека убил? Ницше, Хайдеггер, Фуко. Западная философия убедила всех, что главный вопрос — вопрос о бытии — что есть сущее, что есть что? Но не вопрос — почему это что-то есть? Самый главный вопрос — о человеке — не был поставлен. Ю.М. Осипов поставил его в своей книге. Что есть человек? Что есть человечество? И дать на этот вопрос содержательный ответ практически невозможно, заключил Гиренок.

В.М. Кульков, д.э.н., профессор экономического факультета МГУ, дал свою оценку труда Ю.М. Осипова, который связан прежде всего с развитием неортодоксальной линии общественно-экономического развития России и воплотился в философию хозяйства. Философия хозяйства Осипова, хоть и опиралась на историческое наследие, на учение С.Н. Булгакова, сумела найти новый контекст, раскрыть новые грани. Реализация этого знания представлена в обсуждаемой книге и стала одним из немногих новых оригинальных направлений отечественной экономической мысли. Философия хозяйства — важнейшее достижение за последние 20 лет, самоценное научное течение, сложное многомерное многосмысловое видение мира. Ю.М. Осипову удалось понять суть этого миропонимания, что отражено и в новом труде. Философия хозяйства помимо своей мировоззренческой миссии в силу своего богатого потенциала подпитывает и обогащает известные категории и направления экономической мысли, прежде всего такую фундаментальную категорию как стоимость. Если говорить о научных направлениях, то философия хозяйства может обогатить политэкономии, придать ей новое дыхание, усилить ее междисциплинарный характер.

В.М. Кульков выделил важность национально-ориентированного подхода, который получил развитие в трудах Ф. Листа и был назван национальной политэкономией. Этот подход предполагает учет всего своеобразия страны, всех национально-

специфических факторов и условий и делает акцент на национально-экономической системе. Философия хозяйства своей многомерностью, широтой, духовной доминантой помогает этому подходу. Востребованность национально-ориентированного подхода обусловлена многими реальными факторами: и общемировыми, и чисто российскими, и чисто научными. Имеется в виду необходимость большего разворота экономической теории к реальности. Сейчас вызревает широкий национально-ориентированный протест против космополитической мобилизации. Появляется потребность такого рода глобализации, которая в большей степени учитывает национальные интересы и особенности других стран. Оба эти направления — и национально-ориентированное, и философия хозяйства — могут тесно сотрудничать друг с другом. Философия хозяйства дает духовно-интеллектуальное начало этому направлению, предотвращает его от ухода в национально-хозяйственную империю, а национально-ориентированное направление может предотвратить уход философии хозяйства в философско-схоластическое теоретизирование.

Три последних раздела книги Осипова посвящены России, философии хозяйства, Софии Премудрости Божией. В этом просматриваются символизм и перспектива взаимодействия философии хозяйства, православной софийности и России, что свидетельствует о большом потенциале, которым обладает философия хозяйства. Обобщая, Кульков заключил, что философия хозяйства подчеркивает и показывает высокую духовно-интеллектуальную и духовно-методологическую культуру российского экономического знания. Источник этого знания — уникальность российских условий, нестандартность характера стоящих перед Россией и российской экономикой задач. Именно эта специфическая среда могла создать то, что можно назвать большим национальным теоретическим синтезом, то, на что не способна ортодоксальная западная экономическая мысль — иное знание — философию хозяйства.

И.И. Рудяк заметила, что книга Ю.М. Осипова «Белые скрижали» является венцом развития философии и литературы России с конца XVIII до начала XXI в. Так, романтизм поставил вопрос о «двоемирии», т. е. о существовании также и иного, трансцендентального мира, качественно невыразимого языком реального, земного мира (Жуковский). При этом попасть за трансцендентальный разруб в рамках романтизма возможно только при помощи мистических средств (Гоголь). Позднее символизм осветил иначе проблему преодоления трансцендентального разруба в системе двоемирия романтизма. Теперь не только мистические силы, но также и земные человеческие усилия (наука, искусство, труд) способны помочь человеку попасть из мира

земного в мир трансцендентальный (Чехов, Брюсов, Пастернак). В подобном смысле и русский космизм, и философия общего дела (Федоров), и философия хозяйства (С. Булгаков) могут быть формально отнесены к символизму как к стилю, совмещающему мистическую и трудовую, творческую, научную деятельность человека. А далее конструктивизм необоснованно наделил экспериментальную науку абсолютной беспредельностью (Л. Гумилев). Однако сегодня следует обозначить четкие пределы экспериментальной науки (наследие Андреева и Бахтина). К тому же сегодня постмодерн коммерциализировал экспериментальную науку, оторвав ее от философского базиса и сведя к разрозненным технологиям. О необходимости признания реальности существования трансцендентального мира, о необходимости признания границы возможностей экспериментальной науки и необходимости поисков ответов на вопросы о качестве за этой границей, а также о ведущей роли философии и повествует эта книга, заключила Рудяк.

Н.Б. Шулевский, д.э.н., профессор философского факультета МГУ, подчеркнул, что в книге «Белые скрижали» Ю.М. Осипова развиты принципиально новые темы и сюжеты мировой философии и культуры, откровения русского духа и русского пути.

По мнению Шулевского, в книге, во-первых, представлена плодотворная эвристика софиасофского контекста, установлены его смысловые координаты; во-вторых, разбирается суть современной носферной контрреволюции, которая кладет «конец книги», ибо превращает читателей в «скачивателей», а вместе с книгой исчезают сознание, мысль, язык, само понимание, в результате книга из «рук» человека переходит в «руки» Премудрости Софии, которая и делает сознание основным читателем книги; в-третьих, книга создает первую в мировой философии, культуре, науке целостную концепцию сознания, представленного и как автономный демиург смыслов, и как миротворный субъект, и как перводвижитель динамики бытия, а само мироздание выступает как борьба сознания живого, известного с сознанием объективированным, искусственным, аномальным, ЛГБТ-сознанием; в-четвертых, книга изображает целостную картину мира Иного, который дан в сознании и при посредстве сознания проникает в мир тутошний; одновременно раскрывается суть иного знания, инознания, которое преодолевает выдуманный Логосом разрыв единого знания на истинное и ложное, ибо в составе инознания истина и ложь служат софийными сотрудниками целостности инознания, заботясь о благе целого, которое выше истины и заблуждений; и в-пятых, книга Ю.М. Осипова есть прекрасный очерк софиасофии, ее методологии — полилектики, ее смысловых императивов и обобщений — скрижалей, ее софиом — сакральных посланий.

И.Г. Шевченко, д.э.н., профессор РАНХиГС, обратил внимание, что название новой книги Ю.М. Осипова во многом соответствует как содержанию книги, так и обстоятельствам ее появления. Книга создает общую методологическую основу развития общественных наук, формируя принципиально новое понимание человека и общества. Появление такой работы носит неслучайный характер и является теоретической базой преобразования балансирующего на грани самоуничтожения мира.

Развернутая в книге идея о тождественности человека и общества, о фактическом единстве людей как особенного планетарного организма дают понимание природы многовековой борьбы Запада с Россией. Идет борьба за утверждение законов и принципов развития всего человечества. Книга задала высокую интеллектуальную планку для прыжка национальной элиты в будущее.

Показательным, по мнению Шевченко, является игнорирование достижений философии хозяйства, их фактическое забвение, несмотря на высокую оценку экспертного сообщества. Современный мир бежит от философии хозяйства, обнажающей его пустоту.

И.А. Горюнов, преподаватель МФЮУ, заметил, что в ходе содержательных предыдущих выступлений не была затронута одна важная тема: успех написанной Ю.М. Осиповым книги. От чего зависит успех книги, которая, выйдя в свет, начинает жить своей, абсолютно не зависящей от автора жизнью? Ф. Ницше однажды заметил, что до некоторых книг надо дорасти. Но при этом редко кто признается, что он не дорос до той или иной книги.

До книг Ю.М. Осипова действительно надо дорасти. Прежде всего это касается книги «Белые скрижали», в которой автор максимально емко и четко формулирует свой взгляд (оформленный в рамках философии хозяйства и социологии) на человека, его сознание, общество, хозяйство, науку, технику и т. д.

Эта книга не учебник — свод обобщенно-общеизвестного знания, упакованного для вложения в умы подрастающего поколения. «Белые скрижали» — размыслительная книга. Она призывает не к беглому усвоению общепринятых-общепризнанных догматов, а к собственному творческому размышлению о трагических судьбах человеческой цивилизации и самого человека. Такие размышления (честные и глубокие) не могут быть легким занятием, так как требуют серьезной интеллектуальной работы.

Параграф второй (часть XI) книги называется «Выворачивание вывернутого». По мнению Горюнова, именно «выворачивание вывернутого» является основной характеристикой творчества Ю.М. Осипова. Современным (прежде всего постмодернистским) вы-

вернутым наизнанку представлениям об окружающей реальности, хозяйстве, человеке и т. д. (их принятие элиминирует человеческое сознание; что касается попытки их осмысления, то в силу их неадекватности, а точнее бредовости, человек испытывает страшную головную боль, так как от него требуются колоссальные умственные усилия по преобразованию бреда во что-то более или менее нормальное) Ю.М. Осипов противопоставляет ясный и понятный для любого думающего человека взор-взгляд на мир.

И.А. Горюнов подчеркнул, что в процессе чтения книг Ю.М. Осипова возникает состояние ясности ума и чистоты души. Разум становится просветленным, а мысли свежими, яркими и глубокими. Именно поэтому надо читать книги Ю.М. Осипова. И прежде всего «Белые скрижали», выводящие на путь к истинному, сущностному знанию. Как и к полноценной человеческой жизни.

В завершение дискуссии **Ю.М. Осипов** подвел итоги и поблагодарил участников мероприятия: «Мне представляется, уважаемые коллеги, что мы неплохо поговорили, было высказано много интересного и ценного, главное — была подтверждена уникальность и действительная инаковость философии хозяйства, раскрыты великие возможности ее развития и использования философско-хозяйственного подхода к осмыслению текущей и исторической реальности во всем ее целостном многообразии.

Мне остается только поблагодарить участников собрания — как здесь выступивших, так и внимательно прослушавших произнесенное с трибуны слово, а это было не просто слово, а Слово с большой буквы! Спасибо!».

12 ноября 2016 г. в г. Лимассол (Кипр) состоялся Международный научный симпозиум «Экономические компромиссы сегодня», организованный Научным советом «Центр общественных наук МГУ», Академией философии хозяйства при содействии RCB Bank Ltd. В симпозиуме приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), Г.А. Ахинов, К.А. Зимарин (Лимассол, Кипр), М.В. Кулаков, А.З. Новак (Варшава, Польша), В.Т. Рязанов (СПб), к.э.н Е.С. Зотова, научный сотрудник Т.С. Сухина, старший вице-президент RCB Bank Ltd И. Ищенко (Лондон, Великобритания), первый заместитель генерального директора RCB Bank Ltd А.В. Веденков (Лимассол, Кипр).

Е.С. ЗОТОВА

Об экономических компромиссах сегодня

Аннотация. Предлагается обзор выступлений на международном научном симпозиуме «Экономические компромиссы сегодня» (Кипр, г. Лимассол, 12 ноября 2016 г.).

Ключевые слова: экономика, компромисс, экономический компромисс, политико-экономический компромисс, Кипр, ЕС, брексит, непризнанные государства.

Abstract. The article contains the review of the speeches on the international science symposium «Compromises in Economics Today» (Cyprus, Limassol, 12 November 2016).

Key words: economics, compromise, compromise in economics, political compromise in economics, Cyprus, European Union, brexit, unadmitted states.

Предваряя рассмотрение проблем экономических компромиссов на международном экономическом симпозиуме «Экономические компромиссы сегодня», состоявшемся 12 ноября 2016 г. в г. Лимассоле (Кипр), организаторы — Научный совет «Центр общественных наук МГУ» и президиум Академии философии хозяйства так сформулировали предлагаемые к обсуждению проблемы:

«Как худой мир лучше доброй войны, так и удачный компромисс предпочтительнее рискованной конфронтации. Не одной конкуренцией живет экономика, бытует в ней и согласие. Есть и компромиссные согласия, добываемые взаимопризнанием и взаимными уступками, а результатом является взаимная выгода. Примеры экономических компромиссов. Настоятельная потребность в экономических компромиссах сегодня. Кипрский сюжет: от противостояния двух этносторон к единой островной стране через сложный — политический, культурный и экономический — компромисс».

В своем вступительном докладе «Политико-экономические компромиссы — веление времени» д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ») сказал следующее: «Много вокруг говорят о конкуренции, соперничестве, конфронтациях, даже о войнах, как и о соглашениях, союзах, альянсах,

но менее всего говорят о компромиссах, способных предотвращать и даже преодолевать столкновение интересов, даже и войны, а также возвещать миру если не великую дружбу между противоборствующими сторонами, то хотя бы взаимопонимание между ними и возможность взаимоприемлемого совместного их бытия.

Компромисс базируется так или иначе на взаимных уступках противостоящих и соперничающих сторон. *Именно уступках, причем именно взаимных!* Это-то оказывается и самым трудным, ибо в чем уступать, как, с какими для уступленного или из-за уступленного последствиями. Однако ничего лучшего, чем компромисс, для взаимоприемлемого выхода из критических ситуаций не придумано, да и быть не может.

Наиболее известны по текущей жизни компромиссы социально-политического толка: между властью и населением страны, между очень имущими и не очень имущими классами, между разными этносами в многоэтнической стране и т. д. Крепкая страна с устойчивым внутренним устройением — свидетельство длительного, как бы само собой разумеющегося, не слишком и бросающегося в глаза, социально-политического компромисса.

Немало есть примеров и устойчивых международных политико-экономических компромиссов вроде тех же взаимоуважительных и взаимовыгодных отношений между СССР (Российской Федерацией) и Финляндией.

Однако есть кое-что в мире и более значительное, даже и великое, как, например, Бреттон-Вудская международная валютная система или нынешнее доминационное положение в финансово-экономическом сегменте мира американского доллара со всеми на то весьма и разными для участников компромисса последствиями. В том и другом случаях явное присутствие компромисса, пусть и весьма простимулированного величием и мощью США.

Европейский союз — выдающийся пример беспримерного международного группового компромисса, требующего сегодня, в момент весьма острого кризиса ЕС, нового коллективного компромисса, возможно, совсем и не ординарного.

Наша родина Россия не избегает ныне ни внутреннего социально-политического компромисса, правда, объективно вовсе не бесспорного (пока терпимого), ни внешних компромиссов, примерами которых служат СНГ и тот же ЕврАзЭС. Есть в связи с Россией и другими государствами примеры и обратного порядка: бескомпромиссность Прибалтики относительно России; крупнейшая компромиссовая не-

удача с Украиной; антикомпромиссная составляющая в отношениях Польши и России.

Компромиссы всегда актуальны, актуальны они и сегодня. Пример актуального компромисса, правда, не очень пока выразительного — отношения между Россией и Турцией: от квазидружбы к квазикомпромиссу через почти войну. Это любопытный во всех ракурсах пример, достойный самого пристального внимания.

Наше ученое сообщество, сложившееся вокруг Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, предлагает большоголовым экспертам и хитроумным политическим деятелям современности заняться проблемой паневропейского компромисса (если не великого паневропейского компромисса!), чтобы достичь мирного воспроизводственного единения Большой Европы, включающей Россию, а также, возможно, Турцию и тот же Израиль.

Данную великоевропейскую проблему мы намерены обсудить в апреле 2017 г. в Варшаве (на базе Варшавского университета) на польско-российском симпозиуме, прямо так тематически и обозначенном: “Паневропейский компромисс”.

И наш сегодняшний международный симпозиум на Кипре, проводимый по инициативе и на базе RCB банка с концептуальным участием Центра общественных наук МГУ, тоже посвящен проблеме компромисса — как вообще компромисса, так и конкретного компромисса, возникшего в преддверии объединения двух частей Кипра в единое гособразование, как раз, видимо, вполне по духу и форме компромиссное.

Нам есть, что обсудить сегодня в этом замечательном интерьере, но для начала дискуссии было бы полезно услышать от наших коллег из RCB Bank Ltd. о политико-экономической ситуации на Кипре в связи с приближающимся объединением страны: какой здесь возможен компромисс?».

Далее генеральный директор RCB Bank Ltd. (Кипр), д.э.н. **К.А. Зимарин** сделал краткий исторический экскурс в кипрскую ситуацию. После обретения независимости, заметил К.А. Зимарин, в 1960 г. Кипр при наличии стран-гарантов (прежде всего Великобритании) развивался как часть греческого мира. Он безусловно стал независимым, но при проведении и внешней, и внутренней политики испытывал сильное влияние Греции. Наиболее решительной попыткой разрешения кипрской ситуации явился в 2004 г. план Анана — Генерального секретаря ООН. Он предполагал уважение к самостоятельности государства, к правам собственности, являющимися сейчас камнем преткновения. Но этот план был провален — население Южного Кип-

ра проголосовало против: оно не было готово к компромиссу. Тогда не удалось построить действенного экономического механизма, удовлетворяющего население по вопросам собственности. К тому же, на «борьбе» за независимость, продолжающую идею «черных полковников», была создана не одна политическая карьера. Однако пройдя тяжелейший экономический кризис 2013 г. и потеряв самостоятельность в принятии экономических решений, кипрское население немного отрезвело, и переговоры об объединении возобновились с новой силой.

Нынешнее прагматичное руководство Кипра, отвечая запросам общества, при мощной поддержке международного сообщества нацелено на решение этого вопроса (возможно, в виде этноконфедерации). Однако переговоры идут трудно, но тем не менее имеются основания полагать, что удастся достичь разумного компромисса. Странами-гарантами объединенного государства сейчас выступают США, Греция, Турция, Великобритания. По последним сведениям, предполагается привлечь Россию к переговорам по кипрскому процессу как участницу со стороны «группы друзей», отметил К.А. Зимарин.

А.В. Веденков, первый заместитель генерального директора банка RCB (Кипр), обратил внимание на два аспекта, которые сегодня тормозят компромиссное разрешение кипрской проблемы.

Первый — это отношения права собственности и стоимостная оценка объектов собственности — касается разницы между историческими и современными рыночными ценами. Основной вопрос: кто будет платить? Турция платить не готова, Евросоюз был готов, но не по высшей планке. Вот здесь и нужен экономический компромисс.

Вторая проблема — количество тех, кто является гражданами объединенного государства. Поскольку турецкое правительство поощряло переезд материковых турок на остров, их количество увеличилось. Этих мигрантов греки не признают.

По двум этим аспектам компромисс не достигнут, однако надежда на его разрешение есть, заметил А.В. Веденков.

В своем докладе «Политика компромиссов и особенности ее реализации в сфере экономики» д.э.н., профессор **В.Т. Рязанов** (зав. кафедрой экономической теории СПбГУ) заметил, что политика компромиссов представляет собой альтернативу силовому давлению и принуждению, реализуемыми доминирующим «центром силы». Ее практическая возможность в значительной мере определяется изменением сложившегося баланса сил и возникающей потребностью в реформатировании политического и хозяйствующего взаимодействия. Она также подкрепляется своей предпочтительностью как наиболее

приемлемого способа разрешения сложных проблем развития в условиях разнородности и разделенности мирохозяйственного устройства. Важно учитывать и то, что сам выбор политики компромиссов обусловлен желанием и способностью политических и хозяйствующих игроков (агентов) договариваться и принимать во внимание интересы участников переговорных процессов. В этом случае предмет договоренностей становится выработка правил и норм взаимодействия, не исключая возможности разделения сфер преимущественного влияния между договаривающимися сторонами.

Компромиссная модель в сфере экономики и ее реализация имеют свои ограничения, которые возникают из несовпадения экономических интересов и идейно-теоретического размежевания в обществе. Тем не менее опора на нее перспективна и предпочтительна в силу ее важной роли в сохранении стабильности в обществе и сдерживания наращивания социальных рисков. Реализация политики компромиссов в экономике предполагает поддержание конструктивного диалога власти с обществом, принимая во внимание наличие вариативности и альтернативности в общественно-хозяйственном развитии, заключил профессор В.Г. Рязанов.

Д.э.н., профессор **М.В. Кулаков** (МГУ) в своем докладе «От конкуренции к экономическим компромиссам» отметил, что одним из важнейших регуляторов рыночной экономики является конкуренция. Как правило, она бывает весьма жесткой, нередко до полного ухода с рынка продавца аналогичного продукта.

По мере усиления концентрации капитала, роста затрат на разработку и производство нового продукта, необходимости преодоления различного рода барьеров при выходе на зарубежные рынки даже крупные корпорации вынуждены искать пути, которые позволили бы им избежать разрушительных последствий конкуренции.

В поисках этих путей появились соглашения, которые получили название «стратегические альянсы». Это и есть экономический компромисс. Бывшие конкуренты подписывают соглашения о совместных НИОКР, моделях продукта, рынках сбыта и т. д. В этом случае в роли регулятора экономической деятельности выступает не конкуренция, а соглашения между конкретными субъектами этой деятельности. Тем самым происходит отрицание одного из важнейших механизмов рыночной экономики. Конечно, этот механизм не исчезает полностью. Он продолжает использоваться в отношениях альянса с другими участникам рынка. Но сужение сферы его действия наряду с ростом бюджетных расходов в странах с развитой экономикой является свидетельством того, что на определенном (достаточно высоком) уровне

обобществления хозяйственной деятельности рынок не справляется с обеспечением условий для экономического развития. Во избежание разрушительных последствий конкурентной борьбы оно все больше и больше нуждается в поисках компромиссов, сделал вывод профессор М.В. Кулаков.

В докладе на тему: «Экономические компромиссы в преодолении непризнанности государств в современном мире» д.э.н., профессор **А.Ю. Архипов** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) заметил, что в современном мире нарастает турбулентность, противоречия, место однополярной глобализации все больше занимает многополярность, немалую роль играют непризнанные государства, которых насчитывается несколько десятков. Среди частично признанных и непризнанных государств Китайская республика, контролирующая остров Тайвань, Палестина, Косово, Сомалиленд, другие территории в Африке. Ряд аналогичных государств появился на постсоветском пространстве перед и в результате распада Советского Союза. Возникновение всех этих государств было обусловлено наличием национальных, религиозных, исторических, социальных противоречий. Главной особенностью их политического развития является то, что они не признаны всеми или частью стран мирового сообщества, что вызывает проблемы существования и развития.

Так, в 1974 г. в результате попытки участников военного переворота присоединить Кипр к Греции, были введены турецкие войска, остров оказался разделенным. В 1989 г. провозглашена непризнанная Турецкая республика Северного Кипра. Переговоры о воссоединении Кипра безрезультатно шли несколько десятилетий. В настоящее время эти переговоры активизировались, согласовываются условия объединения.

Урегулирование вопросов и противоречий в каждом из случаев непризнанности сложно. Важно формировать взаимные интересы, в первую очередь экономические, не допускать попыток силового, военного решения конфликтов, использовать различные виды политико-правовой, гуманитарно-культурной автономии, урегулирование отношений собственности, различные формы политических, экономических уступок (например, как распределять собираемые налоги). Все это возможно только на основе взаимных уступок, компромиссов: политических, экономических, согласования условий урегулирования, форм, особенностей последующей совместной деятельности. Других путей решения этих сложных вопросов нет, сделал вывод профессор А.Ю. Архипов.

В своем докладе о европейском взгляде на экономические компромиссы д.э.н., профессор **А.З. Новак** (Варшавский университет) отметил, что тема компромиссов — очень важная, и предложил по-

смотреть на это с европейской точки зрения. Есть страны, в которых компромиссов не было, но при этом был успех. Это Южная Корея, Япония, Тайвань и др. Компромиссы зависят от культуры, истории, менталитета. В США в последние годы компромиссов тоже не было, и это привело к победе Трампа.

В Евросоюзе сейчас сложная ситуация. Он был основан на компромиссах — все должны были быть согласны с принимаемыми решениями. В нынешней ситуации огромной монетарной задолженности в некоторых странах (Греция, Испания, Португалия, Италия) решение найти трудно, без компромисса невозможно.

Есть несколько сценариев разрешения проблем, но нет солидарности для их выполнения. Богатые страны не хотят платить за неэффективно работающих бедных. Европе нужен компромисс. Говорят даже о создании Европейского министерства финансов, отвечающего за доходы и расходы, — но это умаляет самостоятельность стран-членов ЕС.

Пойдет ли на это Европа? Пока нет ответа.

Проблема эмигрантов в Европе — здесь тоже нужен компромисс — его достижение пока не просматривается.

Компромисс — важная институция, но достичь его трудно. Он работает только тогда, когда каждый участник идет на уступки, заключил профессор Новак.

Глава представительства RCB Bank Ltd в Великобритании в своем выступлении на тему: «Brexit, что после для ЕС и Великобритании» **И. Ищенко** отметил, что брексит — не результат каких-то политических процессов последнего времени. Это длилось десятилетиями. Британия всегда пессимистически относилась к компромиссам с континентальной Европой и ЕС, и если балансировала на принятии каких-либо решений, то всегда с оговоркой в свою пользу.

Первое, так называемое Римское, соглашение 1957 г. об образовании европейского экономического содружества касалось трех аспектов: свободы передвижения капиталов, товаров и квалифицированной рабочей силы. В конце 1980-х гг. Европа в соглашениях продвинулась дальше, но будирование вопроса о присоединении к этим процессам Великобритании всегда приводило к политическим кризисам в самой Великобритании. Британия более ориентирована на Британское Содружество, учрежденное при Георге V в 1926 г., включающее 52 страны, и, конечно, на стратегический союз с США, чем на континентальную Европу, компромиссы с которой ее мало волнуют.

Большинство населения Великобритании никогда не поддерживало ни Римского, ни Маастрихтского, ни Лиссабонского договоров,

видя, что страну наводняют эмигранты, у них забирают работу, влияют на их культуру, создают напряжение, заметил И. Ищенко.

В своем докладе «Экономические компромиссы в условиях меняющегося миропорядка» д.э.н., профессор **Г.А. Ахинов** (МГУ) отметил, что, в условиях быстро меняющегося миропорядка, в основе достижения любого (в том числе экономического) компромисса лежит четко артикулированная обеими сторонами позиция с постоянной актуализацией приоритетов, целей и задач, которые должны быть достигнуты и реализованы. Такое понимание сторонами своих интересов в рамках имеющихся на данном временном отрезке возможностей позволит им выработать и принять соответствующий компромисс.

В качестве примера им было отмечено, что одной из основных тенденций в парадигме общественного и социально-экономического развития стало изменение порядка и приоритетов при реализации социальной функции государства. Проведенные исследования по вопросам реализации социальной функции государства выявили тенденцию, согласно которой в мире происходит постепенный отказ от реализации патерналистской модели социального государства (государство всеобщего благосостояния), в рамках которой основным объектом реализации социальной функции государства выступают все индивиды (всеобщее благосостояние), а основными субъектами являются само государство и аффилированные с ним структуры. Данная модель социального государства предполагает всеобщую солидарную ответственность, поэтому ее негативным последствием стало то, что в отдельных странах проведение через бюджетную систему политики солидарной ответственности в пользу наименее дееспособных граждан привело к неуправляемому росту числа иждивенцев и государственного долга. При этом в современном урбанизированном мире отмечается существенное ослабление такого традиционного общественного института, как институт семьи.

По мнению профессора Г.А. Ахинова, постепенный отказ от реализации патерналистской модели социального государства и переход к общественной модели социального государства предполагают дальнейшую муниципализацию проводимой в обществе социальной политики. Основными субъектами реализации общественной модели социального государства (при наличии соответствующих источников финансирования) должны стать такие институты, как государство, индивид, семья, частные, а также муниципальные и другие общественные организации. Основными объектами (получателями бюджетных ресурсов) при реализации данной модели социального государства могут выступать различные социальные группы граждан и институт семьи,

что будет способствовать постепенному сокращению в обществе числа иждивенцев и укреплению солидарной ответственности внутри социальных групп и института семьи.

В заключение профессор Г.А. Ахинов особо подчеркнул, что в сложившейся практике современного урбанизированного общества институциональная среда — во многом результат деятельности государства и диалога государства и других общественных и частных институтов, поэтому решение задачи увеличения доверия и создания прозрачной институциональной среды возможно только при поддержке государства. Это означает, что в нашем обществе для изменения концептуальных установок в первую очередь, именно государство должно инициировать и поддерживать соответствующие программы общественного развития.

Заключая заседание симпозиума, профессор **Ю.М. Осипов** сказал: «Разговор состоялся. Он оказался очень интересным. Говорили о многом, не только о компромиссах, а и об актуальной в мире ситуации тоже. Мне были интересны все сообщения, но в особенности, как ученого, мое внимание привлекли неординарные суждения коллег из практического бизнеса. Не все взгляды у нас совпадают, это и хорошо, ибо побуждает к размышлениям. Учитывая, что здесь же, на Кипре, в RCB, в ноябре 2014 г. мы толковали о мировой кризисной ситуации, сделав это вполне успешно, наша сегодняшняя дискуссия выглядит уже зачаточно традиционной. Так не продолжить ли нам это важное начинание, превратив наш симпозиум в регулярный, образовав что-то вроде международного кипрского клуба? На этом считаю наше заседание закрытым, хотя не считаю закрытым обмен мнениями между участниками симпозиума, но уже в неординарной обстановке. Спасибо!».

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Экономика как творящий хаос»

Наука навязывает экономике порядок, законность, системность, а экономика над этим попросту смеется. Экономика прежде всего хаос, а потом уже... нет, не космос, а... хаосмос, возникающий из хаоса и не доходящий до устойчивого, воспроизводимого порядка. Не законы правят в экономике, а произвол, правда, встречающий другой произвол, его и умеривающий. Экономика не имеет никакой априорной, тем более заданной, меры, она сама себе мера — подвижная и изменчивая.

14 февраля 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ — 2017

Секция

«Россия в поиске выхода на экономический простор»

России ничего не остается как искать выход из глобального экономического зазеркалья, в которое то ли сама попала, то ли была туда заманена, если попросту не впахнута. И этот выход надо сделать, не покидая пределов сего зазеркалья, сохраняя свои границы открытыми. Вот она — сверхзадача, вовсе не чета задачкам физико-математическим или тем же шахматным. Каким же образом?

Март 2017 г.

* * *

Ломоносовские чтения — 2017

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

**«Наука, хозяйство, социум: взаимодействия
и трансформации»**

Наука — непосредственная производительная сила. Но не только, это еще и трансформационная (демиургическая) сила. Под влиянием научно-технического прогресса качественно меняется человек, социум, хозяйство, экономика, все бытие, вся жизнь. Однако есть и обратное влияние на науку как сферу бытия, хозяйства, экономики. Как, в каких словах и понятиях можно зафиксировать это взаимодействие, происходящие перемены? И что дальше?

Апрель 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Информация о конференции будет размещена на сайте экономического факультета. Необходимо пройти регистрацию на сайте факультета и продублировать заявку на почту лаборатории философии хозяйства <lab.phil.ec@mail.ru>

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде»

Человек меняется, может, не столько физически, сколько метафизически: меняется сознание, его начинка, его жизненные и поведенческие ориентации, как и, разумеется, меняются, слово, язык, культура, мораль. Так или иначе, но процесс идет по линии (треку) от природы к неприроде, от естественности к искусственности. Что происходит с человеком, его сознанием и поведением, его собственной природой? Каков главный тренд? И что можно ожидать впереди?

Июнь 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ
«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:

«Обретение хозяйственной целостности»

Аграрная сфера развивается, достижения налицо. Но нет пока хозяйственной целостности, нет аграрного комплекса. Растениеводство и выход обильной продукции — хорошо, но отсутствует развитие животноводства, как и нет достаточной переработки сельхозпродукции, нет и рынков для отечественных продуктов. Что происходит на практике, есть ли тут какие-либо достижения? Какова государственная политика в этой области? Что предпринимает сама Средняя Россия?

Июнь—июль 2017 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

* * *

Орленковские чтения — 2017

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Мировые геостратегические тренды:
социум, экономика, политика»**

Мир интенсивно меняется. Возникают и усиливаются главные геостратегические тренды. Какие? В планетарном социуме (глобализм, локализм или партикуляризм), в международной политике (США и мир, Россия и мир, Европа, Китай, Индия, БРИКС), в мировой экономике (конкуренция или диктат, рынки или сети, стихия или управление, кризисы или перманентная кризисность...). Что есть мир сегодня и чем он может стать завтра? Проблема мировых напряжений и международной борьбы, включая войну.

Сентябрь—октябрь 2017 г.

Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСПУТ

**«Великое историческое событие: корни, смыслы, плоды.
К 100-летию Российской революции 1917 г.»**

Революционный 1917 г. Сначала Февральская революция, затем Октябрьская — не единый, не общий, но исторически взаимосвязанный процесс грандиозной Российской революции. Что происходило, почему, для чего? Если смысл любой революции не в революции, то тогда в чем же был смысл Российской революции — этого величайшего потрясения страны и знакового события для всего мира? Смысл Февраля и смысл Октября.

Европейские семена революции и ее российские корни. Мировая революция и Россия, Россия и Мировая революция. Бытийная Россия и внебытийная революционная антиРоссия. Грехи и вины России, ее историческая уязвимость перед натиском Революции — антироссийскость российской-де революции.

Роковой 1917 год — заслуга и достояние мировой войны? Мотивация Февраля и мотивация Октября. От Февраля к Октябрю: резкий поворот, но к чему — к мировой революции, социализму, России?

Что дала и не дала стране и миру Октябрьская революция? Революционные и антиреволюционные плоды Октября. Гражданская война. Разгром церкви. НЭП как возврат к Февралю? Феномен сталинизма. Где оказалась и кем была Россия? А если б Российской революции не было? А если б только Февраль? А если б?

Революция как выворот бытия и антиреволюция как выворот выворота, но уже без возврата к революционно вывернутому.

А что 1990-е гг. — через призму революции, а 2000-е — через призму уже и антиреволюции? Где и как теперь Россия?

25 октября 2017 г

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»

Учитывая тот важнейший факт, что по планетарному миру и по России уже бродит не призрак, а самая настоящая «субстанция перемен», крайне актуально провести широкую научно-экспертную дискуссию относительно движения России к своему новому социо-экономическому облику, уже не сугубо «европейскому», и совсем не «азиатскому», а именно российскому, непревзойто сочетающему актуальную отечественную традицию с новизной. Вот поэтому и «Россия на пути к России» — здесь не так патриотическое ожидание, как осознание геостратегической необходимости, подкрепляемой открывшейся перед страной исторической возможностью выйти наконец-то к самой себе, чему упорно способствует ожесточенная глобальная конкуренция в обстановке нарастающего вокруг России геополитического напряжения.

Декабрь 2017 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки на конференцию (анкета и тезисы докладов — не более 3000 знаков) будет приниматься по электронной почте <lab.phil.ec@mail.ru> с 25 сентября по 31 октября 2017 г. Обязательно указание темы письма: «Заявка на конференцию декабрь 2017».

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат биологических наук, профессор, Российская академия естествознания, Санкт-Петербург, Россия (*s_stroev@hotmail.com*).

ЧЕПЬЮК ОЛЬГА РОСТИСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*chepyuk@gmail.com*).

ФОМИНА МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Технологический институт (филиал), Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия (*secretar@atidstu.ru*).

ЮДИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,

доктор экономических наук, доцент, кафедра экономики инноваций, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*orchidflower@list.ru*).

АКИНИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия (*ad.antonin@yandex.ru*).

ШЕВЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*ad.antonin@yandex.ru*).

ОЛЕЙНИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

УСИК НИНА ИВАНОВНА,

доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия (*nius50@yandex.ru*).

КАЙМАНАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*skaimanakov@mail.ru*).

КУПЧИШИНА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА,

аспирант, кафедра экономики инноваций, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*Sigrdriva@inbox.ru*).

ЯМУШКИН АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доцент, кафедра экономики и менеджмента, Муромский филиал, Московский психолого-социальный университет, Муром, Владимирская обл., Россия (*avart.sci@yandex.ru*).

АЛУХАНИЯ АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия (*aalukhanyan78@mail.ru*).

АНДРЕЕВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия (*alya_andreeva@mail.ru*).

ВОЛКОВ ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра права, философии и социальных дисциплин, факультет экономики и права, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (филиал), Арзамас, Россия (*yu.k.volkov@yandex.ru*).

ЗУБАНОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

учитель экономики и информатики, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия», Арзамас, Россия (*zubanov2001@mail.ru*).

ХАБИБУЛЛИН РИФАТ ИЛГИЗОВИЧ,

научный сотрудник, лаборатория микроэкономического анализа и моделирования, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия (*khabibullin16@gmail.com*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований РАН, Москва, Россия (*skaramur@rambler.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,

кандидат сельскохозяйственных наук, научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nirass@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURIY MIKHAYLOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

STROEV SERGEY ALEXANDROVICH,

Candidate of Biological Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Saint-Petersburg, Russia (*s_stroev@hotmail.com*)

CHEPYUK OLGA ROSTISLAVOVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Economy and Business, Nizhny Novgorod, Russia (*chepyuk@gmail.com*).

FOMINA MARINA RINALDOVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Technological Institute (branch of the University), Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia (*secretar@atidstu.ru*).

YUDINA TAMARA NICOLAEVNA,

Doctor of Economics, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*orchidflower@list.ru*).

AKININ ANDREY ALEXANDROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg, Russia (*ad.antonin@yandex.ru*).

SHEVELEV ALEXANDR ALEXEEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*ad.antonin@yandex.ru*).

OLEYNIKOV ALEKSANDR ALEKSEEVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of chair of Economic Theory of the Orthodox St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia (*alek.oleinikoff2010@yandex.ru*).

USIK NINA IVANOVNA,

Doctor of Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint-Petersburg, Russia (*nius50@yandex.ru*).

KAYMANAKOV SERGEY VLADIMIROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*skaimanakov@mail.ru*).

- KUPCHISHINA ELENA VALERYEVNA,**
Post-graduate Student, Economics of Innovation Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*Sigrdriva@inbox.ru*).
- YAMUSHKIN ARTEMI VLADIMIROVICH,**
Associate Professor, Chair of Economics and Management, Murom Branch, Moscow Psychological Social University, Russia (*avart.sci@yandex.ru*).
- ALUKHANYAN ARTHUR ALEXANDROVICH,**
Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management in Machine Engineering, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia (*aalukhanyan78@mail.ru*).
- ANDREEVA ALINA VLADIMIROVA,**
Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics and Finance, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia (*alya_andreeva@mail.ru*).
- VOLKOV YURI KONSTANTINOVICH,**
Doctor of Philosophy Sciences, Professor, National Research Nizhni Novgorod State University (a branch), Arzamas, Russia (*yu.k.volkov@yandex.ru*).
- ZUBANOV MAXIM ALEXANDROVICH,**
Economics and Computer Science Teacher, Arzamas, Russia (*zubanov2001@mail.ru*).
- KHABIBULLIN RIFAT ILGIZOVICH,**
Research Manager, Laboratory of Microeconomic Analysis and Modeling, Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia (*khabibullin16@gmail.com*).
- KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).
- GIRENOK FEDOR IVANOVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).
- MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of *Dialectics*, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).
- KARA-MURZA SERGEY GEORGIEVICH,**
Doctor of Chemical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Moscow, Russia (*skaramur@rambler.ru*).
- ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,**
Candidate of Philosophical Sciences, Senior Teacher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,
Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

NIPA SVETLANA STANISLAVOVNA,
Candidate of Agricultural Sciences, Research Manager, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nipa-ss@mail.ru*)

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,
Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Содержание за 2016 год

Белые одежды (<i>Главный редактор</i>)	№ 4
Год осмнадцатый! (<i>Ю.М. Осипов</i>)	№ 1
Перемены? (<i>Главный редактор</i>)	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Прорыв в Иное (к итогам четвертьвекового бытия Центра общественных наук)	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российское системное перестроение как неизбежная актуальность	№ 6
Юбилейный мотив (<i>Главный редактор</i>)	№ 6
Философия хозяйства	
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
От интеллектообщества к обществу колониальной демократии (накануне еще более важных перемен)	№ 4
<i>В.В. Атаян</i>	
Стадии развертывания овеществленной ценностной ориентации	№ 4
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Философия хозяйства и кейнсианство как целое и часть: время смены приоритетов	№ 5
<i>А.С. Вишневецкий</i>	
Стратегирование в парадигмах Премодерна, модерна и постмодерна	№ 2
<i>С.А. Давыдов, Е.Е. Торандо</i>	
Редистрибуция и формирование планового хозяйства в Древнем Египте	№ 3
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Турбулентная Россия	№ 3
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Физика жизни, или Инструментальная метафизика	№ 5
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
О модели кризиса и задачах обществоведения	№ 1
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
Философия хозяйства и социально-экономический «психотип» (восприятия) капитализма	№ 2
<i>В.К. Королёв</i>	
«Философия хозяйства» как социогуманитарная основа модернизации экономической мысли	№ 1
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
О необходимости смены парадигмы методологии современной науки	№ 1
<i>А.П. Никитин</i>	
Прагматические аспекты семиозиса денежных знаков	№ 3

<i>Ю.М. Осипов</i> Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность.....	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i> Этнонациональное сознание и историческое поведение.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i> Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение	№ 4
<i>Т.И. Пороховская</i> Философия хозяйства и этика бизнеса	№ 1
<i>С.П. Рамазанов</i> Поражения, победы и формирование национального самосознания.....	№ 6
<i>К.В. Сеньюткин</i> Система ценностей в западнохристианской и восточнохристианской культурах	№ 4
<i>С.С. Слепаков</i> К вопросу о смысловых доминантах российских реформ (воспроизводственный подход)	№ 1
<i>Р.Е. Соколов</i> Философия хозяйства протестантизма в «Теологической этике» Роте	№ 1
<i>С.А. Строев</i> Иррациональность потребностей и субъективная психологичность экономики	№ 6
<i>В.А. Ушанков</i> О здравом смысле, национальной арифметике и своеобразии отечественной экономической науки	№ 1
<i>М.Р. Фомина</i> История философии хозяйства: католический и протестантский менеджмент	№ 2
<i>М.Р. Фомина</i> История философии хозяйства: постановка проблемы «дзэн-буддизм и капитализм».....	№ 6
<i>М.Р. Фомина</i> История философии хозяйства: хозяйственная этика протестантизма и конфуцианства.....	№ 1
<i>И.Ю. Фомичев</i> Методологические основания концептуализации современной хозяйственной этики.....	№ 2
<i>О.Р. Чельюк, А.Н. Фортунатов</i> Экономический кризис: императив без адресата	№ 6
<i>О.Р. Чельюк</i> Энтропия в экономической науке: предвестник конца или нового начала?	№ 3
<i>Л.К. Чулков, Г.М. Пурынычева</i> Соборность в контексте хозяйствования русского народа.....	№ 3

<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Возмездие и милосердие Книги.....	№ 6
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизика и онтология софийной мудрости в России.....	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Ноосферная демиургия и образование в творчестве М.В. Ломоносова	№ 2
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Человек и мир Иного	№ 4
<i>Я.Ю. Щербина</i>	
Человек проектирующий в современном мире	№ 3
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Конституирующие основы фундаментальной экономической науки: философско-хозяйственный взгляд.....	№ 6
Экономическая теория	
<i>А.А. Акинин, А.А. Шелелев</i>	
Политэкономика евразийской цивилизации: уникальный дискурс и пространство сотрудничества.....	№ 6
<i>А.А. Алуханян, А.В. Андреева</i>	
Финансовые и маркетинговые инструменты государственной поддержки программы неиндустриализации экономики	№ 6
<i>Д.А. Антипов</i>	
Основные этапы становления неолиберальной модели развития.....	№ 1
<i>Л.О. Антонян</i>	
Отражение специфических черт российской экономической системы на развитии нефтяной отрасли.....	№ 5
<i>А.Ю. Архипов</i>	
Взаимодействие и перспективы развития Европейского союза и Евразийского экономического союза.....	№ 5
<i>Г.А. Ахинов, К.А. Зимарин</i>	
Вопросы формирования в Европейском Союзе региональной финансовой системы	№ 1
<i>Г.А. Ахинов, А.Л. Рвачев</i>	
Вопросы регулирования предпринимательства в условиях развития рыночных отношений.....	№ 4
<i>Е.В. Воинов</i>	
Воздействие политики ФРС и финансового сектора на неравенство распределения доходов в США.....	№ 5
<i>Ю.К. Волков, М.А. Зубанов</i>	
Историческое и логическое в определении специфики деятельности потребления.....	№ 6
<i>Д.С. Головин</i>	
Особенности реализации основных параметров модернизации в экономике России	№ 5
<i>А.А. Гриценко</i>	
Экономическая теория и ее структурные составляющие: единство и различия предметов и методов.....	№ 2

<i>В.С. Гриценко</i>	
Оценка потребностей в информационных ресурсах с позиций мир-системного подхода	№ 5
<i>М.М. Гузев</i>	
Импортозамещение в России: необходимость и возможность	№ 5
<i>В. Драшкович</i>	
Против неграмотной науки	№ 1
<i>Э.П. Дунаев</i>	
Некоторые соображения по поводу планирования в современной России	№ 1
<i>С.А. Дятлов</i>	
Фундаментальные понятия новой экономической теории	№ 4
<i>С.А. Дятлов</i>	
Энейро-сетевая экономика: Информационный метадисциплинарный подход к исследованию	№ 5
<i>С.Н. Ефимушкин</i>	
Трансформация модели формирования специалиста для инновационной экономики. Опыт инженерной школы Франции	№ 3
<i>В.Н. Иванова</i>	
Частные деньги как перспективный элемент национальных кредитно-денежных систем	№ 4
<i>С.В. Кайманаков</i>	
Многоуровневый подход к исследованию эффективности производства и экономической безопасности	№ 6
<i>Е.В. Коновалова, В.В. Матрешева, В.В. Чежмарев</i>	
Семейный капитал как экономическая категория	№ 3
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Логика органического как основа методологии изучения устойчивого экономического развития	№ 1
<i>В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева</i>	
Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им?	№ 4
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Глобальные дисбалансы: институциональный подход	№ 1
<i>В.М. Кульков</i>	
Теоретическое отражение национальной экономики: роль философии хозяйства	№ 1
<i>Е.В. Кутчишина</i>	
Некоторые аспекты формирования институциональной инфраструктуры цифровой экономики	№ 6
<i>Е.В. Кутчишина</i>	
Цифровое развитие: тенденции и перспективы	№ 4
<i>Л.Ю. Матич, М.А. Клубова</i>	
Идеи маркетинга от Т. Мальтуса до Т. Веблена	№ 3
<i>К.В. Молчанов</i>	
К критике научной терминологии	№ 5

<i>К.В. Молчанов</i> О категориальной недоопределенности стоимости	№ 3
<i>К.В. Молчанов</i> Рост российской экономики — три экономические концепции и диалектический принцип	№ 4
<i>И.В. Назаров</i> Мировоззренческие основания экономической науки: необходимость пересмотра	№ 2
<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i> Что после евро?	№ 1
<i>А.А. Олейников</i> Национальный доход как фундаментальное условие и основа воспроизводства многоукладного хозяйства России	№ 6
<i>А.А. Олейников</i> Предмет экономической теории как политической экономики евразийского национального хозяйства — евразийский мейнстрим: русский взгляд	№ 4
<i>В.В. Палочкина</i> Многоканальное финансирование инвестиций в развитие человеческого потенциала в различных моделях социального государства	№ 3
<i>В.К. Петров</i> Новая экономика для современной России	№ 4
<i>А.А. Пороховский</i> Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики	№ 1
<i>И.В. Пшеницын</i> О природе денег	№ 3
<i>И.В. Пшеницын</i> Понятие цикла экономики	№ 6
<i>А.Ю. Разумов</i> Трансформация роли золота в составе международных резервов	№ 5
<i>А.В. Ремжов</i> Эффективность: по ту сторону от экономикса	№ 3
<i>И.Е. Рудакова</i> Кейнсианская революция: современный взгляд	№ 2
<i>О.Е. Рязанова, Е.В. Назарова</i> Инновационный путь развития и производство знаний	№ 5
<i>С.С. Слепаков</i> Четверть века России в новом времени: общественные интересы, глобальная конкуренция и стейкхолдер-менеджмент	№ 3
<i>Р.Е. Соколов</i> Дихотомия между категориями: «личный фактор производства» и «человеческий капитал»	№ 5
<i>И.М. Теняков</i> Современный экономический рост как особая форма процесса накопления капитала	№ 2

<i>Е.В. Трифонов</i> Социально-экономическая концепция развития России	№ 1
<i>А.Х. Ульбашев</i> Межотраслевой баланс в российской экономике: методика формирования и потенциал использования для макроэкономического планирования	№ 5
<i>Н.И. Усик</i> О расширении границ рыночной экономики	№ 6
<i>Р.И. Хабибуллин</i> Концептуальные основы самоуправляемой фирмы: в поисках сбалансированной модели хозяйствования	№ 6
<i>А.М. Цикин</i> Особенности обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в условиях санкционного режима	№ 3
<i>А.М. Цикин</i> Проблема экономических интересов при формировании конкурентоспособности национальной экономики	№ 4
<i>Т.Н. Юдина</i> Цифровизация в контексте сопряженности Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути	№ 4
<i>А.В. Ямушкин</i> Экономическая теория и перспективы анализа сложных систем	№ 6
Актуальная философия	
<i>Т.А. Андреева</i> Светская и религиозная парадигмы в контексте общественного бытия	№ 2
<i>В.В. Атаян</i> Концепции экстраполяции глобальных «универсальных» ценностей	№ 5
<i>В.В. Атаян</i> Развертывание глобальной овеществленной ценностной ориентации в XX — начале XXI века	№ 2
<i>Д.А. Баженов</i> Инструментализм как логика функционирования позднего капитализма	№ 2
<i>М.Е. Бойко</i> Алгоэкономика и субстанциальная теория боли в XX в.	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i> Антропологический поворот в философии и метаморфозы гуманитарного	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i> Введенский: поэзия плодотворного непонимания	№ 4
<i>Ф.И. Гиренок</i> Сладкое и соленое: философия социального	№ 6
<i>Ф.И. Гиренок</i> Хармс: взгляд со стороны археоавангарда	№ 2

<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что значит «смерть автора» с точки зрения антропологии?	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что такое человек?	№ 5
<i>А. Ю. Горбачев</i>	
Агностицизм (тезисы).....	№ 5
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Атеизм.....	№ 2
<i>И.В. Демин</i>	
Соотношение техники и идеологии в концепциях Ф.-Г. Юнгера и Ю. Хабермаса	№ 4
<i>Н.П. Козиенко</i>	
Наука, искусство, религия: подходы к познанию и предназначение	№ 1
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Экология духа как основа социального проектирования в парадигме органической философии.....	№ 5
<i>А.В. Коровин</i>	
Экзистенциальный выбор и онтологическое понимание добра и зла: от Сёрена Киркегора к Мартину Хансену	№ 3
<i>В.А. Кутырёв</i>	
От образования к о-программированию (или как достичь передового уровня деградации человека).....	№ 5
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Прогресс транстехнологий как отрицание человека: критические точки взаимодействия	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i>	
Недостатки диалектического метода К. Маркса. Достоинства подхода К. Маркса.....	№ 6
<i>К.В. Молчанов</i>	
О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения	№ 2
<i>К.В. Молчанов</i>	
О теме «Реальность и идеальность» в современной диалектике и о наиболее значимых ее положениях и выводах из нее.....	№ 1
<i>А.Н. Нечухрин, С.В. Синяков</i>	
Россия и Западный мир (опыт дискуссии в отечественной философии истории конца XIX — начала XX в.)	№ 4
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i>	
Имя времени: кризисология как учение о темпоральности и диалектика культуры	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
А-теологический смысл «теологического поворота» в философии. Марион и Ваттимо (часть II)	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
А-теологический смысл «теологического поворота» в философии. Ницше и Хайдеггер.....	№ 2
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Внутренний опыт как деградация антропологического	№ 5

<i>Н.Н. Ростова</i>	
Трансформация веры в современном мире.....	№ 1
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Человек литургический	№ 4
<i>С.В. Синяков</i>	
Общественное сознание как идеология	№ 1
Актуальная историческая мысль	
<i>С.В. Синяков</i>	
История и политика	№ 2
<i>И.П. Смирнов</i>	
О некоторых методологических аспектах истории русской мысли	№ 2
Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков, А.М. Барсуков</i>	
Перспективы и проблемы расширения ЕАЭС.....	№ 4
<i>Л. Юрчишин</i>	
Трансграничный политический экстремизм в эпоху глобализации: общая угроза для безопасности Российской Федерации и Евросоюза	№ 4
Алгоритмы управления	
<i>О.В. Андреева</i>	
Системно-диагностический подход в теории управления как методология неиндустриализации	№ 5
<i>А.А. Бабаев</i>	
Управление персоналом на разных этапах жизненного цикла организации (на примере модели Л. Грейнера).....	№ 5
<i>Е.В. Логинова</i>	
Необходимость развития публичного управления в современной России	№ 5
Европейский вопрос	
<i>Г.А. Ахинов, К.А. Зимарин</i>	
Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство — вызов нового времени	№ 3
<i>А.А. Гриценко</i>	
Реконструкция Европы в контексте поиска путей разрешения современных противоречий.....	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Большая Европа: несбыточная возможность.....	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова</i>	
Человек, хозяйство, экономика: европейский контекст	№ 3
Юбилей	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Человек-философия (к 75-летию Юрия Михайловича Осипова)	№ 4
<i>В. Драшкович</i>	
Великий создатель (к 75-летию Ю.М. Осипова).....	№ 4

<i>В.К. Королев</i>	
Persona grata: вольность мысли аристократа!	№ 4
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Архитекторам русской максимы	№ 4
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Признательное заявление	№ 4
<i>А.А. Погребняк</i>	
Слушать метафизику (к 75-летию Ю.М. Осипова)	№ 4
Рецензии и отклики	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Кандинский и абстрактная живопись	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Отклик на поэму «Блики и срезы»	№ 4
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Фуко и терроризм	№ 3
<i>Св.А. Долматова, Ст.А. Долматова</i>	
Возрождение политической экономии в интересах социально-устойчивого развития	№ 2
<i>Е.С. Зотова</i>	
О европейском взгляде на Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство	№ 5
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Краткий экскурс в политэкономия	№ 6
<i>С.С. Мерзляков</i>	
Клиповое сознание — это не плохо?	
Клиповое сознание — это хорошо?	№ 1
<i>А.С. Нилюгов</i>	
Антиязык в трактовке Ф.И. Гиренка	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Новый человек: есть ли он?	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Размышления у непарадного подъезда отечественного обществоведения (по поводу необычной книги С.Г. Кара-Мурзы)	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Сказанное и невысказанное в одном флаконе (подготовительные заметки председателя конференции)	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Струя свежего воздуха (о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм»)	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Философия быга	№ 6
<i>М.А. Румянцев</i>	
Антропология хозяйства в «Обретении» Ю.М. Осипова (опыт понимания)	№ 4
<i>И.П. Смирнов</i>	
Человек как предмет познания (компаративистский опыт)	№ 5

<i>К.А. Хубиев</i>	
О научной школе Ю.М. Осипова.....	№ 4
<i>В.В. Чекмарёв, Вл.В. Чекмарёв</i>	
Трапповое плато теории хозяйства профессора Ю.М. Осипова	№ 5
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Скрижали экономической мысли	№ 6
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Земля грозно молчит, замышляя возмездие	№ 2
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Реформы и бурайсы!	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Софиасофия Книги. Исповедь Книги. Сказ о Граде Книги	№ 5
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова, Т.С. Сухина</i>	
Большая Европа сегодня: дискуссия в Варшавском университете.....	№ 3
<i>Е.С. Зотова</i>	
Кто он — новый человек:	
научная дискуссия в Московском университете	№ 2
<i>Е.С. Зотова</i>	
Об экономических компромиссах сегодня	№ 6
<i>Е.С. Зотова</i>	
О неэкономике с позиций философии хозяйства	№ 3
<i>Е.С. Зотова</i>	
О российской обществоведческой	
и философско-хозяйственной мысли сегодня	№ 1
<i>С.С. Нипа</i>	
Какая экономическая теория нам нужна?	№ 2
<i>С.С. Нипа, Т.С. Сухина</i>	
Средняя Россия: перемены, которые есть и которые нужны	№ 5
<i>С.С. Нипа, Т.С. Сухина</i>	
Философия хозяйства как иное знание	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Кейнс как неэкономист.....	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Неоэкономика как высшая на сегодня	
историческая форма экономики	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия как Россия	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Становящаяся Россия в изменяющемся мире.....	№ 5
<i>И.П. Смирнов</i>	
К 25-летию Центра общественных наук при МГУ	№ 1
<i>Т.С. Сухина</i>	
Ломоносов и современная Россия.	
Возвращение утерянного.....	№ 2
<i>Т.С. Сухина</i>	
От реформы к реформированию.....	№ 3

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук и экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова продолжает в 2017 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, обществоведческой, экономической и философской науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научная ориентация издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления «философия хозяйства» и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Журнал видит своими главными задачами сбережение и развитие классической размыслительной культуры — дискурсной, понятийной, языковой, литературной, исходя из мирового когнитивного опыта и национального интеллектуального потенциала.

С 1999 г. — года своего основания — журнал, демонстрируя себя безусловным приверженцем энциклопедического подхода к познанию сложной и неоднозначной реальности, продолжает оставаться обильным источником свободной, свежей и достаточно уже редкой фундаментальной мысли, ныне особенно ценной.

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе должны включать:

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом УДК, ББК (в левом верхнем углу до названия).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сна-

чала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала:

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.